

Александра Лосева

Две недели и дальше. Берегите бороду. [Книга первая]

Аннотация

Идти в обход – понятно, Не очень-то легко, Не очень-то приятно И очень далеко. Поисковая партия из четырех человек... эээ, человек ли? Впрочем, к этому мы вернемся позднее. Итак, поисковая партия из четырех... поисковиков отправляется на поиски, соответственно, похищенного магического артефакта. Долженствующего толи спасти мир, толи уничтожить. Иными словами его необходимо найти и вернуть на место.

Глава 1

Зулин

Была тьма. Те, кто появились на свет тривиально, утверждают, что все начинается обязательно с начала. Ограничив свой разум зримым, они упрямо наклеивают ярлык старта на то, что первым попало им на глаза. Этого не отнять, на этом строится их хрупкий мир. Им легче. Их память развернута по прямой, которая иногда прерывается совестью. Для него все иначе. Была тьма. И эта тьма, – первое, что он помнил, – была не началом, а промежутком.

Он ощущал себя, как рыба – воду, а птица – небо, если их вдруг отнимут. Его тело казалось чужим и безвольным, а тьма шептала, шептала, шептала – что-то, чего он не мог понять. Он был, и его не было, и от этого было яростно и плохо, и хотелось найти виновных в его беспомощности. Найти и подарить им эту тьму, это отнятое небо и воду, как их ощущают птицы и рыбы. Он был неподвижен и двигался, как тело, которое тащат. Тьма двигалась вместе с ним, говорила на непонятном языке, и не было ни единого уступа в пространстве, за который он мог бы зацепиться, чтобы больше не падать вверх. Он не знал себя. Сгусток материи, стреляющий нервными протуберанцами, горящая звезда, мысль сумасшедшего, приступ эпилепсии, стрела, человек, зверь или заклятие – кто он? Где он? Кто или что тащит его, лишив памяти, воли и разума, через липкую тьму? И зачем?

Он открыл глаза и закрыл глаза. Ничего не увидел, но понял, что у него есть лицо. Еще понял, что приближается; что еще немного – и начнется то, что бывает после середины, – месть. Он приготовился. Память жалобно и тихо поскуливала на темном крыльце его разума, просясь внутрь. Он колебался между злостью и памятью, и вдруг осознал боль. Тогда он выбрал.

Был свет, пришедший со всех сторон и затопивший душу – яркий чужой настырный свет, без границ и причины, навсегда. Свет был хуже тьмы, но слабее. Свет был творением, и творением нелюбимым. Он шагнул вперед, к границе, и встретил ошалелый мятущийся взгляд. И тогда, еще прежде, чем осознать свои руки, единым хищным броском он вонзил пальцы во что-то влажное и теплое, и взгляд исчез. Навалились звуки, и мир стал реален.

Горел огонь. Кричал человек. Все тише и тише. Потом замолчал. Он огляделся. Каменный пол комнаты был испещрен странными знаками, по углам мечется зеленоватое пламя, горящее в немилосердно чающих светильниках. Перед ним на полу лежит тело: человек в сером балахоне, заляпанном красным. У человека нет глаз. Две кровавые дыры на его лице сочатся слизью и сукровицей, рот перекошен судорогой крика.

Дверь в комнату дрогнула от удара снаружи и распахнулась. На пороге возник

взъерошенный старик и шагнул было внутрь, но словно наткнулся на невидимую стену, застыл и пробормотал, задыхаясь:

– Великие боги! Что здесь... – и не договорил.

Он смотрел на старика и на тело у своих ног, пытаясь понять и вспомнить, но внутри было пусто. Ему казалось, что стоит заговорить, и это наваждение исчезнет, и он проснется... где? Кем?

– Призрак ты или демон, создание тьмы или света, кто бы ни выслал тебя в этот мир – отвечай! – сурово заговорил старик.

Он закрыл глаза и попытался вспомнить. Тьма, свет, взгляд. Больше ничего.

– Где я? – свой собственный голос показался ему незнакомым, слова разбегались шустрым мышинным выводком, теряя смысл и форму.

– Не пытайся обмануть меня, демон. Отвечай: кто ты? Откуда вызвал тебя этот болван, которого ты убил? Назови свое имя!

– Я убил... – он недоуменно посмотрел на свои пальцы, измазанные кровью.

– Да, ты убил его! Кто ты? Кому ты служишь?

Он закрыл глаза и попытался уничтожить этот чужой нелепый сон, в котором случайно оказался. Он несся обратно, через смерть человека в сером балахоне, прочь от его взгляда, через свет, к тьме и сквозь нее. И когда он почти уже понял, тьма убила его.

* * *

– Так, так... Ну и кого же ты хотел на меня натравить, любимый ученик? От чьей руки я должен был умереть? Нет, не то... Лунные призраки, нет... Создания тьмы, тоже нет... Великие боги, Маркус, ты был не только величайшим предателем, но и величайшим кретином всех времен и народов... Дети ночи, опять не то...

Бормотание. Раздраженное старческое бормотание, шаги, шелест одежды, запах пыли. Каменный холод ползет по спине.

– Дьявол меня заberi, если в этой проклятой башне найдется хоть одна книга, которая мне поможет. Рассветные демоны, нет, нет, не то!

Шлепок, шелест бумаги. Кто-то швыряет книгу. Опять шаги, нервные, порывистые. Как холодно.

– Хорошо, будем рассуждать логически. Маркус возомнил себя светочем разума, поэтому решил убить меня, чтобы самому занять мое место. Высшая степень кренинизма, но не в этом дело. Почему он просто не отравил меня? Зачем нужно было вмешивать в это пустячное дело магию? Великие боги, трудно умному человеку рассуждать с точки зрения идиота! Хорошо, он решил обставить все так, что я будто бы погиб во время магических опытов. Для этого он вызвал демона, зная, что я замечу активную магию в башне и примчусь, чтобы надрать ему задницу. Недоумок! Да, но что-то пошло не так, и появился этот урод, и убил Маркуса раньше, чем тот смог это "что-то" исправить. Маркус был болваном, но, дьявол меня заberi, вытащил же он откуда-то это существо! Отлично, его нет ни в одной книге, я не знаю, на что он способен, и как он будет себя вести, когда очнется. Если очнется.

Звуки. Запах. Боль. Распахнутые глаза. Какой яркий свет. Хотя, нет. Больно не от света. Просто больно. Болит все. Значит, жив. Он вдохнул пыльный воздух и застонал. Шаги затихли. Бормотание.

– Так, отлично. Приходит в себя. Очень вовремя. Только этого мне сейчас и не хватало. Полуобморочная тварь неизвестного происхождения и труп моего собственного ученика. Замечательно! Ох, Маркус, Маркус, в недобрый час твой батюшка решил сделать из тебя мага!

Шевеление, суетливое шевеление возле. Где-то далеко вверху – серые каменные своды. Он повернул голову. Слева двигалось мутное расплывчатое пятно, то увеличиваясь, то

уменьшаясь. Снова раздался голос.

– Да, сдаётся мне, ты сейчас не способен убить ещё кого-то, кто бы ты ни был. Ты не похож на демона, хотя твоя рожа доведёт до инфаркта кого угодно. Не могу сказать, что смерть Маркуса меня сильно расстроила, но, дьявол меня заberi, это пахнет изрядными неприятностями. Поэтому давай, красавчик, приходи в себя. Мне о многом нужно тебя расспросить.

Невыносимо болела голова. Он закрыл глаза, глубоко вздохнул и открыл их снова. Мутное бормочущее пятно заволновалось, задвигалось и постепенно сфокусировалось. На него смотрели колючие серые глаза в сети глубоких морщин. Серые лохматые брови сошлись у переносицы.

– Да уж, взгляд у тебя, что называется, не из приятных. Ты уже здесь или ещё где-то там? Ты меня понимаешь? Можешь ответить?

– Я жив? – слова врезались в виски и задрожали, посылая в мозг волны противной ноющей боли.

– Ну, как сказать. Скорее, мертв, чем жив. Если учесть, что Маркус отправился на тот свет не без твоей помощи, я бы не дал за твою жизнь даже прошлогодней змеиной кожи. Впрочем, нашим друзьям из Большого совета совершенно не обязательно об этом знать. Хотя, степень их осведомленности будет зависеть от твоего поведения. Ты понимаешь, о чем я?

– Нет.

– Великие боги, я, кажется, начинаю впадать в старческий маразм. Конечно, ты не понимаешь! Странно, что ты вообще говоришь на моем языке. Я просто пытаюсь тебе объяснить, что в твоих интересах вести себя благоразумно и не ссориться со мной. Я не Маркус. Ты не успеешь даже поднять руки. Я Зодчий.

– Мне плохо... – он изо всех сил пытался сосредоточиться на том, что говорил старик, но боль в голове съедала все. Лицо Зодчего вновь начало расплываться мутным серым пятном. Он поднял руку, чтобы удержать лицо, и снова потерял сознание.

* * *

– Планары, планары, так... Маркус Тарийский хотел вызвать демона, а вытащил в эту богами проклятую дыру планара... Да еще и не просто планара, а ПЛАНАРА! Я бы даже сказал, самого планарского планара, какого только можно себе представить, дьявол меня заberi! – старик взъерошил волосы на голове, захихикал, как нашкодивший школьник, и обернулся. – Как тебя зовут, прекрасное создание?

Он напряг память, но тщетно. Казалось, что голова разделена надвое каменной стеной, и оттуда, из-за стены, смутно слышатся безнадежные обрывки слов, мыслей и имен. Он попытался разбить стену, но не смог. Все тише и тише. А так нужно услышать, понять. И этот страшный вопрос: как тебя зовут? Он зарычал от напряжения, из носа пошла кровь.

– Зуул-лин...

– О да, мой юный друг... Здорово тебя потрепало, как я погляжу. Спокойно, спокойно, не напрягайся. Я, знаешь ли, не увлекаюсь собирательством трупов в своей башне, поэтому береги себя. Зуул-лин... – Зодчий пощелкал языком, словно пробуя слово на вкус.- Зуул-лин... Зуул-лин, хм. Нет уж, увольте. Это как-то не по мне. Давай придумаем что-нибудь более удобоваримое. Сейчас, сейчас... Зулин! Да, так значительно лучше. Скажи мне, друг мой Зулин, откуда ты взялся?

Он заглянул внутрь себя, приготовившись к новому штурму памяти, но там не было ничего. Даже стены. Зодчий некоторое время сосредоточенно наблюдал за ним. Потом разочарованно вздохнул.

– Все у меня не как у людей. Ученик – мало того, что идиот, так еще и труп; планар вот с амнезией... Не смешно. – Старик обиженно шмыгнул носом. – Хотя... – его лицо просветлело. – Нет, почему же, – очень даже смешно!

Слушая безостановочный, явственно отдающий сумасшедшинкой хохот Зодчего, Зулин понял, что ему страшно.

В МалдLINE старика Мо Кorte знала каждая собака. Жрецы и служители храма Единого ежедневно предавали его анафеме, уличные мальчишки распевали о нем дурацкие песенки, а пьяницы в трактире травили похабные анекдоты. Любая кумушка в городе могла выдать вам всю подноготную Мо, начиная с того времени, когда он еще писался в пеленки, и каждая из этих подноготных настолько же рьяно претендовала на истинность, насколько была далека от нее. Члены магической гильдии звали Мо Баламутом, сам же он окрестил себя Зодчим. И только в одном весь город был единодушен: все без исключения считали Мо Кorte сумасшедшим. Кто знает, может, они были не так уж далеки от истины. Никто не помнил, когда и как старик появился в МалдLINE, и никто уже не надеялся, что он когда-нибудь покинет этот город. Раз всколыхнув стоячее провинциальное болото, Мо Кorte не собирался останавливаться. Он никому не подчинялся и никого не боялся. Его отношения с магической гильдией основывались на взаимном притворстве, а с церковью – на взаимной ненависти. Он встречал во все, что было ему интересно, и никогда – в то, что интересно кому-то другому. Он не признавал правил и ограничений, бесшабашно балансировал на грани, и смеялся в лицо всему свету. И еще – он не боялся Творить.

Малдлин был слишком тихим и добропорядочным городком, чтобы переварить такое экзотическое блюдо, как Мо Кorte.

Князья Тарийские, считавшие себя хозяевами всей округи, довольно долго мирились с безобразно быстро растущей известностью сумасшедшего мага, но, в конце концов, их терпение лопнуло. Эта семья, являвшая собой классическую смесь пафоса, непомерной гордыни и гипертрофированного самомнения, сперва решила выжить Баламута из своих владений, а потом уже задумалась о последствиях. В течение трех лет весь город откровенно потешался над их потугами, и, что самое обидное, больше всех веселился сам старик Мо. Видимо, князья еще не успели как следует выродиться, поскольку прекратили бесполезную войну и начали действовать другими методами. Самого младшего в роду, двадцатидвухлетнего Маркуса Тарийского, отдали старому магу в ученики. Жители города ухмылялись и перемигивались, предвкушая очередной скандал, но Мо Кorte, как ни странно, согласился. Разочарованные горожане в очередной раз пожали плечами, назвали Мо сумасшедшим и на время оставили в покое и князей, и мага. Вельможи облегченно вздохнули. Все-таки сохранили лицо. К тому же Маркус, несмотря на свою родовитость, никогда не подавал особых надежд на военном поприще, а иметь своего человека среди магов совсем не помешает. Потянулись скучные мирные дни. Баламут почти не буйствовал, а Тарийские на все вопросы о судьбе Маркуса отвечали, что "он встал на путь познания непознаваемого и постижения непостижимого". В городе уже даже перестали предсказывать, через сколько дней (недель, месяцев) полоумный Мо вышвырнет князенка пинком под зад – за профнепригодность, – когда в башне Зодчего появился Зулин.

* * *

– Я с самого начала понимал, что это глупая затея, но все равно согласился. – Зодчий задумчиво расхаживал по комнате, поглаживая бороду. – Парень был не просто круглым дураком, самое забавное, что он был способным круглым дураком. Но и это не все – он был способным круглым дураком с убеждениями! А мне хотелось посмеяться. Я старый маразматик, вот я кто. Неужели трудно было понять, насколько это опасно – способный круглый дурак с убеждениями! Болван! Болван, как он есть, дьявол меня заберет!

Зулин беспокойно следил за нервными перемещениями старика и незаметно пробовал на прочность веревки, которыми было связано его тело. Сперва ему казалось, что это просто бред, который нужно пережить, что скоро он придет в себя, все это исчезнет, растворится, он обретет память и волю, расправит плечи, вдохнет полной грудью и посмеется над своими

безумными страхами. Кошмарный сон, только и всего. Но время шло, и все реальнее становился безглазый труп где-то рядом и сумасшедший маг, беседующий сам с собой. Зодчий остановился, удрученно хмыкнул и снова зашагал туда-сюда.

– Нет, Мо КORTE, не ври себе. Ты заразился гордыней от этих вельможных недоумков. Ну конечно – сделать из дурака великого мага – что может быть лучшим доказательством твоей гениальности. Я вбил это в голову не только себе, но и ему, и мы оба успешно в это поверили. Но я не учел одного – идиотизм не лечится. Он пылал жаждой мести, он считал, что я кровно обидел его драгоценную семейку, он хотел наказать меня. Тоже мне, пылкий мститель! Счастье еще, что вместо демона Баатора он притащил сюда хиленького планара. Причем так напортачил, что тот ни черта не помнит.

Зулин перестал ощущать руки. Голова кружилась и гудела. Он чувствовал, как безумие старика передается ему, накатывает черной волной, грозя затопить вовсе. Окружающий мир уплывал куда-то прочь. Нужно было как-то его удержать. Зулин сглотнул, облизал пересохшие губы и решился.

– Послушай... Зодчий... Послушай...

– Великие боги, заговорил! – Мо КORTE застыл и воззрился на Зулина с таким изумлением, будто впервые его увидел.

– Зачем ты связал меня?

– Затем, что я не хочу остаться без глаз, любопытный ты мой. Твой вид и так не внушает особого доверия, а если еще учесть некоторые обстоятельства... – тут старик снова впал в веселость и захихикал, – то ты вполне можешь сойти и за демона Баатора!

– Мне плохо... Мне кажется, я болен... Я ничего не помню и не понимаю... Все эти имена... Они мне ни о чем не говорят. Внутри меня пусто, я нуждаюсь в помощи. Эти веревки... Они ни к чему... Я ничего не собираюсь...

– Хватит! – Мо с досадой махнул рукой. – Я сейчас разрыдаюсь. А у меня носовая перегородка искривлена. Гайморит на неделю обеспечен. Как ты думаешь, это делает меня более сговорчивым? Ладно уж, живи, прекрасное создание... – Зодчий небрежно крутанул в воздухе указательным пальцем, и веревки исчезли. – Кстати, ты хоть знаешь, как выглядишь?

– Нет.

– Сочувствую. Иди сюда. – Мо КORTE принял максимально серьезный вид. Зулин с трудом поднялся на ноги, растирая онемевшие запястья.

– Почему... Что такого... Я не понимаю.

Старик медленно и скорбно отступил к стене, задрапированной тяжелой бархатной портьерой.

– Ты готов?

– Да, но я не понимаю...

– Тогда – смотри! – театральным жестом Мо сдернул ткань с зеркала и согнулся в новом приступе сумасшедшего смеха. – Хорош красавчик, а?

Зулин зажмурился. Нет-нет, не то чтобы страшно, но... Как-то неожиданно было видеть то, что отражалось в зеркале. На него растерянно таращился человек (конечно, если это можно было назвать человеком) с угольно-черной кожей, хотя, нет, подумал Зулин, скорее это похоже на тьму, да, на ту тьму, с которой все началось. Волосы на голове светились молочной белизной, а в мозгу почему-то крутилось слово "перевертыш". Все это было бы еще терпимо, но вот глаза... Зулин сглотнул и затравленно посмотрел на мага. Тот ехидно ухмылялся и с интересом наблюдал за реакцией.

– Ты... Ты когда-нибудь видел таких, как я?

– Ну, как тебе сказать... В принципе, ты чем-то похож на дроу, они тоже черные, как ночь, и беловолосые. Но у них острые уши, как у всех эльфов, и, конечно, более приятный взгляд.

– Взгляд... – Зулин снова посмотрел в зеркало.

– Не вижу причин для такого расстройства. – Мо наконец-то отлепился от стены и

прошелся по комнате, заложив руки за спину. – Подумаешь, вертикальные зрачки. Ну, радужка не выделена, ну, белков нет, сплошной синий огонь полыхает. Я бы не стал на твоём месте переживать. Вон Маркус вообще без глаз валяется... Мда... – маг заметно помрачнел.

– Я не хотел его убивать... Это произошло...

– Знаю, знаю. Это произошло само собой. Если бы ты знал, как я тебя понимаю!

– Ты можешь отправить меня назад?

– Верх непосредственности! – Мо всплеснул руками. – Конечно, не могу!

– Но почему?

– Да потому что ни я, ни ты не знаем, откуда ты взялся, дурья твоя башка!

– Но что же...

– Ничего. – Зодчий сердито нахмурился и забормотал, уставившись в пол. – Думать тут не о чем. Маркуса представим как героя, павшего на поле магических сражений. Вызвал слишком сильного демона, не совладал, мало того, что погиб сам, так еще и подверг смертельной опасности весь город, но тут явился я, весь такой мудрый и знающий, и отправил исчадие ада туда, откуда его вызвали, и предотвратил тем самым неминуемую гибель мирных жителей. Ха! Мо КORTE спасает Малдлин от демона и рыдает над телом любимого ученика! Красивая и грустная история, но что подделаешь, такова жизнь. Вот с тобой, мой синеглазый друг, как быть с тобой... Подожди меня здесь! – старик неожиданно сорвался с места и почти выбежал из комнаты. – Только ради всего святого, ничего не трогай! – прокричал он уже из-за двери.

– Я не... – только и успел сказать Зулин.

* * *

– Они называют меня сумасшедшим... Ну что ж, я сумасшедший, не спорю... – Мо КORTE лихорадочно рылся в куче одежды. – Это будет величайшая из всех шуток, которые я когда-либо устраивал. А величие ее будет именно в том, что о ней никто не узнает. Подумать только, под самым носом у лизоблюдов Единого полоумный Мо воспитывает мага-планара. – Зодчего одолел очередной приступ смеха. – Достойный преемник для Маркуса Тарийского, дьявол меня заberi! Так, так, спокойно. Вот! Вот это, пожалуй, подойдет. Это я носил уже не помню, сколько лет назад, когда еще был молодым, стройным и красивым. Ученик-планар в фиолетовом балахоне. – Старик снова захихикал, свернул выбранную вещь и зашагал по длинному коридору к лестнице.

* * *

Дверь заскрипела, и Зулин оторвался от зеркала. Нельзя сказать, что он очень себе нравился, нет, просто... Просто привыкал. В комнату вошел Зодчий.

– Держи, друг мой Зулин, прикрой наготу, – он швырнул планару сверток и снова задрапировал зеркало тканью. – Хватит любоваться собой, а то это уже начинает смахивать на нарциссизм.

– Что это? – Зулин непонимающе рассматривал странного вида фиолетовую хламиду.

– Одежда, а ты что подумал? Не кривись, в дни моей далекой юности этот цвет был в моде. Или ты так и собираешься повсюду сверкать своим беловолосым... гм... святилищем? Лично я бы на твоём месте не стал этого делать.

Зулин покорно вздохнул и надел на себя фиолетовое нечто. Балахон полностью скрыл очертания его тела, руки утонули в широких рукавах. Мо КORTE довольно хмыкнул и устроился поудобнее в просторном кресле.

– А теперь, Зулин, душа моя, слушай меня внимательно. В Малддине старика Мо КORTE знает каждая собака. Жрецы и служители храма Единого ежедневно предают меня анафеме,

уличные мальчишки распевают обо мне дурацкие песенки, а пьяницы в кабаке травят похабные анекдоты...

* * *

- Зулин?
- Да, Учитель.
- Как ты думаешь, чернокожее дитя природы, я тебя за пять лет чему-то научил?
- Маловероятно. Но надежда умирает последней. А я тебе что, уже надоел?
- Честно говоря, есть немного. В конце концов, у этой шутки должно быть какое-то продолжение. Пора выпускать тебя в высший свет! – знакомое полубезумное хихиканье. – А то ты скоро от людей будешь шарахаться.
- Ты просто уже наигрался, Зодчий. Пора придумывать новую забаву.
- Да, вот чему ты точно у меня научился, так это наглости. Думал обидеть? Ну и дурак. На правду глупо обижаться. Я отправлю тебя в Бристоль, там и не таких видали.
- Ты обещал вернуть меня домой.
- Нет в мире совершенства. И прямое доказательство этого – твоя память. Надо было чаще ее напрягать. Может, чего и вспомнил бы.
- Ты должен был мне помочь, Зодчий.
- Запомни раз и навсегда, мой бывший ученик: я никому ничего не должен, я делаю только то, что считаю нужным.
- Значит, ты не считал нужным отправить меня назад? Почему? Потому что тебе было слишком тихо в твоей проклятой башне?
- Не такая уж она проклятая, Зулин. Но в чем-то ты прав. Когда ты уйдешь, в ней действительно будет чересчур тихо.
- А когда я уйду?
- Сегодня, как стемнеет. В Бристоль наведешься в тамошнюю магическую гильдию, тебя будут ждать. И не смей опозорить мое честное имя! Ученик Мо Кorte просто не имеет права быть скучным крючкотворцем. Чем в большее количество неприятностей ты вляпаешься, тем интересней будет твоя жизнь.
- Это что – напутствие?
- Что-то вроде. Сентиментальным становлюсь к ночи. Иди, собирайся.
- Иду.
- И не смей попадаться мне на глаза до самого ухода!
- Да, Учитель.

– Дьявол меня заberi, как-то вдруг стало тоскливо... – сердито пробормотал Мо Кorte по прозвищу Зодчий, глядя, как в летних сумерках тает одинокая фигура в фиолетовом балахоне. – Старею. Вызвать, что ли, для поднятия настроения демона Баатора?

Глава 2

Иефа

Когда-то давно старый учитель сказал Малкому Броуди, что поэзия и вино суть вещи неразделимые. Он сам подтверждал истинность этих слов всей своей жизнью: и вино, и поэзия подчинялись ему на диво легко, и порой было трудно понять, от чего он пьян, от музыки или от перебродившего винограда. Малком Броуди был прилежным учеником, но ни вино, ни поэзия толком ему не давались. Возможно, сказывалось отсутствие истинного таланта пить и писать. Его баллады были скучны и громоздки, и часто случалось, что от колотушек разочарованных слушателей его спасали единственно внешние данные. Малком

был из породы красавцев, на которых долгое время не действуют ни возраст, ни излишества.

Старый бард обычно устраивался в темном углу трактира и меланхолично потягивал глейнтвейн, размышляя о досадном несоответствии формы и содержания. Однажды он подозвал к себе Малкома (который уже получил свою привычную порцию довольно жидких аплодисментов), погладил свою любимую лютню, такую же старую, как и он сам, и сказал:

– Малком, дальше я пойду один. Ты безнадежен. Мне жаль тратить на тебя время.

Раскрасневшийся было Малком побледнел и медленно сел на скамью.

– Но почему? – спросил он, растерянно оглядывая трактир. – Что я делаю не так?

– Ты бездарен, как дубовая колода. В твоих песнях нет жизни, а в твоей голове – ума. Ты не способен даже на качественное подражание. Я ничему не смог тебя научить, и это не моя вина. Трудно спорить с самой природой.

– Но вы же видели, как они на меня смотрят, как они восхищаются...

– Кто? Трактирные дамы? Кухарки? Торговки? Поверь мне, Малком, даже если бы ты стал храпеть под музыку, они вели бы себя точно так же. Неужели ты до сих пор не понял, что их привлекает лишь содержимое твоих штанов и твоя смазливая мордашка? Я не держатель борделя, Малком, поэтому нам больше не о чем говорить. Пройдет двадцать, может быть, тридцать лет, и от тебя ничего не останется.

– Вы просто завидуете мне, моей молодости! Я вижу! Я это чувствовал с самого начала! Вы... Ты... Ты старый мерзавец! Ты видишь, как на меня смотрят женщины, и ненавидишь меня за это! Да! Ты корчишь из себя великого поэта, а на самом деле ты просто жалкий одинокий старикашка! – Малком в два глотка проглотил содержимое пузатой трактирной кружки и в ярости грохнул ею об стол. – Ты меня боишься! Да! Когда-нибудь я стану лучше тебя, и ты готов сделать все, чтобы этого не случилось!

– Я ничем не могу тебе помочь, Малком. – Бард встал из-за стола и накинул на плечи теплый плащ. – Не провожай меня. Да, вот тебе добрый совет: займись чем-нибудь попроще. Иди в лакеи. Ты здорово умеешь браниться.

– Я тебя ненавижу! – тонко и зло выкрикнул вслед Малком. – Ты сломал мою жизнь!

На пороге старик обернулся и равнодушно оглядел притихших посетителей.

– Вот еще что, Малком, – сказал он. – Забудь о вине. Пить ты тоже не умеешь.

Пузатая кружка вдребезги разбилась о закрывшуюся за бардом дверь трактира.

– Что вы смотрите?! Что?! – Малком почти визжал. Посетители опускали глаза и отворачивались.

В тот же вечер Малком напился.

Утром тридцатилетняя хозяйка трактира заботливо отпаивала Малкома травяным чаем.

– Не обращай внимания на этого старого хрыча, красавчик, – говорила она, с восхищением глядя на его опухшую помятую физиономию. – Подумаешь, великий маэстро. Ты так молод, так красив, неужели ты не отыщешь себе занятия по душе? В конце концов, найдется женщина, которая полюбит тебя всем сердцем и составит твое счастье. Понимаешь, о чем я? Кстати, меня зовут Виорика. Этот трактир мой, я овдовела полтора года назад, и очень даже этим довольна. Мой покойный муженек был не очень ласков со мной. Сдается мне, что ты, – конечно, это только так, к слову, – был бы гораздо нежнее на его месте...

Вечера, проведенные Малкомом в трактире "Придорожная фиалка", были похожи один на другой. Неудавшийся бард тихо накачивался дармовым вином где-нибудь в темном углу, а потом находил подходящего слушателя и начинал рассказывать бесконечную историю о том, как злобный завистливый старик-учитель исковеркал ему жизнь. С каждым разом эта история обрастала все новыми подробностями, и злодеяния старого барда становились все ужаснее. Виорика неодобрительно громыкала посудой на кухне, а Малком жаловался, жаловался, жаловался... Он давно уже не пытался ничего сочинять, его лютня пылилась в чулане, а руки тряслись от постоянного пьянства. Молодая трактирщица, ожидавшая пылкой любви и помощи в хозяйстве, довольно быстро потеряла терпение и выставила Малкома за дверь вместе с его пыльной лютней.

Потом были Тина, Дженни, Элен, Вальмания, Инга, Вероника, Стелла, Рут и Бегония, а

потом он уже даже не мог вспомнить ни их имен, ни их лиц. Карие, серые, синие, черные, зеленые, голубые глаза смотрели на него сначала с нежностью, потом с сомнением, потом разочарованно. С грохотом захлопывались за ним двери трактиров, лавок, пансионатов, постоянных дворов, мастерских и гостиниц. Большаки, тропы и проселочные дороги сплетались и расплетались замысловатыми узорами, почти как мысли в его вечно хмельной голове. Он покорно отдавал себя в очередные женские руки и тихо ненавидел их обладательницу за то, что через месяц или два она отвернется от него, презирая за слабость и никчемность. Он жил, закрыв глаза, потому что мир был виновен в его беде. Его занесло на самую окраину страны, дальше были только леса и горы.

– Зачем ты носишь с собой лютню?

– Я бард. Я мог бы стать величайшим бардом в Империи.

– Почему же ты им не стал?

– Я уже говорил, если бы не этот старый негодяй...

– Нет, Малком, не надо, это все чушь. Ты же не пишешь песен. Почему ты не стал великим бардом, что тебе мешало?

– Я не понимаю, чего ты ко мне прицепилась?! Тебе нужен бард или мужчина? Ты ведь за это меня кормишь!

– Беда в том, Малком, что ты и не бард, и не мужчина, ты вообще никто. Ради всех женщин, которым ты еще не осточертел, Малком, уйди в лес и убей себя там. Или напиши песню. Но только не унижайся больше. Мне противно на это смотреть.

– Ты меня гонишь?

– А разве ты не этого от меня ожидал?

– Спасибо, Мани.

Лес молчал. Малком ненавидел эту тишину. Старая лютня цеплялась струнами за ветки и тоскливо пела надтреснутым голосом, словно забыв, как это делается. Малкома корежило от ее жалоб. Он схватил лютню за горло и начал душить ее, невнятно рыча. Лютня не хотела умирать.

– Что ты делаешь, человек?

– Я убиваю себя. Ко мне больше не приходят песни. Мне не за чем жить.

– Разве лютня отняла у тебя твои песни?

– Нет.

– Тогда в чем же она провинилась перед тобой, человек?

– Она... Она слишком правдивая.

– Утри слезы, человек. Влага портит струны.

Так началась Низаниель.

Лес молчал. Малком любил эту тишину. Так ходила Низаниель. Малком любил солнечные лучи, пробивавшиеся сквозь листву, – так светились волосы Низаниель. Он опускал руки в живую ртуть ручья и улыбался ее серебристости – таким же непостижимым был взгляд Низаниель, таким же серебряным был ее голос. Малком понял, что наконец-то нашел сюжет для своей первой настоящей баллады – рядом с Низаниель не было места банальности. И ему вовсе не казалось странным, что они так неожиданно и быстро нашли друг друга – спившийся слабохарактерный бард-недоучка и золотоволосая эльфка, светлая радость леса.

Малком жил в двух измерениях. В своей суетливой и глупой человеческой жизни он завел дело по изготовлению и ремонту музыкальных инструментов и уже выплатил треть долга. Это было скучно, но необходимо. А в другой жизни малюсенький городок на окраинных землях с его пыльными улочками и любопытными жителями растворялся в светлой лесной тишине, и где-то на задворках души зарождалась музыка, – казалось, вот-вот, и она появится на свет, сама собой, без мук и раздумий, и тогда приходила Низаниель. Малком ждал свою песню. Он смутно понимал, что без Низаниель она невозможна, но его это не беспокоило. Ведь ничего не могло измениться.

Однажды Низаниель не пришла.

– Малком, Малком! Вот бредет пьянчуга Малком Пересчитай Столбы! – кричали уличные мальчишки. – Ты еще не научил пить свою лютню? У него на лютне всегда в два раза больше струн, чем положено! А то и в три, если лишние деньжата завелись! Вот идет великий бард Малком Бездонная Бочка!

Прошло больше двух лет с тех пор, как его покинула Низаниель. Некоторое время Малком крепился, ожидая ее возвращения, а потом понял: она обычная женщина, хоть и эльфийская. Она точно так же, как другие, использовала его и вышвырнула вон за ненадобностью. Просто еще одна шлюха в его жизни. Просто еще одна. А ведь он почти написал балладу.

Терзаясь душой и маясь, Малком тем временем выплатил долг за мастерскую и стал сам себе хозяин. Он был неплохим мастером, когда бывал трезв. Правда, это случалось нечасто. Мало что изменилось в жизни Малкома. Он покорно скользил по наклонной в облаке винных паров, сосредоточившись на своей неизбывной обиде на жизнь. В его арсенале появилась еще одна история – про похотливую эльфийскую стерву, разбившую ему сердце. Городок был маленький, поэтому печальную историю Малкома все знали наизусть, и, конечно же, никто не воспринимал ее всерьез.

Как-то раз Малком возвращался из трактира домой. Он был трезв и взбешен, потому что хозяин отказался поить его в долг. Это было весьма кстати: давно уже следовало закончить заказ и напомнить всем вокруг, что он не местный дурачок, над которым можно потешаться в свое удовольствие, а музыкальных дел мастер, единственный на весь этот паршивый городишко! В конце-то концов, что они себе позволяют?! Эти провинциальные свиньи, не способные отличить лютню от чайника! Малком настолько распалился, что не заметил, как дошел до мастерской. Но какой-то резкий неожиданный звук привел его в себя, причем доносился этот звук с его собственного крыльца. Малком споткнулся на первой ступеньке, осознав происходящее. Перед его дверью, у самого порога, лежал закутанный в плащ ребенок.

– Великий боже! – Малком ошеломленно опустился на крыльцо и уставился на хнычущий сверток. – Боже великий!

Ребенок завозился, закричал и вдруг издал такой богатырский рев, что Малком шарахнулся и чуть не свалился с крыльца.

– О черт, черт, черт... – приговаривал он, неуклюже поднимая орущего младенца. – Да замолчи же ты! – Малком растерянно оглядывался по сторонам, мучительно пытаясь сообразить, откуда мог взяться на его крыльце грудной ребенок в два часа ночи и, главное, куда этого ребенка теперь девать, но ничего путного не придумал и, обреченно выругавшись, открыл, наконец, дверь мастерской.

Оказавшись в тепле, ребенок затих. Малком положил его на стол, раздул угли в камине, подбросил дров, зажег свечу. Очень хотелось выпить. Малком тяжело вздохнул и развернул плащ. На него очень серьезно и внимательно смотрела худенькая сероглазая девочка примерно шести или семи месяцев от роду, одетая в белую полотняную рубашонку. На шее у девочки на кожаном ремешке висел маленький мешочек. Малком погладил ребенка по светлым, как солома, мягким волосам, глухо застонал и вцепился в свою редящую шевелюру. У девочки были острые уши. Как у эльфов. Почти.

– Нет, нет, это бред, я пьян... – пробормотал Малком. Девочка заагукала и пустила пузыри. Она не собиралась исчезать, таять в воздухе, превращаться во что-то другое. Она лежала на столе в его мастерской и рассеянно шевелила в воздухе руками и ногами, как большая морская звезда. Малком дрожащей рукой снял с шеи ребенка мешочек и достал из него клочок бумаги, на котором было написано всего три слова: *Nizaniel nia Biahoin*. И ниже: *Iefa*.

– Святой отец, я даже не знаю, как начать... – Малком неловко топтался на пороге церкви Единого, держа на руках ребенка. – Дело в том, что... Видите ли, я... Мне...

– Говори яснее, сын мой. В чем заключается твоя просьба?

– Вы не могли бы оставить эту девочку у себя? Она сирота, то есть, я так думаю, что она сирота... Дело в том, что... Как бы это сказать... – Малкому невыносимо хотелось выпить. Он видел, как мрачнеет лицо старого жреца, и понимал, что выглядит жалко и подозрительно, но ничего не мог с собой поделать. – Мне подкинули... ну... то есть оставили этого ребенка у меня на крыльце... Наверное, какие-то бедняки и... Вы же понимаете, святой отец, что я не могу оставить у себя чужого ребенка...

– Чужого, сын мой? – жрец многозначительно поднял бровь.

– Конечно, святой отец, вы же знаете, у меня нет семьи, я живу один и... Вы оставите ее у себя? Ведь так?

– Сперва ответь мне на один вопрос, сын мой. Если ответ будет вразумительным и логичным, я оставлю ребенка.

– Господи, конечно, спрашивайте! – Малком не верил своему счастью.

– Скажи мне, Малком Броуди, почему служители церкви Единого должны воспитывать твою дочь?

– Она не моя дочь... С чего вы взяли... – жалобно пробормотал Малком. Глаза жреца опасно блеснули.

– Не лги, сын мой! С чего я взял? Ты напиваешься в кабаке до пороссячьего визга и во всеуслышанье похваляешься своей богопротивной связью с эльфийской ведьмой, об этом судачит весь город! А потом ты приносишь в храм божий плод своего греха и ничтоже сумняшеся пытаешься всучить нам своего остроухого ублюдка, утверждая, что это не твоя дочь! И после этого ты спрашиваешь, с чего я взял?!

– Но прошло больше двух лет! А ей от силы семь месяцев!

– Ты просто невежественный болван, сын мой! Если бы ты обрюхатил простую фермершу, тебе бы стоило сомневаться, но эльфийки носят ребенка двадцать два месяца! А теперь посчитай, сын мой, и попробуй еще раз убедить меня, что это не твоя дочь!

– Но я не могу оставить ее у себя! – Малком почти кричал. – Мне нечем ее кормить! Я еле свожу концы с концами! Я должен половине города! Я не хочу, чтобы у меня в доме жила эта остроухая! Ко мне перестанут ходить клиенты! Я стану нищим! Господи, ну неужели вы не понимаете, что она мне не нужна?!

– Похоже, что острые уши не смущали тебя, когда ты резвился в лесу с ее матерью. Скажи мне, сын мой, почему храм божий должен быть вместилищем нечистот, которые ты оставляешь после себя? Хоть раз в жизни тебе придется ответить за то, что ты однажды сделал. А если ты испытываешь к девочке такое уж отвращение, отнеси ее в лес и оставь там, пусть Единый решает ее судьбу. Но только потом не приходи ко мне за отпущением грехов и утешением, если тебя вдруг замучает совесть. Впрочем, я не уверен, что она у тебя есть.

– Святой отец, умоляю вас...

– Нет, Малком. Ступай. Может, забота о ней избавит тебя от пьянства. Как зовут девочку?

Малком опустил голову и с ненавистью посмотрел на ребенка.

– Иефа.

Полукровки не ходят в школу. Полукровки не играют в куклы и не строят замки из грязи. Полукровкам не место в обществе порядочных человеческих детей – эту простую истину Иефа уяснила рано, раз и навсегда. Полукровкам также не полагается иметь любящих родителей и верных друзей. Полукровкам не следует ожидать, что окружающие будут относиться к ним с пониманием и почтением, и следует испытывать к людям безмерную благодарность уже за то, что их терпят. Словом, полукровкам не должно забывать, кто они такие.

Иефа никогда не спрашивала отца, за что он ее ненавидит – это было очевидно. С появлением в доме ребенка Малкому все реже и реже удавалось посидеть в трактире, и это не делало его добрее. Колотушки и ругань сыпались на Иефу с небывалой щедростью, не зависимо от того, провинилась она или нет, и в этом плане дом мало чем отличался от

улицы. Иефа запомнила, что окрик "Эй, остроухая!" и комок грязи в лицо – неразделимы, как неразделимы трезвый отец и побои. В те благословенные дни, когда Малком накачивался вином, девочке разрешалось бренчать на лютне, придумывать нехитрые песенки или читать книги в келье у святого отца Арга. Иефа предпочитала последнее – пьяный Малком неизменно начинал рыдать у нее на плече, рассказывая, как прекрасна и добра была ее мать. Это несколько противоречило тому, что он говорил в трезвом виде. Иефа не знала, чему верить, и поэтому не верила ничему.

Старый жрец сам не понимал, почему возится с дочерью Малкома. Он не испытывал к девочке ни жалости, ни любви, но вглядываясь в ее серьезные серые глаза, отец Арг видел там что-то, чего не мог объяснить, и это притягивало его к ребенку. Часто бывало так, что на лице Иефы красовались синяки и ссадины, разбитый нос был почти нормой, но она никогда не жаловалась. В ответ на расспросы отец Арг слышал, что все хорошо, просто папа сегодня немного не в духе или что мальчишки с кем-то ее перепутали. Свои первые песни Иефа, краснея и спотыкаясь, спела именно ему, человеку, который когда-то предложил отнести ее в лес. Отец Арг никогда не забывал об этом и ждал вопросов, но Иефа молчала. К пятнадцати годам она знала четыре языка, прочла половину книг из церковной библиотеки и написала около пятидесяти баллад, которые жрец находил вполне достойными. В шестнадцать лет Иефа дала отцу сдачи, после чего неделю пролежала пластом. В семнадцать Иефа решила, что ей нечего делать среди людей, и, прихватив из мастерской лучшую лютню, отправилась на поиски матери.

Скрываясь от всех, никому не доверяя, ожидая только насмешек (*- Иефа, ты что, хочешь, чтобы тебя избили сразу за порогом?! Надень платок, спрячь свои ублюдочные уши, не позорь меня! – Да, папа.*) . Конечно, эльфы другие. Странно, что мать так долго не появлялась в ее жизни, не вспоминала о ней, но отец Арг говорил, что эльфы ощущают время не так, как люди. Эльфы живут так долго, что годы кажутся им днями: мимо проходят столетия, сменяются целые людские поколения. Как хорошо, что она не человек. Как жаль, что она не эльф. Но мать чудесная, мудрая, нежная. Матери будет все равно, что ее дочь – полукровка. Иефа споет ей свои песни. Все будет хорошо. Она больше никогда не вернется к людям. (*- Господи, откуда только ты взялась на мою голову! Уйди с глаз моих, мне на тебя смотреть тошно! – Но почему, папа, что я такого сделала?! – Родилась!*) Разве что отомстить, если мать позволит. Кое-кто остался перед ней в долгу. Этому кое-кому надо бы заткнуть глотку. Сыну булочника, например. Тупому прыщавому верзиле, озабоченному исключительно тем, что находится у женщин под юбкой. (*Эй, остроухая! Иефа! Повалешься со мной в сене? Говорят, твоя мать хорошо это делала!*) Или кривому кузнецу, сестра которого держит бордель. (*- Детка, я могу предложить тебе неплохой заработок, слышишь? – Я не шлюха, советую тебе хорошенько это усвоить, недоумок. – Ну-ну, ишь ты... Да что тебе еще остается, эльфячий ублюдок!*) Нет, начать нужно будет с бакалейщика, жирного сорокалетнего борова с толстыми наглыми пальцами и розовой лысиной. Именно с него, чтобы раз и навсегда запомнил, где следует держать свои поганые потные лапы...

– Стоять! – резкий окрик на общем. – Поворачивай назад. Людям здесь не место.

– Я не человек, – Иефа перешла на эльфийский и сдернула с головы платок. – Я ищу Низаниель.

– Бастард, – высокий темноглазый эльф презрительно скривился. – Есть, чем гордиться. Иди своей дорогой.

– *Nizaniel nia Biahoin.* – Иефа мужественно сдержала подступающую злость. – Она моя мать.

Лицо эльфа потемнело.

– Тебе стоило бы быть умнее, полукровка, и не врать с таким наглым видом. За это наказывают. Убирайся, пока цела.

Эльфы... Но ведь это же эльфы!

– Я никуда не уйду. – Голос звенит. Нехорошо. – Никто не посмеет меня прогнать. Мне нужна Низаниель. Иефа. Меня зовут Иефа. Я хочу ее видеть.

– Я терпелив, но мое терпение скоро лопнет. Вот тебе добрый совет: чем быстрее ты уйдешь, тем целее будет твоя человеческая шкура. А теперь вон отсюда.

Руки сами собой сжимаются в кулаки. Что же делать с ними, с этими непослушными руками, с этой привычной яростью... Закусить губу. Сдержаться, иначе все зря. Терпеть, еще немножко, ведь это же эльфы.

– Пожалуйста... Скажите ей, пусть она хотя бы посмотрит на меня... Это правда, клянусь. Ради задушенной лютни! Передайте ей, она поймет! Она не могла забыть!

– Что здесь происходит, Тэан?

– Девчонка-полукровка просит позвать Низаниель ради задушенной лютни. Я бы дал ей пинка, но, похоже, человеческий бог и так уже посмеялся над ней, лишив разума.

– Любопытное безумие. Но какое нам до нее дело?

Так себя чувствует кувшин в лавке горшечника. В него могут поставить цветы, или насыпать зерна, или налить помоев. В любом случае, кувшин не спрашивают.

– Послушайте, я не камень и не дерево. Вас это не смущает? Я хочу видеть Низаниель.

– Ты не камень и не дерево, ты хуже. Потому что дуб – всегда только дуб, а не ясень и не осина. Ты не можешь похвастаться даже тем, что ты просто дуб. Ты дуб, на котором растут волчьи ягоды, а это отвратительно, потому что противостоит природе. – Рыжие лисьи глаза. Никогда не любила рыжих. Сердце у него тоже с медным оттенком. – Иди к людям, полукровка, нам не нужны человеческие отбросы.

Оглохнуть. Ослепнуть. Каменная стена.

– Позовите Низаниель. Тогда я уйду. Конечно, если она меня отпустит.

– В конце концов, это просто скучно. Тэан, позови Низаниель, пусть она сама выпроводит эту дуру.

Она была такой, как рассказывал отец. Прекрасной. Мудрой. Чужой.

– Мама?

Потом была большая дорога, ведущая в Бристоль. Полукровки не нужны никому, даже самим себе. Эльфы такие же, как люди, только красивей. Ненавидеть и тех, и других одинаково легко. Можно петь и зарабатывать этим на кусок хлеба. Мужчины – скоты, все без исключения. Быть похожей на мать – не достоинство, а несчастье. Мужские руки становятся менее настойчивыми, если по ним как следует ударить. Чем быстрее бегаешь и чем тише ходишь, тем безопасней жить. В мире нет никого, кто придет тебе на помощь просто так, потому что ты – это ты. Глупо делать что-то задаром. Когда ломается нож, пускай в ход руки, ноги и зубы. Когда бьют, молчи и жди возможности ударить в ответ. Когда ноги стерты в кровь, а спина исполосована плетью, нужно дать словам сложиться в рифмованные строчки, и тогда раны затягиваются. Кажется, это магия. О ней лучше ни с кем не говорить. Со словами следует быть осторожной, очень осторожной – если ты просто поешь о блуждающих огнях, это не значит, что они не появятся. Если с мужчинами разговаривать, как с душевнобольными, постоянно улыбаться и хлопать глазами, они тают и теряют последние мозги. Очень важно не переборщить. Если мужчина говорит, что ты прекрасна, это еще не значит, что он тебя уважает. Не стыдно использовать окружающих. Но смотри, как бы окружающие не использовали тебя. Хорошая память дана не только для того, чтобы помнить тексты. Не прощать никому и ничего. Не играть по чужим правилам. Не врать себе. Кроме себя самой, у тебя больше никого нет. И никогда не будет.

– Эй, красавица, если твой голос так же прекрасен, как твое лицо, я заплачу тебе золотом! Спой что-нибудь!

В султанате к бастардам относятся несколько иначе, чем где-либо еще. Там

светловолосые сероглазые полуэльфы ценятся больше, чем обычные человеческие женщины. Иефа была подходящим товаром. *(Не кусайся, женщина. Я не люблю строптивых. Ух, какие ледяные глаза. Не бойся, если ты будешь хорошо себя вести, я буду с тобой ласков... А-а-а-а! Сука! Всыпьте-ка ей парочку горячих!)* От чересчур близкого знакомства с начальником каравана и его подручными ее спасло только то, что невинность ценится не меньше, чем экзотическое происхождение. Тем не менее, начальник караула прекрасно знал, что существует много других способов приятно провести время с девушкой. Впрочем, ее быстро оставили в покое. С любителями музыки после посещения Иефы происходили странные вещи: они глохли или слепли на какое-то время, их преследовали невесть откуда раздающиеся потусторонние звуки, вокруг них плясали болотные огни. Следы от кнута заживали на полуэльфке, как на собаке, а сама она молча следила колючими серыми глазами за каждым движением мужчин – и училась, училась, училась. До корабля Иефу так и не довезли. Однажды ночью чем-то обеспокоенный страж решил проверить состояние живого товара. Полуэльфку с ее лютней так и не нашли. Не нашли и значительной суммы денег золотом, трех дорогих платьев, кинжала, принадлежащего начальнику каравана, и самого начальника. Хотя нет, начальника нашли в ближайших кустах с недвусмысленно спущенными штанами. Он смотрел в ночное небо широко раскрытыми пустыми глазами и не шевелился. Придя в себя через некоторое время, он разразился самыми страшными проклятиями, какие только знал, и пообещал содрать заживо шкуру с любого, кто посмеет хотя бы намекнуть султану, что в караване была девушка по имени Иефа. Уже ближе к рассвету один из стражников, давась смехом и тайной, свистящим шепотом сообщил своему товарищу, что будто бы видел своими глазами: кожаная флейта начальника каравана распухла и была явно сильно укушена. Об остальном догадаться было нетрудно.

В день, когда нога Иефы ступила на бесшабашную землю славного города Бристоля, ей исполнилось девятнадцать.

Глава 3

Стив

"Скучно жить. Если бы топор мог лечить от скуки, было бы гораздо легче. Раскроил парочку черепов, мозги по стенке размазал – и порядок. Сиди себе в трактире, пей пиво, ни о чем не беспокойся. Нажрался в мясо – ползи домой, коли ноги не держат. А главное – не думай, не думай, не думай!"

– Послушайте, уважаемый, это, конечно, не мое дело, но все же: будьте добры, перестаньте портить утварь. Эта вилка ни в чем не провинилась. Не знаю, о чем вы там думаете, но это уже четвертый оловянный кренделек, который вы швыряете под стол. Смилуйтесь!

– Я покупаю все вилки, которые есть в этом паршивом трактире. Только оставь меня в покое.

– Но... Вы уверены? Это будет стоить...

– Мне плевать, сколько это будет стоить. Принеси еще пива и убирайся с глаз моих, пока я тебя самого в кренделек не скрутил.

– Как вам угодно. Дело ваше.

– Мое, ты все правильно понял. А теперь – пошел вон.

Когда это случилось, Стив стоял на часах. Он поглаживал рукоять топора и рассеянно думал, что вот, он, Стиван из клана Утгартов, взрослый самостоятельный дварф, вполне способный заняться каким-нибудь серьезным делом, теряет время, охраняя рудниковые задворки, как какой-нибудь юный шалопай. И все это лишь потому, что старейшины не спешили освободить его от скучной обязанности зевать на часах. Конечно, им-то что? И

какого ляда клан Утгартов вздумал селиться на отшибе...

Помнится, когда Стив был совсем еще маленький, это уединение казалось ему возвышающим, как будто все Утгарты становятся особенными только потому, что издавна живут отдельно от общины. Чуть какая. Теперь не спасает ни богатство, ни крепость рода, ни богатая жила, которую недавно нашли старшие братья. Зачем это надо, если он, Стив, так бездарно тратит время? Отец, правда, обмолвился за обедом, что скоро найдет ему более достойное применение, но это еще когда будет...

Стив тяжело вздохнул и попытался взглянуть на дело с другой стороны. Ну да, конечно, быть хорошим бойцом тоже очень важно, но, откровенно говоря... Стив самодовольно ухмыльнулся. Нет, как ни крути, а досадно, что он до сих пор вынужден слушаться старших. Того и гляди, жениться велят... Смешно. Глупость невообразимая. Даже подумать странно. Стив попытался представить себя степенным отцом семейства и так сам себе удивился, что сказал громко вслух: "Ого!" – и засмеялся. Нет, он еще слишком молод для таких радостей жизни, всего-то восемьдесят стукнет на будущей неделе.

Дварф подумал о предстоящем празднике, о количестве пива, которое выпьет, и цветах и оттенках всех синяков, которые наставит, довольно зажмурился и погладил бороду. Хорошо все-таки жить. Здорово жить. Нет ничего лучше славной пирушки, полной кружки и круглощекой подружки! Может, и не стоит так уж сильно убиваться из-за того, что его так долго держат в бойцах. Настоящие воины нравятся девушкам. Это приятно. А шахта... Что шахта? Шахта никуда не денется, и старейшины не так уж неправы. Обидно только, что все настоящие военные подвиги уже давно совершены, и ему теперь вряд ли представится возможность как следует себя проявить. На его, Стива, памяти ничего серьезней легких стычек с жалкими гоблинскими шайками еще не было. И, скорее всего, уже не будет. А так хотелось бы покрыть себя славой, стать самым знаменитым бойцом в общине.

Стив явственно представил себе, как врывается в толпу врагов, потрясая боевым топором, и рубит направо и налево, СТРАШНО И БЕСПОЩАДНО. Оружие блестит от крови в неверном свете факелов, его темные глаза полыхают гневом, а ноги топчут тех жалких неудачников, которые не успели отползти в сторону. Гоблины бросают свои смешные бесполезные мечики и с отвратительным визгом разбегаются, кто куда. Но никто не уйдет живым, потому что они неосмотрительно встали на пути у Стивана из клана Утгартов, Великого Стража. Эх, вот если бы случился какой-нибудь налет, чтобы как следует помахать топором напоследок, пока не началась эта странная взрослая жизнь...

- Эй, дварф, вилки закончились. Я хотел бы все-таки знать...
- Неси ложки. И пива.
- Но, господин хороший, у меня в трактире не останется столовых приборов! А денег ваших я еще не видел – откуда мне знать, что они у вас действительно есть?
- Тебе недостаточно моего слова?
- Нет-нет, ну что вы сразу сердитесь. Я знаю, знаю, что дварфы – очень честные и порядочные, я ни секунды не сомневался в вашей платежеспособности, но рассудите сами...
- Ты мне уже почти надоел. Будешь продолжать?
- Но если так дальше пойдет, посетителям придется есть руками!
- Я даю тебе ровно минуту на то, чтобы ты принес мне пива и оставил меня в покое. Не успеешь – голову оторву.
- О господи... Как прикажете.

Нет, нельзя сказать, что судьба обиджала Стива, не давая ему повоевать. Гоблины нападали довольно часто, но разве это считается? Эти мерзкие зеленые твари понятия не имеют, что такое военная дисциплина, командная работа, организованная атака...

Когда-то община была против того, что Утгарты селятся отдельно: чем ближе друг к другу, тем безопасней. Но время показало, что этот клан не так уж легко испугать. Богатство, сила, сплоченность стали символом Утгартов, а труд и независимость – девизом. Да, Стиван

по праву гордился своим родом. Старейшины знали, что делали, когда отправляли молодняк на военную службу прежде, чем основательно обучить горному делу. Кокой толк выйдет даже из самого лучшего дварфа-горняка, если он не умеет постоять за себя и защитить свою семью? И молодые учились – делая страшные глаза – рубить и калечить, дробить кости и сносить головы, а если сломался топор, душить голыми руками. Плевать, что о них говорят другие. Где теперь надменные хрупкие эльфы с их презрением к грубым дварфам и трепетным отношением к жизни? Могут они похвастаться такой же силой, таким же богатством?

Стив презрительно хмыкнул и покрепче перехватил топориче. Гордость за свой народ переполняла его. Действительно, разве есть на свете, кто лучше дварфов?

Время близилось к полуночи. Сегодня ответственная ночь: почти весь род на празднике в главном поселении, на страже оставили самых крепких и надежных. Стив мечтательно вздохнул: вот бы случился налет! Он каменной стеной встал бы на пути врага, и гоблины не дошли бы даже до начала жилых строений. Мать осталась дома, она что-то болеет в последнее время. Отец повздыхал, повздыхал и тоже не пошел на праздник. Стив смущенно улыбнулся. Его родители, как маленькие: до сих пор краснеют, если кто-то застаёт их за поцелуем, держатся за руки, хитро переглядываются... Кажется, взрослые уже, почтенные дварфы, а все туда же...

Сейчас, наверное, мама рассказывает младшим сестренкам какую-нибудь древнюю байку, например, про Ведьмин Глаз, или еще что-нибудь в этом роде, а отец смотрит на них и усмехается в бороду. Вот было бы смеху: тут нападение, лязг оружия, гоблины, – а они сказки слушают! Отец, наверное, стал бы пунцовым с досады и так двинул бы пудовым кулаком об стол, что тот раскололся бы на две половинки. Эх, жаль, что такого не будет! В принципе, проявить себя можно будет и как-нибудь по-другому, в конце концов, на что ему крепкие руки и славный топор?! Недаром его, Стивана из клана Утгартов, считают отчаянным малым и порядочным сорвиголовой. Даже папаша Утгарт как-то обмолвился, что сам он в молодости не был таким шалопаем, как Стив. Разве это так уж плохо? Стиву не нравилось, как медленно и степенно принимаются решения в общине. Это все потому, что за всех все решают старые усталые вояки, которым уже не солидно много суетиться. Уж чего проще: решил – сделал! Он, Стив, так всегда и поступал, и пока что ничего плохого не случилось. Зато всегда, когда затевалась драка, его можно было найти в самой середине. А как же иначе? Ведь он же из Утгартов!

– Господин дварф – не знаю, как вас величать – уже за полночь. Вы так и будете здесь сидеть?

– А тебе что за дело?

– Простите великодушно, но у меня в погребе уже почти не осталось пива, а на кухне – столовых приборов. Может, вы как-нибудь обуздаете свою жажду бессмысленной деятельности? А за одно было бы неплохо заплатить за выпивку и попорченное вами имущество. Вряд ли вас обрадует сумма, но вы так сами хотели, вольному – воля, в моем трактире каждый посетитель – царь и бог, если он, конечно, не размахивает топором... О боже, господин дварф, я не имел в виду ничего такого, ради бога, положите топор, не надо крушить мебель, я просто так, заболтался с уважаемым посетителем, совсем забыл, что у меня срочные дела на кухне... Вам что-нибудь принести?

– Пива.

– Сию секунду, уже бегу, бегу!...

Стив любил горы. Конечно, ведь он же дварф! Какой дварф не любит гор? И все-таки... Было невероятно интересно, что там, за лесами, – ведь есть же города, селения, какие-то другие нравы и обычаи. Есть, например, славный город Бристоль, в котором, смешно сказать, уживаются рядом люди, эльфы, гномы, дварфы... Говорят, там даже есть дроу, хотя это уже полная бессмыслица. Черта с два с ними можно ужиться. Те еще подонки. Ну и

гоблины, конечно. Им вообще в этом мире не место. Стив нахмурился и крутанул топор. Пусть только сунутся, он им покажет, где дремлют...

"Не зевай на часах, ворона! – весело окликнул его напарник. – А то гоблины мимо тебя целым полком промаршируют и бороду тебе сбредут, а ты не заметишь!" Стив дернулся, но промолчал. Самое гиблое дело – устраивать свару на дежурстве. Но уж потом он с этим шутником побеседует по-своему, – чтобы его бороду не трогал. Для дварфа борода – святое. Какой же это мужчина без бороды, стыд, да и только. Никогда не одобрял странного человеческого обычая – бриться. А уж об эльфах и говорить нечего, те вообще, гладкие, как лягушки. Брр, гадость какая. А еще считают себя умнее и краше дварфов. Да с тобой, если ты безбородый, ни одна дварфская девчонка дела иметь не будет, даже самые сопливые и глупые – засмеют, не отмоешься. Стив погладил бороду и хмыкнул. Настроение как-то сразу и безнадежно испортилось. Ну да, все гуляют, пьют пиво, щиплют девушек за бока, один он с горсткой таких же невезучих стоит на часах и таращится в ночь. Скучная штука – служба... Скорей бы уж начали обучать горному делу, а то ведь так и заплесневеть недолго, зевая на дежурстве. Темно и тихо. Скорей бы ночь закончилась...

Стив секунды ослеп и оглох, когда два огненных шара один за другим с грохотом врезались в тяжелые створки ворот и раздробили их в щепки. На дварфа посыпались куски дерева и каменная крошка, загорелась одежда. Стив перекатился в сторону, вскочил на ноги, вслепую замахиваясь топором, и закричал, что было сил: "Тревога!" Ночи больше не было. Был огонь, мелькали зеленые фигуры, свистели арбалетные болты, кричали караульные. Потом перестали. Они умолкали по одному, пока Стив, пробиваясь к разрушенным воротам, рубил направо и налево, СТРАШНО И БЕСПОЩАДНО. И не было мыслей, не было сердца, воли и чувств, – только руки и налитые кровью глаза, которые все не успевали остановиться на ком-то одном, сосредоточить свою ярость. Стива оттеснили от ворот. Что-то происходило не так, как в обычных пограничных стычках, когда гоблины набегали беспорядочной толпой и быстро рассеивались, получив достойный отпор. Острое недоумение маячило за правым плечом Стива, не желая сдавать позиций. Оно летело, сидя верхом на арбалетных болтах, и все никак не могло попасть. Недоумение пряталось за спинами нападавших, и Стив рубил его, разваливая гоблинов пополам, скользя на их и своей крови, и все не мог понять, почему ворота, вернее, то, что от них осталось, становятся все дальше и дальше. Перед глазами полыхал огонь, а в нем мама рассказывала младшим сестренкам сказку о Ведьминоме Глазе. И отец глядел на них остекленевшими глазами, добродушно усмехаясь перерезанным горлом.

Их было больше. Их было намного больше, и они отвлекали Стива от погони за недоумением, от долгого пути к разбитым воротам. Стив отмахивался, и постепенно переставал видеть. Кажется, он был ранен, но не заметил, когда. Звуки перемешались и слились в один яростный полувыдох, и нельзя было понять, кто кричит: гоблины, Стив или сами горы. А потом недоумение поймало его, вонзившись в правое плечо арбалетным болтом. Тяжело и мокро стало держать топор. Кто-то полоснул мечом по ногам, но Стив успел увернуться, получил еще один удар в бок, отпрыгнул и с рычанием полетел вниз с уступа, утащив с собой гоблина. Когда земля встретила их, гоблин был уже мертв.

– Эй, хозяин! Где ты там?!

– Я здесь, господин дварф, и только Единый знает, каких усилий мне это стоит. Скоро рассвет.

– Покажи мне мою комнату.

– Я не верю своему счастью, господин дварф, наконец-то! Нам всем давным-давно пора спать, ей-ей, пора! Служанки так зевают, что скоро челюсти себе, не дай Боже, повывихивают, а повара спят на ходу... К тому же пришлось срочно посылать за новой партией вилок и ложек, будить торговца посреди ночи, и он спросонья заломил такую цену, что я почти разорен... Я, конечно, не смею на чем-либо настаивать, но если бы вы были так великодушны...

– Перестань причитать и скажи, сколько я должен.

– Только если сумма вам покажется слишком крупной, просто скажите, не рубите ничего топором, умоляю вас... В конце концов сонный торговец – это моя личная и тяжелая забота... Так что, если вдруг...

– Сколько?

– Я вот тут все подробнейшим образом записал... Но если вы с чем-то вдруг не согласны, я готов принять это к сведению, так что, господин дварф, нет никакого повода волноваться или сердиться...

– Вот что я тебе скажу...

– Но ведь это были прекрасные оловянные вилки, ни один трактир Бристоля, кроме, разве что, еще "Пятирогой луны", не может позволить себе такой роскоши, не так-то легко достать такие замечательные оловянные вилки, а мне надо завтра что-то подавать к столу, мои постояльцы не будут есть руками, я растеряю всю клиентуру, я разорюсь, у меня жена и четверо детей, мы станем нищими, пойдем побираться, господин дварф, неужели вас не волнует судьба маленьких невинных ребятишек, уверяю вас, если бы эти вилки стоили хоть на полгроша дешевле, я бы и не заикнулся о том, чтобы вы...

– ТИХО!!!

– Да, господин дварф.

– Вот по этой доверенности получишь завтра с утра нужную сумму в банке, а потом я уеду к дьяволу из твоего жалкого трактира, только чтобы больше не видеть твою плаксивую рожу! И запомни: если я еще хоть слово услышу по поводу оловянных вилок...

– Хвала Единому! – страстно прошептал трактирщик, когда дверь в комнату дварфа захлопнулась перед его носом.

Когда Стив очнулся, все вокруг качалось. Знакомые каменные своды неспешно проплывали над его головой, а сам он, хоть и не шевелился, все же двигался какими-то странными рывками, и каждый рывок отзывался во всем теле тупой болью. Стиву казалось, что он плывет, как-то странно и беспорядочно плывет по мутной реке, причем у самого дна, неровного и каменистого. Потом были звуки, словно за толстой войлочной стеной, шаги и чье-то глухое бормотание, и так странно, страшно, и какой-то кусочек памяти все время ускользал от него, будто играл в злые прятки. И еще – гарь. До тошноты пахло гарью. И не было воды, и не было дождя, чтобы смыть эту копоть, эту вонючую черную копоть, потому что в пещерах не бывает дождей. И копоть въедалась, вживалась все глубже в кожу, во все его тело, добиралась до самого нутра. А потом, когда его принесли на носилках в огромный Погребальный зал, он молча, не понимая, смотрел, как плиты гробниц ложатся на грудь его отцу, матери, братьям, как в маленькие, – такие страшные и нелепые, – гробницы опускают тела его младших сестреноч, и навсегда, видишь ли, Стив, это и вправду уже навсегда, а они так и не дослушали сказку о Ведьмином Глазе... И ведь совсем ничего нельзя сделать, и это никак не исправить, а ты так и не успел им сказать, сказать, что... Да разве это теперь имеет значение. Нет, Стив, нельзя отворачиваться, ты мужчина, смотри; смотри, как они уходят, это была твоя семья. Теперь она здесь – в больших и маленьких склепах. Ох, как душно и тесно стало в пещерах! И копоть, черная копоть, проклятая копоть, которая въелась в сердце...

Стиван из клана Утгартов, восьмой сын в семье, теперь стал вторым по старшинству. Это хорошо, что вторым, – думал Стив, лежа в импровизированном лазарете. Это значит, что никто меня здесь не удержит. Страшно и скучно стало в горах. Заходил старший брат, ставший теперь главой уничтоженного рода. Пряча глаза, рассказывал, как они вернулись с праздника. Отец успел вытащить жену и дочерей из огня, но гоблинов было слишком много. То, что начал огонь, закончили арбалеты. Когда отец упал, мать еще некоторое время прикрывала собой девочек, из нее потом вытащили девять арбалетных болтов. Никто теперь не будет восстанавливать сгоревшие постройки. Оставшиеся в живых Утгарты переберутся в главное селение, так решил общий совет. И еще старейшины решили, что, как только Стив

поправится, его из бойцов переведут в горняки. Конечно, решать будет старший Утгарт. Брат мучительно покраснел и после долгого молчания тихо сказал: "Стив, я не настаиваю. Делай, что хочешь. Я во всем буду тебе помогать. Слишком мало нас осталось". Он не ждал тогда ответа, но Стив ответил почти сразу. "Я хочу уйти, – сказал он. – Это написано на стенах. Ты не видишь, может, это и к лучшему. А мне тесно. Я хочу уйти".

Через две недели, окончательно поднявшись на ноги, Стив повторил все это, стоя перед старейшинами. Взгляды были разными. Несколько понимающих, но все больше -неодобрительных и хмурых. Дварфам нечего делать в большом мире. Если тебе тесно в горах, тебе будет тесно везде, и открытое небо не подарит простора. Нет. Я все решил. Я ухожу, я не могу здесь. Ну что ж, Мораддин с тобой, твой род поддерживает тебя.

Стиву выделили крупную сумму золотом и отпустили на все четыре стороны – иди, куда хочешь. Живи, где понравится. Занимайся, чем пожелаешь. И возвращайся. Возвращайся скорей. Да, дварфам нечего делать в большом мире. И Стиван Утгарт ушел, унося с собой свою непонятную томительную скуку. Он полтора года странствовал по горам, побывал в Оплоте, забрел однажды к гномам. Его жизнь сильно изменилась: не было больше старших, составляющих программу действий, не было четкого распорядка дня, приходилось самому решать, куда идти и что делать, а скука все не уходила. Она стала немного глуше и привычней, и только. Горы были везде одинаковы. Где бы ты ни устроился на ночь, в заброшенной штольне или в гостеприимной дварфской семье, все равно во сне серо и тоскливо, и ворочается капризная память, и сердце, покрытое копотью, – сердце лелеет свою тоску. Стив не знал, что должно произойти, чтобы всколыхнуть это стоячее болото. Пару раз он попадал в стычки с гоблинами, и тогда просто не помнил ничего с первой и до последней секунды боя. Потом только и оставалось, что пересчитать тела вокруг себя, вытереть кровь с топора и отправиться куда-нибудь к жрецам или клирикам – обработать раны.

Стив с удивлением чувствовал, что горы начинают заполнять его доверху и скоро перельются через край. Все чаще приходила мысль, что уйти – значит, уйти совсем, уйти туда, где дварфам совсем не место. Сменить горы на горы – не спасало. Стив продвигался все дальше на запад, оставляя за спиной бесконечные переходы, коридоры и штольни. Все чаще попадались заброшенные выработки и все реже – дварфские поселения. Стив не знал, куда идет и что ищет. Ясно было одно: горы заканчиваются, а с ними заканчивается еще что-то, что было с ним рядом, да что рядом, – в нем самом было много-много лет.

В одной из заброшенных штолен, в которую он завернул по чистой случайности, Стив нашел умирающего дварфа. На нем не было ран или следов драки, но дварф умирал – это было ясно, как гранитная глыба. Дыхание вырывалось наружу с трудом, на лбу холодными крупными каплями бугрился пот. Стив тогда почти не удивился, как будто это было в порядке вещей. Он опустился на колени рядом с дварфом и подложил ему под голову свой плащ.

– Имя... – прохрипел дварф.

– Стиван из Утгартов.

– Мораддин... Не знаю... Мешок... Мешок заberi... – умирающий сделал последнее усилие и притянул к себе Стива. – Гномы что-то затевают.

– А ты силен, соплеменник, – пробормотал Стив, закрывая глаза мертвому дварфу. – Сколько же времени ты держался, дожидаясь меня? – Стив осмотрелся и заметил у дальней стены мешок, о котором, видимо, говорил дварф. – Не переживай, я его заберу. И Мораддин с тобой, покойся с миром. Передай привет моей семье, ладно?

Горы переполнили Стива и полились через край. Он ушел в большой мир, став богаче на десяток страшных снов и одну тайну в простом полотняном мешке. В Стальной империи, где нелюдь может пройти по человеческому городу только в кандалах и с табличкой на груди, Стиву действительно делать было нечего. Но существовал еще Бристоль, славный город Бристоль, вольная земля, где есть место всем. Почему бы и нет?

– Господин дварф, вы спуститесь вниз или вам подать завтрак в комнату?

– Ты получил деньги?

– О да, любезный господин дварф, все до единой монетки, вы так щедры, так великодушны, для меня такая честь принимать вас у себя, я надеюсь, что вам нравится мой трактир, и вы...

– Как, ты сказал, называется тот второй трактир, в котором есть оловянные ложки?

– "Пятирогая луна", господин дварф. Неужели вы...

– Пусть твои лакеи перенесут туда мои вещи.

– Но, господин дварф...

– Бегом!

– О боги, боги...

Стив прислушался к тоскливому бормотанию трактирщика, мрачно усмехнулся и вышел на улицу. Бристоль встретил его шумом и солнцем.

Глава 4

Зулин прибыл в славный город Бристоль ранним августовским утром. Солнце только-только взошло, но на узких пыльных улочках царило оживление. Крестьяне и ремесленники торопливо проходили мимо, озабоченные какими-то своими крестьянскими и ремесленными делами, и совершенно не обращали внимания на загадочную фигуру в странном фиолетовом балахоне. Бристоль – город, где тебя не спрашивают, откуда ты родом и почему покинул родные края, конечно, если ты сам не хочешь об этом рассказать. Главное, чтобы ты не причинял никому неприятностей, и было бы совсем неплохо, если бы у тебя на поясе висел туго набитый кошель. Впрочем, если у тебя его нет, это тоже не смертельно. Были бы руки и желание заработать, а дело найдется. Зулин степенно вышагивал по мостовой, чувствуя, что начинает припекать. Акации и платаны не спасали от солнца, их легкая кружевная тень складывалась в серо-солнечный узор, от которого со временем начинало весело рябить в глазах. Зулин свернул направо и вышел на малюсенькую круглую площадь, мощеную крупным булыжником. Солнце заливало площадь ярким утренним светом, отчего она становилась похожа на большую золотую монету. В центре площади хлопотливо журчал маленький круглый фонтанчик, росла чахлая таволга и каштаны, в тени которых румяные кумушки приглядывали вполглаза за своими детьми, обсуждая новости дня. Зулин осмотрелся и понял, что самостоятельно до цели своего путешествия не доберется. От площади солнечными лучиками расходились в разные стороны улочки, точно такие же, как та, по которой он сюда пришел. Зулин вздохнул, натянул пониже капюшон, так, чтобы совсем не было видно лица, и направился к женщинам.

– Я приношу свои глубочайшие извинения, милые дамы, что прерываю столь бесцеремонно вашу беседу, – Зулин картинно склонился перед замолчавшими няньками, – но не подскажите ли вы, как мне добраться до здешней Магической гильдии?

– Ой, и почему же не подскажем, мы что, с вами поссорились? – затараторила пышная кареглазая брюнетка в кружевном фартуке. – Почему бы не указать дорогу такому милому, вежливому молодому человеку?

– Действительно, – встряла вторая, – тем более, что вы ж недавно в Бристолье?

– Почему вы так думаете? – слегка удивился Зулин.

– Ой, вы еще спрашиваете! В Бристолье уже месяц, как не носят фиолетовый, теперь в моде сочетание красного с зеленым! – Зулин содрогнулся. – Если вам интересно, так хорошие ткани покупайте на рынке, там дешево, а в магазинах, чтоб вы знали, не берите, там дорого так, что эти цены доводят меня до истерики. Заходишь в магазин и сразу – солнечный удар, дикие цены, не ходите в магазины на главной площади, ни в коем случае! Тем более, что мадам Тайна, это моя хорошая подруга, она стала портнихой после того, как ее бросил четвертый муж, негодяй и пьяница, чтоб вы знали, она все время была не женой, а сторожем при складе неприятностей, хотя она, конечно, тоже виновата, не надо было гулять на сторону с сапожником, у того язык, как помело, живо пол-Бристолья стало в курсе. Ну так вот, мадам

Тайна сошьет вам великолепный камзол из самого маленького куска материи, причем сошьет так, что еще на капюшон останется. Кстати, мужчина, и что это вы так тепло одеты, у вас будет солнечный удар, от него лучше всего лечиться, как учила моя бабушка...

– Простите, я хотел бы все-таки узнать... – Зулин попытался вклинить в бурный речевой поток, но был смят и повержен.

– Ой, и что ты морочишь мозги бедному молодому человеку своей мадам Тайной? Можно подумать, мадам Тайна его в Бристоле держит! Молодой человек искал Магическую гильдию, так надо таки сказать ему, где Магическая гильдия, а ты пристала со своей мадам Тайной. Мадам Тайна твоя – шлюха форменная, и очень правильно, что ее бросил муж, она же страшная, как моя жизнь, и у нее худые дети, безобразие! Молодой человек, вы садьте, что вы стоите, как неродной, вы что, сильно спешите? Ой, я вас умоляю, нельзя спешить в августе, Магическая гильдия никуда не денется...

– И все же я хотел бы...

– Ой, нет, вы только послушайте его, он хотел бы! Можно подумать, мы не хотим! Я вам уже полтора часа пытаюсь объяснить, как пройти в Магическую гильдию, но вы же меня постоянно перебиваете! Можно подумать, мне это надо! А еще таким вежливым притворялся!

– Я прошу прощения...

– Так я не поняла, что вы просите: прощения или как пройти в Магическую гильдию? Ладно, слушайте. Вот сейчас вы пойдете по той улице, там найдете лавку Мореса, от нее пройдете три перекрестка, повернете направо, там лучше дворами, так ближе, выйдете на площадь, совсем как эта, только без фонтана, пройдете в арку, там снова через дворы, на главную улицу, по правой стороне, до лавки горшечника, за ней свернете в переулок налево, пройдете три дома и будет Магическая гильдия, так вот, вам туда...

– Спасибо!

– Так вот, вам туда совсем не надо, потому что гильдия переехала...

– Демон Баатора!

– Ой, и что вы так волнуетесь? Представляете, сколько вам надо было бы идти пешком, если бы я вас не предупредила? А теперь вы точно знаете, что вам туда не надо.

– Дамы, мне нужно попасть в Магическую гильдию, и чем раньше, тем лучше, – Зулин почувствовал, что звереет. – Я даю вам честное слово, если я сейчас же не узнаю, как туда пройти, произойдет что-то страшное.

– Юноша, без угроз, пожалуйста. Вы меня, конечно, извините, – брюнетка уперла руки в пышные бока, – но ваше теловычитание нас совершенно не пугает.

– Дамы, как пройти к Магической гильдии? – вкрадчиво спросил Зулин и снял капюшон.

Спустя сорок минут Зулин стоял перед аккуратным уютным зданием в два этажа, с резными ставнями и колоннами у входа. Магическая гильдия казалась бы вымершей, если бы не огромный рыжий котяра, вальяжно развалившийся на крыльце. Зулин внимательно изучил пушистое олицетворение лени и вежливо постучал в дверь, но ответа не дождался. Кот насмешливо сощурил левый глаз и зевнул.

– Не смешно, – сказал Зулин и, толкнув дверь, вошел.

Нельзя сказать, что изнутри Магическая гильдия была много живее, чем снаружи. Правда, внутри не было кота, зато был хмурый, изнывающий от жары полуэльф и гора бумаг на единственном во всем помещении столе. Зулин кашлянул.

– Простите, любезный, мне нужен Натан Сильван. Вы не подскажете, где его можно найти?

– А вы, собственно... – полуэльф оторвался от бумаг и вопросительно поднял бровь.

– Зулин. Я направлен из Малдлина в бристольскую Магическую гильдию по рекомендации Мо Корте. Насколько я понимаю, господин Сильван теперь является моим непосредственным начальником – хотелось бы познакомиться.

– А...

– Вот бумаги.

– Бумаги... – полуэльф страдальчески сморщился и посмотрел на стол. – Ладно, одной больше, одной меньше... Натан! – полуэльф обернулся к двери, ведущей во внутренние комнаты. – Натан, к тебе пришли!

Ответом послужила красноречивая тишина, в которой Зулину слышался едва различимый шорох.

– Натан, выходи, это свои! Да хватит прятаться, в конце концов! Никакой опасности – маг из Малдлина, больше никого!

В соседней комнате зашуршало чуть громче, но ответа по-прежнему не последовало.

– Пойти, что ли, убить себя? – задумчиво пробормотал полуэльф, вздохнул и снова уткнулся в бумаги. Зулин с интересом наблюдал, как его рекомендательные письма бесследно исчезают в горе макулатуры. Комната привычно погрузилась в тишину, прерываемую истерическим чириканьем воробьев. Где-то в углу монотонно жужжала муха. Зулин почувствовал легкое раздражение.

– Скажите, уважаемый, а господин Натан всегда так встречает гостей?

– Господину Натану плохо, у господина Натана зверски болит голова...- Зулин мог бы поклясться, что именно такой тон обычно был у Мо Кorte после особо воинственных пьянок, но это, конечно, был не Зодчий. В дверях привалившись к дверному косяку стоял, причем стоял с большим трудом, высокий пепельноволосый эльф с весьма приятным, но чрезвычайно помятым лицом.

– Господин Сильван? – Зулин слегка поклонился. – Мой старик-учитель обычно советовал лечить подобное подобным, если вас, конечно, интересует мое мнение. Я Зулин, протеже безумного Зодчего из Малдлина.

– О боги, ну кто придумал работу?! – простонал эльф, схватившись за голову. – Слушай, Зулин, давай без церемоний, у меня от них зубы болят. Я Натан, это ясно, и мне очень, повторяю, очень плохо, но это никого не волнует. Этот бесчувственный господин за столом – Тирел, мой секретарь. – Натан согнал полуэльфа со стула и потерял виски. – Тирел, я, может быть, очень всех удивлю таким сообщением, но у меня болит голова, понимаешь?

– У меня тоже болит голова, но по другому поводу, – проворчал Тирел. – Эту гору ты лично будешь разбирать?

– Изверг, – резюмировал Натан, выглядывая из-за груды бумаг. – Никакого уважения к начальству. Кстати, Зулин, может, снимешь капюшон?

– Не думаю, что это очень хорошая идея. – Зулин вспомнил реакцию кумушек и ухмыльнулся. – Может, в другой раз?

– Да ладно тебе, – махнул рукой Натан. – В Бристоле всякие личности бродят, и никто не стесняется.

– Как хотите, – сказал Зулин и снял капюшон. – Бу.

– Мать честная! – простонал Натан, выбираясь из-под бумаг. – Ты себя в зеркале видел?

– Видел. Три дня заикался. Больше не смотрю, – в глубине души Зулин был доволен произведенным эффектом. – Ну, так что, будут какие-то задания, распоряжения?

– Меня сейчас вырвет, – признался Натан.

Зулин вздохнул. Свое прибытие в Магическую гильдию Бристоля он представлял несколько иначе. Похмельный эльф и полукровка за письменным столом как-то плохо ассоциировались с серьезной магией. В прочем, что еще могло ожидать ученика безумного старикашки Мо? "И попомни мои слова, мой юный друг: если ты будешь напиваться в компании дурных женщин меньше одного раза в неделю, я прокляну тебя и найшу стригущий лишай, а это очень неприятно! Ты же не хочешь быть облезлым планаром?" О да, учитель, я буду следовать твоим заветам – Зулин мило улыбнулся, но этого никто не увидел: во избежание приступов рвоты у непосредственного начальства пришлось снова натянуть

капюшон. Тирел невозмутимо шуршал бумагами, Натан привалился к стене и сполз на пол. Истерически орал воробьи, пахло пылью и библиотекой. Зулин скучал.

– Послушай, друг... – умирающим голосом пробормотал Натан.

Закончить он не успел. С крыльца раздался мощный женский рык и стук в дверь. Натан вздрогнул и чудесным образом перестал умирать. Он вскочил на ноги, юркнул за дверь, (предварительно прошипев страшным шепотом: "Меня нет и не будет! Я уехал, умер, дематериализовался, застрял в лифте!", "Ну да, в лифте – это наиболее актуально", – отозвался секретарь) и затаился. Тирел еще глубже зарылся в бумаги и изо всех сил делал вид, что его нет, причем вполне успешно. Зулин понял, что удар придется принять на себя. Он быстренько перебрал в уме все заклинания, которые способен был вспомнить, отметил несколько наиболее эффективных и расправил плечи. Дверь распахнулась.

– Где он, этот негодяй, этот подлец, этот гнусный соблазнитель! – прокричала, появившись в дверях, крупная пышная и безнадежно голубоглазая блондинка, уперла руки в крутые бока и с ненавистью уставилась на Зулина. – Или он думает, что если он эльфийский принц, так он может морочить мозги дочери мэра?! Или он думает, что его тощий сухой гороховый стручок – моя тайная девичья мечта?! Я нормальная девушка и имею сердце! И если он думает, что его можно разбить, так пусть сначала разобьет свою голову о стены этой треклятой гильдии! И чтоб он так жил, как я теперь страдаю! Но только я не позволю ему измываться над моей любовью! Я отдала ему все самое ценное! Или он считает, что если он был четвертым, так можно смеяться над моим чувством! Я ему прижму его вялые причиндалы! Где он, я вас спрашиваю, этот мерзавец?! – блондинка остановилась, набирая воздух в легкие для следующей тирады, и Зулин понял, что другого момента не будет.

– Боюсь, моя прекрасная барышня, что нашего дорогого Натана больше нет с нами... – тихо и скорбно произнес он, опустив голову, и молитвенно сложил руки. Тирел сдавленно хрюкнул за письменным столом. Блондинка выдохнула и подозрительно глянула на Зулина.

– И куда же он делся? Только не пытайтесь меня облапошить! Марту Трейси еще никто не обманывал!

– Я понимаю всю глубину вашего горя, прекрасная госпожа Марта, но мы все должны быть сильными, ради Натана. Ему сейчас нелегко. – Зулин изобразил поникшую былинку и горько вздохнул. – Он теперь далеко, и в том, что он не успел с вами проститься, нет его вины. Все произошло так внезапно...

– И где же он, мой кудрявый пупсик? – дрогнувшим голосом спросила Марта, как-то вдруг утратив воинственный пыл. – Его посадили за пьянство?

Из-за бумажной пирамиды снова донеслось сдавленное хрюканье, но Тирел быстро справился с собой и скорбно зашмыгал носом.

– Чего этот полукровка тут хлюпает? – Марта совсем уже неуверенно покосилась на макушку Тирела. – Где мой Натанчик? Он заболел? Что-то венерическое? Где он? Я хочу видеть моего пупсика!

– Его здесь нет. Он... – Зулин развел руками и выдержал паузу в лучших традициях Мо Корте. – Не знаю, как вам и сказать. Боюсь, вы его больше никогда не увидите. Боюсь, все мы его уже никогда не увидим.

– Да-да, я буду очень скучать, – поддакнул Тирел и снова захрюкал.

– Он... умер? – Марта задрожала как-то сразу вся, особенно щеками, бюстом и подбородком.

– Нет, ну что вы, все не так трагично. Просто он перешел на новый уровень магического знания, и наш мир стал для него тесен. Он, конечно, жив, но сюда уже не вернется, его посвящение, как и всякое посвящение, прошло совершенно неожиданно, и в этом суть истинности магического знания, впрочем, что я вам объясняю, вы же образованная девица, вы и без меня все прекрасно знаете. Наш дорогой Натан как раз сокрушался, что скучная бумажная рутина, которая практически вся была взвалена на его хрупкие эльфийские плечи...

– О да, он был такой стройный... – растроганно всхлипнула Марта.

– Да, вся эта рутина не дает ему проводить больше времени с его единственной белокурой любовью, прелестной госпожой Мартой...

– О, мой пупсик!

– Как – бах! – вспышка, гром, магическая радуга, и его нет, нет, как будто и не было никогда, остались только воспоминания...

– Но... Но вы же можете как-то с ним связаться? Ну, я не знаю, может, он приедет в отпуск или на каникулы...

Внезапно Зулин почувствовал неземную усталость. Госпожа Марта смотрела на него с надеждой и благоговением, хлопая ресницами и шмыгая носом. Что-то подсказывало Зулину, что так просто он от нее не отделается, придется, как минимум, выслушать трагическую историю любви к бессердечному пупсику Натану и придумать действенные слова утешения, а вдохновение неумолимо улетучивалось, уступая место скуке и раздражению.

– Возможно, мне удастся, при определенных усилиях, передать ему от вас весточку, но не рассчитывайте на ответ, это категорически запрещено.

– Даже ради любви? – Марта захлопала ресницами с удвоенной силой.

– Ну, вы же не хотите, чтобы он стал таким, как я... – вздохнул Зулин и в третий раз за утро снял капюшон.

Потребовалось определенное количество времени, чтобы извлечь Тирела из-под стола. Умудренный опытом работы с Натаном полуэльф предусмотрительно залез туда, заткнул уши и зажмурился. Вряд ли бы кто-то стал спорить с тем, что это было весьма своевременно. Визг, который издала Марта Трейси, до сих пор эхом раздавался в ушах планара, а надо отметить, что музыкальным слухом он никогда не обладал и считал свои уши вполне закаленными после пяти лет обучения в башне Мо Корте.

– Это было феноменально! – Тирел пыхтел и отплевывался, но всем своим видом выражал восхищение. – Так виртуозно отделаться от барышни Трейси не удавалось еще никому. Я считаю, Натан обязан вам по гроб жизни, если не дольше. Не в моих правилах обсуждать его личную жизнь, но...

– Кстати, а где он сам? Мне кажется, он собирался меня о чем-то попросить, когда явилось это мимолетное виденье... Гений чистой красоты, я бы даже сказал...

– Могу поспорить, что он не стал дожидаться развязки, – Тирел состроил презрительную гримасу. – А просить он вас собирался о том, чего целое утро не мог добиться от меня.

– Ну да, – понимающе хмыкнул Зулин, – похмелье – страшная штука. И где же теперь Натан?

– Где-где... – Тирел пожал плечами, и Зулин вдруг почувствовал, что ответ может оказаться до неприличия рифмованным. – В любом случае, вам не стоит его ждать ближайшие два часа. Мой вам совет: побродите по городу, осмотритесь, найдите приличный трактир. Думаю, "Пятирогая луна" вам подойдет. Загляните в магическую лавку, а если вас интересуют горячительные напитки, посетите винный магазин. В Бристолле лучшие вина, что очень пагубно сказывается на нашем с вами начальнике. Ну, да что уж там. Часика через два-три возвращайтесь, может, что-нибудь и прояснится.

– А скажите, – задумчиво произнес Зулин, – дурные женщины в Бристолле водятся?

– О, в большом количестве. А что?

– Значит, от стригучего лишая я застрахован.

Первым делом Зулин отправился осматривать главную достопримечательность города – бристольский базар. Сами бристольтцы искренне не понимали, что такого особенного в их рынке, но приезжие в один голос твердили, что если хочешь знать Бристоль, сходи на базар. Не факт, что ты останешься очень доволен, – потеря кошелька радует далеко не многих, но опыт получишь незабываемый.

Ну что ж, базар, так базар. Зулин прошел по узким пыльным улочкам, миновал пару перекрестков, спросил дорогу у слепого нищего, – который за умеренную плату перестал быть слепым и вполне толково объяснил, как и куда нужно идти, – влился в пеструю галдящую толпу и оказался в бурно кипящем котле под названием Базарная площадь. Первые двадцать минут пребывания в толпе Зулин испытал даже некоторое разочарование: кошелек с пояса пытались срезать всего три раза, причем первые два совсем уж неудачно, а на третий не пришлось даже снимать капюшон – достаточно было холодно блеснуть синим взглядом из темноты. Овощные ряды не поразили его ничем, кроме своей оглушительности, лотки с пряностями обрекли на десятиминутное чихание, а шелковый ряд сделал его обладателем очень милого шарфика чудесной павлиньей расцветки. Зулин задумчиво повертел неожиданную покупку в руках и решил отныне быть внимательней, чтобы не вернуться в гильдию с красным драконом на поводке.

Еще через полчаса планар понял, что потеря кошелька – далеко не самое страшное, что может случиться с новичком на Бристольском рынке. Возле лотка с заморскими диковинами Зулин пришел в себя и обнаружил, что совершает вполне законную и честную сделку по приобретению совершенно бесполезной штуковины, стоимость которой идеально совпадает с содержимым его кошелька. По-настоящему Зулина расстроила не столько цена, сколько тот факт, что штуковину можно было держать перед собой только на вытянутых руках, причем она все время норовила укусь или ударить. В принципе, Зулину удалось, сняв капюшон и соорудив страшную рожу, уговорить прежнего владельца кусачей штуковины совершить обратный товарообмен, но кошелек его стал вдвое легче, а невозмутимый торговец доходчиво объяснил, что это справедливая плата за аренду чудесной твари. Спорить было бесполезно.

Выбираясь из рыночной толкучки, Зулин размышлял о переменчивости мира. За все пять лет пребывания в башне Зодчего он не снимал капюшон так часто, как за сегодняшний день. И то ли еще будет, – шепнул Зулину внутренний голос. В конце концов, кто сказал, что первый же рабочий день принесет сложнейшие загадки и чудовищные тайны? Может, по вторникам в Бристолье вообще никто не работает, как знать? В мире еще столько неизведанного: нерабочие вторники, пьющие эльфы, бристольские дурные женщины...

Размышляя так, Зулин вышел на непривычно тихую солнечную улицу. По правой стороне, на двухэтажном домике с красивой резной дверью красовалась вывеска с виноградной лозой, слева, над маленьким незаметным подвальчиком, к стене была приколочена большая медная реторта. "Вот и славно, – подумал Зулин, – от винной до магической лавки далеко идти не придется. Солнце совсем замучило. Жарко... Почему местные жители так нервно воспринимают планаров?" Поразмыслив еще несколько минут, он решил зайти сначала в магическую лавку, а уже потом купить вина и вернуться в гильдию.

Спускаясь по крутым ступенькам в подвал, Зулин попытался представить себе, как должен выглядеть владелец такого заведения. В магической лавке по всем законам жанра царил полумрак, и пахло травами. На многочисленных полках и полочках выстроились пузырьки и пузыречки, бутылки и бутыли, колбы и колбочки, коробочки, шкатулки, реторты, змеевики, кувшины, фляги и прочие всевозможные емкости. За массивным дубовым прилавком возвышалась не менее массивная фигура продавца, одетого, к огромному разочарованию Зулина, в серый балахон с капюшоном.

– Доброго дня, уважаемый.

– И вам. Чем интересуетесь?

– Да пока ничем конкретным. Так, завожу связи. – Зулин мучительно пытался понять, что ему мешает в голосе торговца. – Я недавно в Бристолье.

– Вы из гильдии?

– Из гильдии, – Зулин утвердительно кивнул. – Мне посоветовали заглянуть в вашу лавку, познакомиться. Вполне возможно, что я буду довольно часто пользоваться вашими услугами.

– А что, у Натана опять похмелье? – в голосе торговца послышался намек на улыбку.

– Вы знаете Натана? – Зулин слегка удивился.

– По роду занятий приходится, – торговец издал звук, одновременно похожий на шипение и хихиканье, и Зулину на секунду показалось, что он увидел мелькнувший язык, тонкий, длинный и раздвоенный, как у ящерицы. Настроения ему это не прибавило. Более того, он почувствовал себя слегка идиотом, сам не зная, почему.

– А с чего вы взяли, что Натан не очень хорошо себя чувствует?

– По роду занятий приходится... – торговец снова зашипел-захихикал. – Не обижайтесь. Простая логика. Сегодня вторник. Марта Трейси вопит на весь город. Вы бродите, не зная, чем заняться. Ясно?

– Нет. – Зулин чувствовал, что нужно немедленно чем-то впечатлить шипящего всезнайку, иначе он сам зашипит, как закипающий чайник. Проведя полдня в Бристоле, он изучил только один способ впечатлять окружающих. – Завидую вашей мудрости. Я думаю, нам все же стоит познакомиться. Мало ли, может, и я когда-нибудь окажусь вам полезным. Да и вообще, какой смысл общаться наобум. Как вы считаете?

– Резонно, – торговец принял позу крайнего внимания.

– Я Зулин, ученик Мо Кортэ из Малдлина. – сказал Зулин и снял капюшон. Ни потрясенного возгласа, ни хотя бы вопроса о зеркале не последовало.

– Я Схишш, – прошипел торговец и тоже снял капюшон. На слегка оторопевшего Зулина с вытянутой чешуйчатой морды смотрели холодные желтые змеиные глаза, явно насмешливо прищуренные. Схишш улыбнулся, продемонстрировав набор прекрасных изогнутых клыков, и протянул для рукопожатия... лапопожатия... В общем, не будем заострять на этом внимание – протянул. – Не часто я вижу в своей скромной лавочке настоящего планара. Вы откуда?

– Понятия не имею, – Зулин вздохнул. – Думал, может, вы подскажете. Ну да ладно, не все сразу. Приятно было познакомиться.

– Простите, вы направляетесь в лавку напротив?

– Собирался, во всяком случае.

– Хотите совет? – Схишш натянул обратно капюшон и зашипел-захихикал откуда-то из темноты. – Возьмите "Золотую слезу", это любимое вино Натана. Только ничему не удивляйтесь.

– Спасибо, постараюсь. – Зулин озадаченно почесал затылок и подумал: "Почему, интересно, мне это не нравится?"

После полумрака магической лавки свет на улице казался просто ослепительным. Зулин даже оценил преимущества капюшона. Резная дверь и виноградная лоза в сочетании с жарким маревом августовской жары навевали мысли о бокале доброго холодного вина из лучших Бристольских погребов и неспешной беседе на интеллектуальные темы где-нибудь в теничке. Зулин встряхнулся, отогнал соблазнительные видения и перешел улицу. Мелодично звякнул колокольчик над дверью. Зулин готов был поклясться, что буквально за секунду до того, как он вошел, воздух вибрировал от лихорадочных вздохов, но как только его нога переступила порог, в лавке воцарилась тишина.

– День добрый! – Зулин внимательно осмотрелся, но не увидел ничего, кроме бесконечных рядов бутылок. За прилавком знакомо зашуршало. Зулина осенила внезапная догадка. "Демон Баатора! Не может быть..." – пробормотал он, в два прыжка оказался у стойки и перегнулся через нее.

– Что вам предложить? – задушено пробормотала черноволосая эльфийка, лихорадочно приводя в порядок платье.

– Бутылочку "Золотой слезы" для моего похмельного начальника! – сообщил Зулин, продолжая заглядывать за стойку. – Натан, ты ведь любишь "Золотую слезу"? – Зулин больше не мог обращаться на вы к начальнику, который спешно заправляет штаны, совершенно неэлегантно скрючившись под стойкой в винной лавке. – А мы с Тирелом тебя уж жаждали. Я так понимаю, неотложные дела гильдии заставили тебя позорно бежать с

поля боя?

– Я не бежал, – хмуро пропыхтел Натан. – Я ретировался. Стратегическое отступление – ясно?

– Очень удачное, как я вижу. А я как раз за лекарством пришел. Жаль, что опоздал. Ну, да что уж там. Распоряжения, поручения будут?

– Будут! – Натан приобрел пунцовый окрас. – Прекратить издеваться над начальником и возвращаться на рабочее место!

– А я думал – сегодня выходной. – Зулин пожал плечами с самым невинным видом, какой только может принять планар, лицо которого скрыто капюшоном.

– У сынов Магической гильдии нет выходных! – из винной лавки Натан Сильван вышел с высоко поднятой головой.

* * *

Иефа жила в Бристоле уже три недели и была вполне довольна и собой, и городом. Деньги и богатая одежда, вежливо позаимствованные из запасов начальника каравана, позволили путешествовать с непривычным комфортом, лютия собирала вокруг нее слушателей, а спрятанные под распущенными волосами или накинутым платком уши не превращали восхищение в насмешку. Наивная детская улыбка и долгий лукавый взгляд из-под ресниц чаще всего обеспечивали охрану в виде какого-нибудь странствующего рыцаря, а то и нескольких, если очень везло. Тогда путешествие становилось на редкость забавным: мужчины распускали павлиньи хвосты и красовались перед ней, наивно полагая, что производят неизгладимое впечатление. Конечно, случались и проколы. Чего уж там, далеко не все представители мужской братии умели себя контролировать. В прочем, Иефа давно уже знала, что из всего нужно извлекать выгоду. В конце концов – надо же было на ком-то тренировать свои способности.

Бристоль принял Иефу в свои солнечные объятия и закружил в пестром танце. Цокот копыт по теплой брусчатке, бархатная пыль, улыбки, гомон, вечно кричащие дети, красные и зеленые крыши, серебристые тополя, медовый запах цветущих деревьев, блестят глаза у молодых женщин, босые пятки выбивают чечетку, музыка города, в котором всех ждут и всех любят. Иефа подставляла лицо солнцу и тихо улыбалась какому-то пушистому и незнакомому счастью. Странно, даже не хотелось никого ставить на место.

– Эй, красавица, улыбнись еще раз!

– Девушка, купите шаль!

– Цветы, самые душистые и чудесные цветы для самой прекрасной!

– Перстни, перстеньки на тонкие пальчики!

– А вот рыба, свежая рыба! Только из моря!

– Красавица, зайди в мою лавку!

– Милая госпожа, у меня лучшая гостиница в городе!

– Барышня, мне нужен бард! Плачу золотом!

– Фрукты! Овощи! Только свежие! Точный вес!

Это был ее город. Иефа ехала по Бристолю и чувствовала себя птицей в небе. "Кажется, я все-таки приехала домой", – подумала она, когда мэтр Бену, хозяин "Пятирогой луны", вручил ей ключ от номера. Деликатный и дальновидный, мэтр Бену сразу оценил дальнейшие перспективы пребывания в его гостинице золотоволосого барда. Иефа получила возможность петь, когда ей вздумается, с единственным условием: треть выручки уходила в карман хозяина. Мэтр Бену был лишен предрассудков, и острые уши Иефы, которые он умудрился разглядеть под шелковым платком, нисколько его не смущали. Уже через два дня полуэльфка болтала с мэтром, как будто они были лучшими друзьями. Бену не прогадал. Иефу слушали с удовольствием и платили щедро.

Утро восьмого августа Иефа проводила в прохладной тишине общей залы трактира,

лениво перебирая струны лютни и мурлыча что-то себе под нос. В голове бродили разрозненные строчки, обрывки рифм, медленно сплетаясь и расплетаясь. Мелодия выходила неустойчивая, тягучая и благостная. Казалось, что весь окружающий мир застыл в жаркой августовской истоме, редкие посетители, если и обращали внимание на девушку с лютней, с разговорами не лезли. Иефа как-то быстро привыкла к тому, что ее уважают, а те, кто позволял себе лишнее, обычно бывали наказаны. Ее называли госпожой, кланялись, были любезны. Иефа чувствовала себя совсем взрослой и жутко самостоятельной. Ей уже давно не приходилось хвататься за кинжал, постепенно пропал куда-то затравленный взгляд исподлобья, громкие звуки не заставляли нервно вздрагивать и выжидательно замирать. Она настолько освоилась в "Пятирогой луне", что перестала ограничиваться своей комнатой, забредала иногда на кухню и в кладовые, а общую залу воспринимала практически как свою собственность и совершенно не обращала внимания на заинтересованные взгляды клиентов. При чем тут они, в конце-то концов? Это была ее территория.

Всегда можно понять, как открыли дверь, если ее открывают снаружи. Эту дверь открыли явно пинком. Иефа отвлеклась от лютни и с неудовольствием воззрилась на нового посетителя. Живого дварфа она видела первый раз, зато наслышана была об этом народе достаточно. И если многие люди и эльфы не нравились ей, потому что это люди и эльфы, то этот дварф не понравился ей просто так, по определению. То, как он вошел, то, как остановился на пороге, то, как осмотрел залу, как задержался на ней взглядом. Выражение его глаз не понравилось Иефе больше всего. Слишком...барское, что ли? Иефа досадливо поморщилась и вернулась к своей лютне. Ну, дварф, подумаешь, какая цаца.

Стив прошагал к стойке и грохнул по ней кулаком. Мэтр Бену возник из ниоткуда и слегка поклонился, сохраняя совершенно невозмутимое выражение лица.

– Чего желает господин дварф?

– Господин дварф желает баранины в чесночном соусе, комнату и пива. Много пива. – Стив с сомнением посмотрел на трактирщика. – У вас есть большие кружки?

– Для господина дварфа в "Пятирогой луне" найдется все, что угодно господину дварфу. Располагайтесь. Будут еще какие-то пожелания?

Стив еще раз оглядел зал и снова наткнулся взглядом на светловолосую девушку с лютней, тихо наигрывающую что-то в уголке.

– Это кто такая?

– О, это наша юная госпожа, которая во истину стала украшением и гордостью "Пятирогой луны". Бард, как вы успели заметить.

– Человек? – Стив с сомнением присматривался к "украшению и гордости". – Или эльф?

– Разве это так важно? – беспечно махнул рукой мэтр Бену.

– Полукровка, – понимающе кивнул Стив. – Красивая.

– Я разделяю ваше восхищение, но искренне не советую обсуждать с юной госпожой ее происхождение, это может плохо кончиться.

– Почитатели побьют? – нехорошо усмехнулся Стив, погладив рукоять топора.

– Нет, зачем же. Я думаю, наша колючая барышня и сама справится. Располагайтесь, господин дварф. Такое славное утро, к чему его портить? – мэтр Бену пожал плечами и степенно удалился на кухню.

Стив расположился за столом у стены, зевнул, вздохнул и от нечего делать стал разглядывать посетителей. Девушка в углу перебирала струны и, казалось, не замечала ничего вокруг. Служанка принесла кувшин пива и застенчиво сообщила, что жареные бараны с чесноком сами по себе не родятся, поэтому придется маленько обождать. Стив благосклонно кивнул, ущипнул служанку за мягкое место и занялся пивом. Шумно отхлебывая из кувшина и принюхиваясь к соблазнительным мясным запахам, которые стали незаметно просачиваться из кухни, Стив рассеянно шарил глазами по залу. Раз или два он ловил на себе явно недружелюбный взгляд серых глаз. "Колючая барышня", – вспомнил дварф слова трактирщика. Ему стало смешно. Каким, интересно, образом эта светловолосая

пичужка сможет за себя постоять- лютней своей будет отмахиваться, что ли?! Принесли баранину.

Настроение безнадежно испортилось. Песня улетучилась, задушенная чесночными ароматами, Иефа продолжала сидеть в зале из чистого упрямства. Дварф, видимо, считал, что беседовал с мэтром тихим голосом и что никто ничего не слышал. Уловив ненавистное "полукровка" и поймав встревоженный взгляд мэтра, Иефа внутренне ошетибилась. Дварф шумно хлебал свое пойло и уплетал баранину, игнорируя столовые приборы. Чесночный соус стекал по его бороде и рукам, что совершенно не мешало ему получать удовольствие от завтрака. Иефа почувствовала, как застарелая ярость против жрущих и хлещущих пиво "чистокровных", считающих своим долгом поинтересоваться, кто у нее эльф – мама или папа, глухо ворочается внутри и поднимает голову. Лютня издала жалобный "треньк". Иефа очнулась и обнаружила, что вцепилась в ни в чем не повинный инструмент мертвой хваткой. Девушка глубоко вздохнула, расслабила пальцы и дала себе слово, что ни один дварф в мире не сможет вывести ее из душевного равновесия. Много чести.

Стив облизал пальцы, смачно рыгнул и крикнул, чтобы принесли еще пива. Девчонка-бард прикидывалась музыкальной мебелью, но Стив был не таким простофилей, чтобы не заметить цепких неприязненных взглядов в свою сторону. Дварф уселся поудобнее, погладил бороду и принялся внимательно разглядывать барда. Росточку невысокого, но для дварфа всяко – верзила, на полголовы выше Стива, а он не из маленьких. Сероглазая, светловолосая, щеки розовенькие, губки пухленькие, только сжаты уж очень сурово, а взгляд злющий. Славненькая малявка, только уж очень худосочная, не то, что дварфские девушки – кровь с молоком, есть за что подержаться. Правда, тут тоже не все потеряно... Стив уперся взглядом в область грудной клетки и сглотнул. Интересно, она тут одна или с покровителем? Как ее до сих пор в султанат не умыкнули – вот что непонятно. Дите ж несмышленное, годочков двадцать пять всего-то на вид. Хотя, с другой стороны, у людей это возраст. А у эльфов – нет. Стив окончательно запутался, сплюнул, оторвался от созерцания прелестей "пичужки", поднял глаза и встретился с ней взглядом. Она смотрела в упор и обдавала таким холодом, что Стив даже удивился. Подумаешь, какая важная птица, уж и посмотреть на нее нельзя. Или, может, ей именно дварфы не нравятся? Служанка принесла новый кувшин пива, и Стив отвлекся, а когда снова посмотрел на девчонку-барда, та занималась исключительно своей лютней. "Может, привиделось? – подумал Стив. – И чего я взъерепенился?" Он пошарил в кошельке, выудил золотую монету и снова глянул на барда. Девчонка, небось, таких денег и в глаза не видала.

– Эй, бард!

Иефа подняла голову. И тоскливо посмотрела на дварфа. Ну вот, начинается.

– Сыграй чего-нибудь! – Стив швырнул монету, она подпрыгнула несколько раз, покатилась и остановилась у самых ног полуэльфки. Девушка посмотрела на Стива, на кругляшек золота и слегка отодвинулась, брезгливо поморщившись, как будто это была не золотая монета, а кусок конского навоза. Мэтр Бену, наблюдавший эту сцену, напрягся, увидев, как побелели скулы Иефы. Обычно это не предвещало ничего хорошего. Впрочем, мэтр Бену достаточно хорошо изучил свою любимую постоялицу, чтобы успокоиться, заметив, как слегка дрогнули уголки ее губ. Иефа подозвала служанку, спросила письменных принадлежностей и принялась что-то писать с самым невозмутимым видом. Стив, пропустивший все эти подробности, понял только, что его жестоко игнорируют, и пожал плечами. Подумаешь, королева, золота ей не надо. Как говорится, не очень-то и хотелось.

Время приближалось к полудню, в трактир начали подтягиваться истомленные жарой посетители. Иефа незаметно поглядывала на дварфа, покрывая ровными строчками пергамент. Быдло надо или убивать, или высмеивать. За оружие сразу хватает тот, кто не может держать себя в руках. Бессмысленно обижаться на хама, с него спрос не тот. Чего она ожидала от дварфа, который даже вилок пользоваться не умеет? Каменеть лицом и пылать ненавистью к такому, как он, просто глупо. Но спускать с рук – тоже не дело. Иефа в

последний раз просмотрела текст, прошлась по струнам, запоминая мелодию, накинула на голову платок и подошла к стойке. Мэтр Бену вопросительно посмотрел на нее, получил утвердительный кивок и расцвел.

– Дамы и господа, уважаемые и драгоценные посетители "Пятирогой луны"! – торжественно воскликнул он, выйдя на середину зала. – Прекрасная Иефа, которую мы все знаем и, не побоюсь громких слов, талантом которой искренне восхищаемся, просит внимания! – он отвесил почтительный поклон. Люди в зале задвигали стульями, устраиваясь поудобнее, кто-то захлопал, послышались одобрительные возгласы. Стив оторвался от второй порции баранины и приготовился слушать. Полуэльфка взмахнула ресницами, ослепительно улыбнулась, тронула струны. Посетители затихли.

– Я приветствую вас, господа и дамы, – негромко произнесла Иефа, проводя привычный ритуал. Обычно она смотрела немного сквозь слушателей, чтобы не отвлекаться, и тогда у каждого создавалось впечатление, что смотрит она именно на него и поет лично ему. Но сейчас Иефа собиралась спеть всего одну балладу. – Всем вам известно гостеприимство достопочтимого мэтра Бену. Благодаря ему, любой посетитель "Пятирогой луны" чувствует себя здесь, как дома. Но сегодня я хочу поприветствовать нового гостя этого замечательного трактира, который настолько впечатлил меня элегантностью, деликатностью и прекрасными манерами, что я написала балладу. Мне очень хотелось бы представить эту безделицу на ваш строгий суд. – Иефа перевела дух и еще раз ослепительно улыбнулась.

Большая часть посетителей обернулась, пытаясь выяснить, кому адресовалась улыбка, и с некоторым удивлением обнаружили за столом у стены залитого чесночным соусом дварфа. Иефа дождалась, пока стихнут первые неуверенные смешки, и запела. Баллада была из тех, которые пишутся за две минуты, поются в качестве шутки и забываются раз и навсегда. Мажорные переборы создавали ощущение летнего полдня в саду, Иефа сохраняла исключительно серьезное выражение лица, и только иногда поглядывала на дварфа невинными глазами.

Баллада повествовала о трех чесночных феях, решивших объединиться со своим давним врагом – вампиром, чтобы одолеть страшного чесночного дварфа. Диалог фей и вампира поражал нелепостью и трагизмом. Главная фея на протяжении трех куплетов в подробностях живописала процесс поедания дварфом баранины в чесночном соусе, чем разжалобила вампира просто до слез. Кровососущий враг фей собрался в священный поход против обжоры-дварфа, но... (Тут Иефа сделала эффектную паузу и подождала, пока утихнет смех.) Но битва так и не началась, поскольку несчастный вампир был сражен насмерть могучей дварфской отрыжкой. Закончила Иефа свою балладу под аплодисменты и взрывы хохота призывом опасаться дварфов вообще и чесночных соусов в частности. Посетители смеялись и оборачивались к Стиву. Постепенно все взгляды сосредоточились на нем. Дварф с трудом проглотил полупрожеванный кусок баранины, посмотрел на Иефу и расхохотался.

Нельзя сказать, что Иефа была разочарована. Поразмыслив, она решила, что отомщена, а то, что дварф не бился в истерике и не рубил топором направо и налево, говорит только в его пользу. Хотя это абсолютно ничего не меняет. Посетители потихоньку расходились, трактир опустел до вечера, только дварф все еще сидел за своим столиком. Иефа пересчитала выручку и озадаченно хмыкнула: среди прочего на подносе блестили три золотые монеты. "А привычки у него не меняются – усмехнувшись, подумала полуэльфка. – Тоже мне, барин... Хотя это очень кстати."

– Мэтр Бену, – позвала она негромко. – У нас сегодня хорошее утро, вам не кажется?

– Иефа, милая, – мэтр Бену расцвел, увидев свою долю, – с тобой даже самый плохой день покажется прекрасным!

– Ай-ай-ай! Как нехорошо врать, мэтр! – Иефа рассмеялась. – Я пройду по городу. Может, удастся пристроить эти кругляшки.

– Будь осторожна, милая. Не хотелось бы потерять своего любимого барда.

– Ну что со мной станется, мэтр Бену?

– Плохих людей много, а хороший мэтр Бену всего один, – назидательно произнес трактирщик.

– Вот тут вы правы.

"Что с тобой станется? Не знаю, из каких мест ты пришла в Бристоль, девочка, но жилось тебе явно несладко. Я всего один раз видел твои белые от ярости глаза, когда в мой трактир заглянули люди из султаната. Что с тобой станется..."

Стив наблюдал за бардом со смешанным чувством досады и уважения. Молодец девчонка. Красивая. Злопамятная. Колючая барышня, правильно толстяк за стойкой сказал. Странно, что она так ошетибилась. Что такого он сделал? Непонятно. Но что обиделась, так это ясный пень. А жаль. С такими, как она, дружить надо. А ведь живет здесь явно одна, без всяких покровителей, по городу, небось, тоже одна шатается. Тоже дурость немалая. Стив даже рассердился на полуэльфку. Надо будет с ней обязательно поладить. А то ведь пропадет одна, глупая... Впрочем, к чему эти сложности? Подойти да поговорить, ну, в крайнем случае, можно даже извиниться. Делов-то...

Иефа отнесла лютню в свою комнату, переменила платок, подвесила на пояс ножны с кинжалом, взяла кошель и спустилась в общую залу, раздумывая, чего ей больше хочется: купить новый шелковый шарф чудесного изумрудного цвета или заказать обувь подороже? Она так размышляла о паре изящных сапожек из самой тонкой замши, на низком каблучке, с миниатюрными пряжками и замысловатой шнуровкой, что буквально наткнулась на пресловутого дварфа, стоящего у нее на пути пень пнем. Иефа мысленно пожелала себе ангельского терпения и попыталась обойти дварфа справа. Безрезультатно. Заход слева тоже не принес никакого результата. Дварф сосредоточенно сопел и топтался перед ней, словно исполнял какой-то свой ритуальный дварфский танец, причем на лице его, вернее, на той части, которая не была покрыта буйной растительностью, угадывалось мучительное раздумье. Он явно собирался что-то сказать, но, видимо, не мог подобрать слов. Иефа прекратила безуспешные попытки пройти и молча уставилась на Стива, прикидывая, во что может вылиться это, скажем прямо, не самое приятное знакомство. В худшем случае – тут девушка посмотрела на внушительный дварфский топор – в худшем случае мэтр Бену позовет своих ребят, и ей, может быть, даже ничего не отрубят. В лучшем случае он начнет ухаживать, ему откажут, и тогда вполне может настать худший случай. Кинжал тут не поможет, тем более что носила его с собой Иефа больше для вида. Много такой штыркалкой навоюешь... "Боги, как же мне все надоело. Ну чего он ко мне прицепился, репейник горный... Дожили, вот уже и дварфам до меня дело есть". Самое разумное, что можно было сделать в такой ситуации – молчать и слушать, чем Иефа и занялась.

Между тем Стив терпел неземные мучения, соображая, как лучше начать разговор с "колючей барышней". Представиться? Она решит, что он просто ищет знакомства, ну, для того, для чего все с ней ищут знакомства. Назвать себя и сразу сказать, что он не для того? А с чего он взял, что все остальные для того? И вообще, для чего это именно? Время шло, девчонка поглядывала на него сверху вниз с явной насмешкой и, ясный пень, утверждалась в мнении, что он именно "для того". "Ох, Мораддин, как же все сложно!" – подумал Стив и бросился в бой.

– Э-э-э... Ну, собственно, не того... То есть, не для того... – глубокомысленно произнес он, и замолчал, чувствуя себя полным идиотом. Полуэльфка подняла левую бровь и скептически поджала губы, но ничего не ответила. Стив почесал затылок, погладил бороду, поправил пояс и уставился на девушку, надеясь хоть на какую-нибудь реакцию. Но полуэльфка явно не собиралась приходить к нему на помощь. Она поправила платок, разгладила складки платья, подтянула пояс и в свою очередь уставилась на дварфа, издевательски ухмыляясь. "И хоть бы кашлянула, стерва", – почти с ненавистью подумал Стив, но не отступил.

– Я... Ну, это... В городе очень опасно, да, – авторитетно заявил он, радуясь, что смог наконец произнести связное предложение.

– Правда? – вежливо удивилась полуэльфка.

– Ну, в том смысле, что не всем опасно, а только девушкам в одиночку ходить опасно. Красивым девушкам. – Стив решил, что немного лести не повредит.

– Кто бы мог подумать! – Воскликнула полуэльфка, и у нее как-то странно задрожали губы. "Надо же, – изумился Стив, – неужто плакать собралась? Вот тебе и колючая барышня!"

– Ничего, я провожу, – поспешил он утешить девушку.

– Куда? – спросила Иефа и задрожала уже как-то всем лицом.

– В город.

– А зачем? – Иефа явно взяла себя в руки и перестала подрагивать, зато мэтр Бену за стойкой начал издавать какие-то странные звуки.

– Ну, ты же идешь в город? – Стив начал выходить из себя.

– Допустим. Дальше что?

– Я провожу.

– Разве я об этом просила?

– Нет. – Стив догадался посмотреть девушке в глаза и обнаружил, что она еле сдерживается, чтобы не расхохотаться ему в лицо. Он сжал кулаки и упрямо набычился. – Я просто могу проводить тебя, куда там тебе нужно, и проследить, чтобы никто не цеплялся.

– Спасибо, обойдусь. – Иефа перестала играть вежливую девочку и попыталась обойти дварфа.

– Нет, ты послушай, – Стив ухватил девушку за локоть чуть сильнее, чем хотелось бы, – в чем дело? Я тебя чем-то обидел?

– Нет, что вы. – Иефа выдернула руку. – Мы ведь даже не знакомы.

– Тогда почему ты не хочешь, чтобы я тебя проводил?!

– А почему, собственно, я должна этого хотеть? – голос Иефы стал холоден, как пиво в погребе мэтра Бену.

– Но если я тебя ничем не обидел, не оскорбил, если все в порядке, – Стив окончательно вышел из себя и еле сдерживался, чтобы не кричать, – если все нормально, ПОЧЕМУ ты...

– Послушайте, господин дварф, – голос Иефы стал таким вкрадчивым, что Стив даже поежился, – я очень вас прошу усвоить одну простую истину: вы меня не раздражаете и не радуете, вы мне абсолютно безразличны. Я не намерена выяснять с вами отношения, тем более, что у нас нет никаких отношений. Я отказываюсь от вашей компании, не потому что вы дварф, или эльф, или орк, или кто-нибудь еще, – я просто ОТКАЗЫВАЮСЬ, потому что я НЕ ХОЧУ, чтобы меня провожали вы, или какой-нибудь эльф, или орк, или кто-нибудь еще. Я хочу, – понимаете? – ХОЧУ, чтобы меня просто ОСТАВИЛИ В ПОКОЕ. Это ясно?

– Яснее некуда, – угрюмо буркнул Стив.

– Всего хорошего, господин дварф. – Иефа лучезарно улыбнулась и направилась к выходу.

* * *

Что может быть смехотворнее и глупее дварфа вне гор? Правильно, дварф, который следит в Бристолле за полуэльфкой, которая его недвусмысленно отшила всего три минуты назад. Предаваясь этому дурацкому занятию, Стив обзывал себя болваном, идиотом, лягушкой безбородой и прочими достойными именами и все недоумевал, за каким лешим он это делает?! Вот спросите его, Стивана из Утгартов, стража ворот, второго в роду: какого дьявола он преследует эту сероглазую злючку, прячась в тени подворотен, как какой-то... Стив сплюнул. Ведь если он попадется на глаза этой полукровке, от него мокрого места не останется, весь Бристоль будет знать, какой он болван, а она на этом еще и денег заработает, мерзавка! И, как на зло, никто не собирается на нее нападать, ну хоть бы какой заваливающий

гад прицепился, ну, там крестьянин пьяный, или, еще лучше, из султаната какой-нибудь чернявый, ну хоть кто-нибудь! Так ведь нет же, разгуливает она себе по городу, как ни в чем не бывало, на витрины пялится! Грымза!

Устав ругать себя и полуэльфку, Стив впал в философское настроение. Ну и ладно, все равно уже начал, а бросать дело на полдороге он не привык. Главное, не попадаться ей на глаза, и тогда никто ничего не узнает. Ох, Мораддин, скучный народ – женщины! Все им тряпки да побрякушки! Лучше бы хороший топор себе купила.

Иефа брела по солнечному Бристоллю, подставляя лицо горячим ярким лучам, и думала, что мир вовсе не так уж плох, даже если в нем есть приставучие дварфы. Сладкий запах цветения, еле уловимый оттенок нагретого солнцем булыжника и чуть-чуть морской соли – если бы существовали такие духи, она обязательно купила бы себе самый большой флакон, чтобы всегда, всегда, в самой далекой стране ощущать себя частью таких вот детских непоседливых дней. Иефа хотела пахнуть Бристолем. Жизнь горожан проходила за вином и музыкой, казалось, что никто не работает, а все вокруг делается само собой, и эта иллюзия была настолько сильна, что многие жители Бристоля в нее давно поверили. Тем не менее, кто-то возводил новые здания с колоннами и башенками, кто-то мостил маленькие и круглые, как монетки, площади гладким разноцветным булыжником, кто-то устанавливал фонтаны и разбивал парки, ставил статуи, строил одноэтажные домики с чудными смешными крылечками, кто-то открывал и наполнял товарами лавки, чинил и тачал, шил и вязал, плел и вырезал, растил, готовил, жарил, парил, торговал, гранил, шлифовал, полировал, замешивал, красил, рисовал и играл, и – думалось иногда Иефе – этот кто-то был сам Бристоль, незаметно и скромно растущий и прихорашивающийся, словно на праздник. Веселый, изворотливый, хитрый, продажный, циничный портовый проныра, способный ко всему приспособиться, все и всех использовать, продать, купить и снова продать, но уже дороже, необузданный и осторожный, жестокий и чуткий одновременно, Бристоль напоминал Иефе ее саму, такую, какова она на самом деле, без лучезарных улыбок и вежливых фраз, взбалмошную и непонятную.

Гуляя по городу, Иефа и думать забыла про странного дварфа и уж никак не могла предположить, что он чертыхается и потеет в тени ближайшего платана. Стив следовал за полуэльфкой на почтительном расстоянии и ужасно страдал от жары. Некоторое время он надеялся, что девушка немножко погуляет и вернется в прохладу трактира, но Иефа, судя по всему, чувствовала себя в жаре, как рыба в воде, и вовсе не собиралась никуда возвращаться ближайшие полтора часа. Она заходила в лавки, перекидывалась двумя-тремя фразами с торговцами и выходила, так ничего и не купив. Странно, что никто не выглядел расстроенным. Ее окликали какие-то работяги, она улыбалась в ответ и махала рукой, но поболтать не подходила; уличные продавцы сладостей протягивали ей свой товар и заводили разговоры, она что-то отвечала, качала головой, они смеялись, кивали, кланялись ей, а она шла дальше. Похоже было, что Иефу знает весь город. В конце концов, Стиву стало даже интересно, купит она что-нибудь или нет, и если купит, то что именно.

Прошло два часа, Стив взмок, как будто сутки трудился в штольне, солнце палило, как сумасшедшее. Наконец Иефа вышла на небольшую круглую площадь и, целеустремленно направившись к какой-то лавке, скрылась за стеклянной дверью. Стив осмотрелся. Площадь была абсолютно пуста, если не считать небольшой бронзовой статуи в центре, – ни деревца, ни кустика. Лавка, в которой скрылась полуэльфка, оказалась, судя по огромным витринам, резной двери и прочим финтифлюшкам, вовсе не лавкой, а весьма дорогим магазином. "Модная одежда от мадам Жасмин" – гласила вывеска. Напротив магазина модной одежды располагался не менее дорогой магазин кожаных изделий, ювелирная лавка, бакалея, цветочный магазин и прочая чепуха.

Пока Стив разглядывал площадь, раздумывая, где тут можно спрятаться, Иефа вышла из магазина, накидывая на голову новый платок из тончайшего шелка изумрудного цвета. Выглядела она как нельзя более довольной. "Женщины! – презрительно подумал Стив, выглядывая из переулка. – Сейчас, небось, к ювелиру отправится, побрякушки себе

выбирать". Иефа действительно пересекла площадь, но вошла не в ювелирную лавку, а в магазин кожаных изделий, и уже там застряла надолго. Стив скучал, чесался, гладил бороду, вспоминал все прозвища Мораддина, от самых известных до самых похабных, потом мысленно пересчитал все деньги, которые успел потратить со времени своего ухода из родных мест, а Иефа все не выходила.

Время шло, изнемогший от жары Стив придумал хитроумный план обогащения, который состоял из покупки обычного пони, необычной сбруи и магического зелья, что в совокупности должно было принести немалые барыши, как вдруг ему в голову пришла ужасная мысль: а вдруг в магазине есть другой выход, и девчонка давным-давно купила все, что ей надо, и теперь преспокойно бродит где-то по улицам без всякого присмотра, а он, как дурак, потеет в этом дурацком переулке?! Скорее всего, так оно и есть, потому что Стив искренне не понимал, ЧТО можно такое количество времени делать в магазине. Стив выругался в лучших dwarфских традициях и побежал к магазину, забыв о всякой осторожности. Он пересек площадь и приник к витрине, пытаясь разглядеть что-нибудь в полумраке. К громадному изумлению dwarфа, Иефа все еще была там, но уже явно прощалась и собиралась выйти. Стив представил себе на секунду, каким будет выражение ее лица, когда она обнаружит его прилипшим к витрине, и заметался по площади, ища укрытия. Он оглянулся на кожаный магазин и с ужасом обнаружил, что почти попался. Иефа держалась за ручку двери и что-то говорила, отвернувшись от площади и своего соглядатая. Единственное, что оставалось Стиву, это вверить себя заботам мадам Жасмин. Dwarф совершил уникальный по своей грациозности прыжок и вломился в магазин модной одежды под истерическое звяканье колокольчика.

– Что вам угодно? – несколько нервно, но ужасно вежливо спросила молоденькая продавщица в кружевном передничке и с замысловато уложенными волосами. – Ткани, меха, готовое платье, изделия на заказ?

– Что? Какой заказ? – Стив пытался отдышаться после несвойственного dwarфам акробатического порыва. На той стороне площади Иефа закрыла за собой дверь кожаного магазина и задумчиво рассматривала статую. – Я не буду делать заказ.

– Вы хотите купить готовое платье? – еще более нервно спросила девушка и поправила прическу.

– Нет, я не хочу купить готовое платье, – отмахнулся Стив, продолжая наблюдать за полуэльфкой.

– Так может быть, вы хотите...

– Я ничего не хочу! – рыкнул Стив. – Оставьте меня в покое!

– Но если вам ничего не нужно, – девушка, казалось, была на грани нервного срыва, – то покиньте, пожалуйста, магазин. Иначе я закричу.

– Ммм... – Стив страдал. Мерзавка Иефа вдруг проявила немалый интерес к искусству и теперь гладила блестящий бок статуи, изображавшей какого-то морского зверя. Уходить она явно не собиралась. – Хорошо! Я сделаю заказ, принесите мне образцы!

– Образцы чего?

– О Мораддин! Тканей!

– Бархат, шелк, атлас, крепдешин, шерсть, твид, ситец, другие материи? – девушка была неумолима. Она вооружилась громадной деревянной меркой и заметно успокоилась.

– Бархат, бархат!

– Какой тип бархата? Панбархат? С длинным или с коротким ворсом? Султанатский или имперский? Какого цвета?

– Несите все!

Полуэльфка, видимо, решила остаться жить в обнимку с морским зверем, и теперь задумчиво ходила вокруг статуи, явно выбирая местечко поуютней.

– Что будем шить?

– Чехол! – ляпнул Стив и сам удивился.

– Чехол для чего? – уточнила девушка.

– Для бороды! – сказал Стив и удивился еще больше.
– Зачем вам чехол для бороды? – опешила девушка, снова занервничав.
– Я... – "Действительно, зачем?" – подумал Стив. Иефа оторвалась от статуи и подставила солнцу лицо. – Я буду плавать. По морю. И мне нужен чехол. Для бороды. Чтобы не промочить. Из бархата.
– Тогда мне нужно снять мерку, – неуверенно произнесла девушка после длинной паузы. Она медленно подошла к Стиву, выставив перед собой линейку, как оружие. Видимо, она все-таки не была уверена в том, что странный клиент ее не укусит.
– Да-да, снимайте, – отрешенно пробормотал Стив, не веря своему счастью: полуэльфка закончила принимать солнечные ванны посреди площади и направилась в сторону трактира. Стив выждал немного, отмахиваясь от деревянной линейки, и выскочил из магазина, чтобы не потерять Иефу из виду. Он мысленно возносил хвалу Мораддину за то, что все так удачно закончилось, когда за его спиной звякнул колокольчик.
– Господин дварф! Господин дварф! – взывала нервная барышня из магазина, выскочив вслед за ним. – Господин дварф! А как же образцы?! Образцы, господин дварф!
Иефа обернулась.

* * *

Иефа обернулась. Конечно, кто угодно обернется на такие крики, тем более, что ключевым словом было слово "дварф". "Нет, ну нет, ну что же это такое!" – успело еще мелькнуть в голове у полуэльфки, когда она поворачивалась в солнечном луче, чтобы лицезреть пунцовую физиономию дварфа, пытающегося сохранить невозмутимое выражение лица. Стив сделал вид, что просто так вышел погулять, что обожает жару, что оказался на площади по чистой случайности и что девица, протягивающая к нему руки, вовсе не настоящая, а что-то вроде видения, вызванного знойным полднем. В общем – Стив ДЕЛАЛ ВИД. Он делал его до того старательно, что становилось просто весело и досадно. Иефа остановилась, уперла по примеру бристольских женщин руки в бока и недобро прищурилась. Проходя мимо нее, Стив старательно изобразил удивление и промывчал что-то вроде приветствия. Полуэльфка насмешливо кивнула в ответ и проводила Стива долгим многообещающим взглядом, от которого изнемогшему от жары дварфу стало холодно. Окончательно расстроившись, Стив отправился покупать пони.

"Вот, значит, как, – думала Иефа, дожидаясь, пока ссутулившийся дварф не скроется в переулке. – Вот, значит, как! Значит, вам одного раза мало, господин Болван! Вы, значит, человеческого языка не понимаете! Вам, значит, на общем говорить бесполезно, вам, значит, только на дварфском можно растолковать, что вы тут никого не впечатляете! Похвально! Ну, погоди, любезный, и не таких барчуков в лужу сажали! – Иефа направилась к магазину модной одежды. – Свиныя неотесанная! Сказали же тебе, тихо, мирно, вежливо сказали – не лезь! Оставь в покое! Нет, мы же богатые, мы же крутые, нам же отказать невозможно! Мы же кинем монетку, и жалкие полукровки кинутся нам пятки целовать! Хорошо, хорошо, я тебе поцелую твои пятки – век не забудешь..." Перед дверью магазина Иефа несколько раз глубоко вздохнула, изобразила вежливую улыбку и вошла внутрь. Нервная девушка за прилавком, жалобно шмыгая носом, складывала стопкой образцы бархата.

– Чего изволите? – спросила она плачущим голосом и подняла голову. – О, это вы!
– Я. А что?
– Вы сегодня купили у меня этот платок, который сейчас у вас на голове.
– У вас замечательная память на лица, – Иефа пыталась понять, с какой стороны подступиться к этой хнычущей барышне, но тут продавщица перегнулась через прилавок и сделала страшные глаза.
– Если бы вы знали, как я вам сочувствую! Если бы вы только знали! Он пробыл у меня в лавке всего пять минут, но и этих пяти минут с лихвой хватило, чтобы понять всю степень

его безумия!

– О да! – подхватила полуэльфка, тоже делая страшные глаза и понижая голос. – Это просто невыносимо!

– Я думаю! – воскликнула продавщица. – Я сначала думала, что он меня задушит, а потом поняла, что он следит за вами. Он так страшно пыхтел, и был такой пунцовый, и так таранился на вас сквозь витрину! Ужасно! Ужасно!

– Да! Да! – Иефа сделала страдальческое лицо.

– И этот странный заказ...

– Какой заказ? – Иефа насторожилась.

– О господи! Да совершенно глупый, нелепость сплошная. Даже вспоминать не хочется.

– Нет-нет! – Иефа старалась говорить как можно испуганней. – Вы обязательно должны вспомнить – дословно вспомнить! – что он заказал! Это очень важно!

– Да? – продавщица неуверенно покосилась на стопку бархатных лоскутов. – Ну, он сначала вообще ничего не хотел заказывать, а потом велел принести образцы бархата.

– Ну? – подбодрила Иефа.

– Ну, и когда я спросила, что он хочет шить, он сказал... Он сказал, что будет плавать по морю, и поэтому ему нужен бархатный чехол для бороды.

– Что?!

– Чехол для бороды, – продавщица снова зашмыгала носом, – я даже мерку сняла. А что, это очень плохо?

– Нет-нет. – Иефа задумалась. – Сейчас мы с вами исправим положение. Еще не все потеряно. Вот что! – полуэльфка подняла голову и едва не расхохоталась. – Это очень хорошо, что вы сняли мерку. Скажите, сколько времени понадобится, чтобы выполнить заказ этого болвана?

– Ну... Если без изысков... Час, полтора. Но скажите мне, ради бога, что происходит? Он опасен? Он вернется? Зачем выполнять этот заказ?

– Кто поймет логику сумасшедшего, – очень серьезно сказала Иефа. – Они мыслят извращенно, их идеи понятны только им самим. Видите ли, он ведь не хотел, чтобы кто-то подумал, что он за мной следит. Поэтому он сделал заказ. А если вы не выполните заказ, он поймет, что вы обо всем догадались, и сотворит что-нибудь ужасное. Но если вы, как ни в чем не бывало, сошьете ему чехол, он решит, что вы ничего не поняли и просто сочли его чудачком. И больше к вам не заявится. Никогда. Это я вам гарантирую.

– Но он не оставил денег!

– Я заплачу.

– Но он не оставил адреса!

– Я знаю, где он живет, я сама передам ему заказ.

– Но он не выбрал образец!

– Я выберу, я знаю его вкус.

– Но ведь это же полный бред! Совершеннейший бред! Младенцу понятно, что он за вами следил, что я об этом догадалась!

– Логика сумасшедшего, – напомнила Иефа. – Решайтесь. Вы же не хотите, чтобы прекрасной лунной ночью вы проснулись от запаха чеснока и пива.

– Не хочу!

– Ну что ж, – Иефа сладко улыбнулась. – Займемся чехлом...

Мэтр Бену уже весь извелся от беспокойства, когда дверь трактира открылась и впустила сияющую, как медный тазик, Иефу. Она так подозрительно широко и благодушно улыбалась, что мэтр Бену сильно засомневался в добром здравии дварфа, который – коню было понятно – отправился следить за полуэльфкой часа четыре назад.

– Иефа, дорогая, ты вернулась! Замечательный платок, тебе очень идет! Как прогулялась?

– Мэтр Бену, – Иефа нежно посмотрела на трактирщика, – вы самый заботливый, а

главное, самый симпатичный мужчина на свете. Я отлично провела время.

"У-у-у... – подумал мэтр Бену. – Бедный дварф".

– Я надеюсь, к тебе никто не приставал?

– О нет! – девушка расхохоталась. – У меня был замечательный телохранитель! Кстати, мэтр, у меня к вам небольшая просьба.

– Все, что попросишь, милая.

– Ну, так много мне не нужно. Просто, когда вернется господин дварф, дайте мне знать, договорились?

– Конечно. Принести тебе чего-нибудь?

– Бумагу... Чернил... Как всегда, мэтр, как всегда.

* * *

Стив устал. Он извел себя упреками, измучил руганью, довел до изнеможения воспоминаниями о постыдной сцене на площади. Стив был так расстроен, что, покупая пони, написал расписку на дварфском языке и, пользуясь невежеством продавца, указал сумму втрое меньшую, чем собирался заплатить. Ну, надо же было как-то утешиться! В крайнем случае, успокаивал себя Стив, всегда можно прийти и доплатить. Может же благородный дварф ошибиться, он же не железный, в конце концов! Пони был что надо: черный, патлатый и весьма вздорного нрава. В скобяной лавке Стив выяснил, что сбрую придется делать на заказ: какой нормальный хозяин захочет превратить свою лошадь в шипастое безобразие?! Может, это у дварфов традиция такая, чтобы у их скотинки рог из лба торчал, но только в Бристоле такой упряжи не водится. Лавочник долго бы еще рассуждал в том же духе, но Стив многозначительно погладил топор и мелодично позвенел кошельком. Что именно произвело на хозяина большее впечатление – оставалось только гадать. Третьим и последним пунктом коммерческого шедевра была покупка специального зелья, от которого глаза пони станут красными и будут светиться в темноте. Устрашающего вида сбруя в сочетании с черной мастью и светящимися глазами должна была убедить любого, что это не просто пони, а Боевой-Магический-Пони, Пони-Устрашающий-Врага, Наводящий-Ужас-Пони-Незаменимый-В-Любом-Походе. Естественно, ТАКОГО пони можно будет продать в пять раз дороже. Дальше все просто. Стив открыл бы свое дело по производству Магических Боевых Пони и стал бы самым богатым дварфом в мире. Дело даже не в этом! Сначала все будет тихо и мирно, за это время он выстроит небольшую крепость, поставит в ней кузницу и выкует массу всякого оружия. Постепенно к нему в крепость стекутся все дварфы Бристоля и окрестных мест, и вот тогда начнется самое интересное. Однажды утром они обнаружат под стенами своей крепости армию разгневанных владельцев Магических Пони. Славная будет драка! Может быть, Иефа напишет об этом балладу. Мда. Иефа. Эта напишет. Можно только гадать, что его ожидает в трактире. Наверняка какая-нибудь пакость. Размышляя таким образом, Стив бродил по городу, разыскивая магическую лавку или какого-нибудь бесхозного мага, чтобы заказать зелье. Он тихо бубнил себе под нос варианты достойного ответа на провокацию, но ничего толком не придумывалось.

– Простите, любезный, вы не знаете, как пройти к трактиру под названием "Пятирогая луна"? – обратился к Стиву ужасно вежливо и ужасно устало некто в фиолетовом балахоне.

– Вы мне? – очнулся размечтавшийся дварф, безуспешно пытаясь разглядеть лицо собеседника.

– Конечно, я мог бы обратиться и к вашему пони, – в голосе Фиолетового Балахона послышалось сомнение, – но вряд ли он мне поможет. Так вы знаете, как пройти к "Пятирогой луне"?

– Маг, что ли? – спросил Стив, кивая на странное одеяние.

– Маг, – безропотно согласился Фиолетовый Балахон. – А как пройти к "Пятирогой

луне"?

– Зелья, стало быть, всякие волшебные делать умеете? – Стив ковал железо, пока горячо.

– Умею, – тяжело вздохнул Балахон и добавил совсем уж печально: – А я так надеялся, что вы не уроженец Бристоля... – он повернулся и медленно побрел по улице, опустив голову.

– Эй... – пришел в себя Стив. – Эй, вы! Я не уроженец! И я как раз иду в "Пятирогую луну"! И мне нужен маг!

– О, сколько информации! – оживился Балахон и протянул черную руку. – Зулин из Малдлина.

– Капюшон снимите! – скомандовал Стив. – Я с дроу ручкаться не намерен!

– Я не дроу, я планар, – ответил Зулин и снял капюшон. – Так лучше?

– А... Да. Стиван Утгарт. – Стив пожал Зулину руку. – Прости, если что. Просто, сам понимаешь...

– Да все в порядке, – отмахнулся Зулин, надевая капюшон. – Ну что, в "Пятирогую луну"? По дороге все обсудим, чего тебе там от магов понадобилось.

– Лады. – Стив горько вздохнул. – Двинули.

И они двинули. Дварф, существо в нелепом фиолетовом балахоне и патлатый черный пони вздорного нрава.

* * *

Стив переступил порог "Пятирогой луны" с некоторой опаской. Перед этим он долго возился в конюшне, устраивая поудобнее своего пони (разве можно доверить трактирным слугам свою золотую жилу?), потом тщательно приводил себя в порядок (нельзя же войти в залу, где едят, в таком виде), потом гонялся по двору за поваренком, обещая оторвать ему уши (а зачем он так гнусно ухмылялся и показывал на него пальцем – он что, никогда дварфов не видел?!). Но Иефы в общей зале не было. Трактир постепенно заполнялся народом, мэтр Бену беседовал с постоянными клиентами, расторопные служанки сновали между столами, звеня кружками и тарелками. Стив успокоился. Они заняли столик у дальней стены и приступили к обсуждению коммерческого плана по созданию БМП, потягивая пиво. Зулин заказал себе жаркое. Поглядывая на хмурую физиономию дварфа, он размышлял о том, как обманчива внешность. Шутка с пони была вполне в духе старика Мо, однако только неисправимый оптимист мог бы предположить в этом дварфе чувство юмора.

Возле трактирной стойки возникло некоторое оживление. Зулин посмотрел туда и увидел образчик невинности и незащитности с лютней в руках. Посетители загребели стульями, захлопали, Стив подавился пивом. Зулин машинально похлопал его по спине, продолжая разглядывать девушку. Она улыбалась хозяину, вполголоса отдавала какие-то приказы служанке, а один раз обернулась и внимательно осмотрела залу, словно выискивая кого-то, остановилась взглядом на Стиве, кивнула и отвернулась.

– Примечательная барышня, правда? – задумчиво спросил Зулин. – Не знаешь, кто такая? Стив! Эй, Стив!

– Что? А, да, верно. – Стив как-то затравленно оглянулся.

– Я говорю, не знаешь, кто такая? Девушка у стойки, вон, с лютней...

– Иефа.

– Что?

– Иефа ее зовут. Бард. Она здесь живет, кажется, – ответил Стив, мрачно прихлебывая пиво. – Не смотри, что малявка. Характер еще тот.

– Да-а? – удивился Зулин. – А занятная барышня. Вроде и красавицей не назовешь, а есть в ней что-то. Харизма...

– Что-что? – восторженно спросил Стив.

– Харизма, говорю. Есть в ней что-то такое, выдающееся. – Зулин с интересом наблюдал за девушкой.

– Мда, что выдается, так это ты прав...

– Что выдается?

– Ну, как ты там ее обозвал – харизьма. Слово тоже мне придумали научное... – проворчал Стив. – Мажеское, небось?

– погоди, дружище, я не про то! – расхохотался Зулин. – Я говорю, что есть в ней что-то такое, что сразу в глаза бросается, а что именно – толком и не скажешь.

– Вот-вот, и я о том же! Сразу в глаза бросается! Только о чем тут думать – не пойму, – раздраженно пробурчал Стив, бахнув пустой кружкой о стол. – Эй, кто там есть! Пива еще!

Когда служанка сообщила Иефе, что пришел дварф, было еще довольно рано. Стоило выждать, пока соберется побольше народу. Через полтора часа Иефа привела себя в порядок и спустилась в общую залу. В одной руке она держала лютню, а другой прижимала к груди симпатичный розовый сверток, перевязанный красной ленточкой.

– Ну, как, мэтр Бену, они уже готовы? Как вы думаете?

– В самый раз, дорогая моя. Они не просто готовы. Ко мне уже подходили и спрашивали, будешь ли ты петь о чесночном дварфе.

– Нет, мэтр. Я приготовила кое-что получше.

– Иефа, – трактирщик смахнул несуществующую пыль со стойки.

– Да, мэтр?

– Иефа, детка, ты же знаешь, я никогда не вмешиваюсь...

– Вот и не надо, мэтр, зачем вам это?

– Я только об одном тебя прошу: не пережми.

– Постараюсь.

Иефа отдала необходимые распоряжения и обвела взглядом трактир. Дварф сидел у дальней стены рядом с каким-то фиолетовым типом и пил пиво. Вид у него был угрюмый. Иефа подкрутила колки на лютне и тронула струны. В зале стало тихо.

– Я приветствую вас, уважаемые дамы и господа... – начала Иефа привычный ритуал. Краем глаза она следила за дварфом. Он напрягся, но Иефа не собиралась бить сразу. Пусть успокоится немного, а самое интересное она прибережет на потом. Вечер шел своим чередом, песни следовали одна за другой, посетители хлопали и улюлюкали, монеты звенели, падая на медный поднос, с которым служанка обходила зрителей. Отыграв заранее продуманную программу, Иефа сделала перерыв на бокал вина и восхищенные возгласы поклонников. Дварф за своим столом совершенно расслабился, пил кружку за кружкой и щедро сыпал золотые монеты – словом, вел себя во всех смыслах положительно. Он поглядывал на Иефу в высшей степени дружелюбно, но глаза не таращил, похабно не ухмылялся, попыток продолжить знакомство не предпринимал. Иефа даже засомневалась, стоит ли... Но тут дварф кивнул в ее сторону и указал на свои уши, обращаясь к фиолетовому типу. "Полукровка", – скорее угадала, чем услышала Иефа. Фиолетовый понимающе кивнул. Иефа отвернулась.

Прошло еще сорок минут после перерыва. Теперь девчонка пела то, что просили слушатели. Стив успокоился. Она не только не смотрела в его сторону, но даже пропустила мимо ушей чью-то просьбу спеть про чесночного дварфа. Жаль только, он не видел, что это за любитель дварфов выискался. Стив перекидывался с Зулином ленивыми фразами и размышлял о том, что вовсе не обязательно она такая уж догадливая, как ему показалось. В конце концов, он что, действительно не мог просто выйти погулять? И даже если девчонка поняла, что он за ней следил, что за беда? Может, она решила, что это он от неземной любви голову потерял? Девушки такое любят. Стив хихикнул.

– А теперь, дамы и господа, я хочу преподнести вам сюрприз, – в мягком голосе Иефы послышалась насмешка. "Да неужто?..." – мелькнуло в голове у Стива. – Сегодня меня уже несколько раз просили спеть балладу о чесночном дварфе. Честное слово, я начинаю немного завидовать: господин дварф скоро отнимет у меня всю популярность. – Иефа мило

улыбнулась. "Не переживай!" – кричали глаза мэтра Бену. "Полукровка! – отчаянно подумала Иефа. – Злая полукровка!" – но остановиться уже не могла. Кони понесли. – Зависть плохое чувство, не правда ли? К тому же, господин дварф является для меня неиссякаемым источником вдохновения – поблагодарим его за это! Я представляю вам свое новое творение – балладу, которую написала всего пару часов назад. Итак – "Берегите бороду"! – не дожидаясь тишины, Иефа запела.

У Стива потемнело в глазах. Он не уловил момента, когда лицо полуэльфки стало затравленным и злым, он слышал только издевку в ее мягком голосе, смех в зале и чувствовал на себе любопытные взгляды. Он вцепился пальцами в край стола и пытался не утонуть в волнах тяжелого гнева, в конце концов, он сам виноват, и баллада вышла забавная, но они смеялись, смеялись, СМЕЯЛИСЬ над ним. Иефа пела о дварфе, который пустился вплавь по морю, но забыл упрятать бороду в чехол. Борода промокла, из-за чего дварф горько плакал, сидя на морском берегу. "Не носите бороду без чехла", – пела Иефа, а Стив держался, держался. Подошла служанка, положила на стол какой-то сверток. Иефа закончила петь, трактир трясся от смеха и оваций, звенели монеты, какофония, какофония, и все смотрят, смотрят, смотрят на него... Стив разорвал дурацкую розовую бумагу и уставился на содержимое свертка. Перед ним, поблескивая бусинками и щеголяя кружевными тесемочками, лежал чехол для бороды из пурпурного бархата. Стив поднял глаза и посмотрел в лицо полуэльфке. Губы, губы, губы кривит, стерва! Стерва! И ни глаз, ни щек, ни носа, ни подбородка, а только эти издевательски искривленные губы! Визжали женщины, что-то грохотало, кажется, где-то упала и разбилась кружка. Кто-то хватал Стива за руку. В голове немного прояснилось. Дварф огляделся. Зулин вцепился в него, как клещ, рядом вырос мэтр Бену и четверо дюжих молодцов. Перед Стивом, сжимающим топор, валялся разрубленный на две половины стол.

– Господин дварф, я все понимаю, но прошу вас покинуть трактир.

– С удовольствием!

– Эй, Стив, Стив, погоди, где мне тебя искать?

– В "Бродячей собаке".

– Не забудьте своего пони.

– Уважаемый, у вас есть свободная комната?

– Теперь есть, любезный господин...

– Зулин.

– Любезный господин Зулин.

Скандал скандалом, а дело делом. Никто из них не видел, как Иефа бегом поднималась по лестнице, зажимая рот ладонью. И никто не слышал, как она редела у себя в комнате два часа подряд, прижимая к груди ни в чем не повинную лютню. Спала этой ночью Иефа плохо.

Зулин ворочался с боку на бок, пытаясь заснуть, но не мог. Было как-то беспокойно.

В "Бродячей собаке" дварф спал без сновидений.

Глава 5

– Аааа!

– Что?!

– Рука, рука!

– Что – рука?!

– Руку ты мне отдал!

– Не ползай под столом!

– У меня важный документ упал!

– Тирел!

– Аааааа!

– Тирел, вылезай из-под стола, негодяй ты этакий!

– Ай-ай-ай! Аааааааа!

– Вылезай, я кому сказал?!!!!
 – Натан, сойди с руки! Сойди с руки, чудовище!
 – Сразу бы сказал...
 – Аааааааааааа!
 – О боги, да что такое?!!!!
 – Документ! С документа сойди! Урод! Натан, сойди с документа! Иначе я уволюсь!
 – Да хоть сейчас!
 – В таком случае, я ухожу!
 – Вот уж нет уж! Я тебя увольняю!
 – Ничего подобного, я уже сам уволился!
 – Я здесь начальник!
 – Под столом я сам себе начальник!
 – Вот и сиди там! Молча!
 – Да пошел ты!...
 – Простите, а что здесь, собственно...
 Хором:
 – Зулин, не лезь!

* * *

Сказать, что гильдия преобразилась, значило не сказать ничего. Зулину даже сперва показалось, что он по ошибке каким-то образом попал на Базарную площадь. Во-первых, от пустой сонной комнаты с единственным столом посередине не осталось и следа. То есть стол, конечно, остался, и даже бумаги на нем остались, их даже стало больше, и Тирел был еще более взлохмаченный и унылый, но вот все стальное... Зулин озадаченно рассматривал огромные книжные шкафы, забитые древними фолиантами, этажерки, заваленные рукописями, полки, забитые свитками, столики, заставленные склянками, сундуки, забитые неизвестно чем, и еще что-то валялось по углам и просто где придется – в общем, создавалось впечатление, будто гильдию основательно потрепал гигантских размеров смерч. Кстати, смерч тоже присутствовал, правда, не гигантских размеров, а в виде Натана, который с такой скоростью носился туда-сюда по комнате, что вздымаемый им ветер шевелил складки фиолетового балахона. Зулин пробрался к столу Тирела, уворачиваясь от прыткого начальника.

– Все пропало! Все пропало! – трагически восклицал Натан Сильван, выдирая пучки волос из своей пепельной шевелюры.

– Меньше надо по бабам шляться, – мрачно пробурчал Тирел.

– Послушай, друг, – прошептал Зулин, склоняясь над полуэльфом и провожая взглядом Натана, – ты трезвый и рассудительный человек...

– Я не человек, – ожесточенно поправил Тирел.

– Не человек, это не важно. Главное, трезвый и рассудительный. Так вот, скажи мне, друг Тирел, трезво и рассудительно скажи: что он делает?

– Руководит.

– Не понял.

– Ну, он же начальник, так?

– Так.

– Что должен делать начальник в экстремальной ситуации?

– Принимать решения.

– Ну вот, именно этим он и занимается.

– Все, все, все пропало! – выкрикнул в очередной раз Натан, исчезая на лестнице. Со второго этажа донесся грохот.

– Он что, потерял что-то?

- Боюсь, что да, а главное, боюсь, что не только он.
- В смысле?
- Я боюсь, что все мы потеряли работу.
- Ты, Тирел, как-то философски к этому относишься. А что случилось-то?
- Сейчас, вот он пар выпустит, спустится и объяснит. Я сам толком ничего не знаю.

* * *

- Слыхали-то, слыхали-то, а? Че деется-то, а?
- А чего?
- Да неужто не слыхали? Эва! Весь город только об этом и говорит, а он ничего не знает!
- Да чего я не знаю-то? Толком скажите!
- Гильдию-то, гильдию-то мажескую обчистили!
- Кады это?
- Ночью, вот нынче ночью!
- Брехня...
- Это почему же?!
- Так маги и дадут себя обчистить, держи карман шире!
- Так ведь обчистили же! На Бристоль, говорят, их целые толпы поперли, и это все, чтобы внимание от гильдий отвлечь!
- От каких-таких гильдий? Еще кого, что ль, грабанули?
- Так я о чем! Лады, ежели б только мажескую, а тут еще, стыдно сказать, воровскую-то гильдию тоже умыли.
- Ну, это уж, воля ваша, полная чепуха чепуховая. Где это слыхано, чтобы воров обворовывали! Это ж куды мир катится-то!
- Ан нет, обокрали, как есть, все вынесли, ни копеечки не оставили, все сто мильенов золотых и вынесли!
- Деньжищи-то какие – баааа!
- А глава мажеской гильдии Натан, говорят, кааак рукой махнет, кааак на мажеском матюгнется – так на их жабы и посыпались, а на кого жаба попадала, тот сам жабой ставал и лопался!
- Так уж прямо и лопался.
- Тут же!
- О, госпожа Иефа, вот послушайте, чего ночью-то в Бристоле приключилось, балладу потом сложите...
- Напали на Бристоль гоблинов тысящи так три...
- А пока стража там от всяких волшебств и от гоблинов отмахивалась, гильдии-то и обчистили! Обе! И мажескую и воровскую!
- Так те теперь за своими мильенами поход снаряжают, войско пошлют!
- А налоги с нас возьмут!
- Это как пить дать!
- Их же хлебом не корми, дай деньгу с народа содрать.
- Доброго вам утра, госпожа Иефа, уж простите, что побеспокоили...
- Чего деется, чего деется... Маг – трам-там, жабы с неба – прыг! Тысящу так на месте и положили!
- Ага, кто не лопнул, того задавили...

* * *

– Где? Ну вот где, хотел бы я знать?! Нет, я хотел бы услышать! Тирел, у меня к тебе всего один вопрос: почему, нет, вот ты можешь внятно мне объяснить, почему наши сотрудники не приходят на службу вовремя?! Где этот несносный тип в фиолетовом балахоне, который имеет гнусную привычку следить за своим начальством?!

– Натан, примерно сорок минут назад ты попросил меня не лезть- и я не лезу.

– Не хами! Разгильдяи! Лоботрясы! Бездари! Будь проклят тот день, когда я стал главой этой гнусной гильдии, где никто ничего не делает и делать не хочет!

– Натан, остынь.

– Тирел, ты можешь объяснить мне одну вещь?

– Конечно, я только этим с самого утра и занимаюсь.

– Труженик ты мой! Заработался, бедненький! Так вот объясни мне, работяга, почему в этой гильдии только меня волнуют происходящие события?!

– Натан, погоди, не кипятись...

– Нет, почему, я хотел бы знать, вы преспокойно сидите на месте и НИЧЕГО не делаете, только я кручусь, как белка в колесе?!

– Послушай, Натан...

– Нет, ПОЧЕМУ...

– Да потому что мы НЕ ЗНАЕМ, что произошло!

– Так... Ну да. Понятно.

Натан пригладил волосы и сел. На него было жалко смотреть. Казалось, что его уши и скулы заострились еще больше.

– Ну почему, почему мне всегда достается самая тяжелая и ответственная работа? – жалобно пробормотал он. Тирел вздохнул, покопался в ящике стола и выудил оттуда бутылку.

– Хлебнешь? "Золотая слеза", твое любимое.

– Нет, нам еще сегодня в мэрию на ковер.

– Кому это – нам?

– Мне, Зулину и его команде.

– Команде? Какой команде? – встрепенулся Зулин.

– Ну не команде, поисковой партии, какая, в конце концов, разница?

– Демон Баатора! Какая поисковая партия, откуда я ее возьму и главное – зачем?! Ты можешь толком объяснить?!

– Объясняю. Толком. – Натан с несчастным видом осмотрел комнату. – Нас ограбили. Причем, не только нас. Воровскую гильдию тоже. Но если у них украли деньги, то у нас украли нечто гораздо более ценное. И если мы не вернем это нечто в течение двух недель, мне открутят голову, вот и все. Было бы, о чем волноваться. Тебе, Зулин, вменяется в обязанность собрать команду, тьфу, поисковую партию. В четыре часа нас ждут в мэрии. Вопросы есть?

В комнате воцарилась гнетущая тишина.

– Зулин, – задумчиво позвал Тирел.

– Я.

– Ты что-нибудь понял?

– Ну, – осторожно сказал Зулин, – в общих чертах.

– И я в очень общих. Может, мы тупые?

– Исключено. Иначе у нас бы не было такого умного начальника.

– Резонно. Тогда мне просто нечего сказать.

– Боюсь, что мне тоже.

– Мерзавцы!

– Да, господин начальник? – хором ответили мерзавцы и преданно уставились на обозленного эльфа.

– Вы когда-нибудь перестанете валять дурака?! – Натан вскочил на ноги и снова забегал по комнате. – Ну конечно, вам-то что! Мне же отдуваться!

– Ладно, давай серьезно. – Зулин сложил руки на груди и снял капюшон. – Только постарайся внятно ответить на мои вопросы.

– Валяй, – Натан успокоился и снова сел.

– Нас обокрали сегодня ночью?

– Да.

– Кто?

– Этого я не могу сказать.

– Не знаешь?

– Не имею права. Скажу только, что помогали им гоблины.

– Хорошо, – Зулин немного помолчал. – Что у нас украли?

– Этого я не могу сказать.

– Не имеешь права?

– В точку.

– Еще лучше. Я должен собрать поисковую партию, чтобы пойти туда, не знаю, куда, найти там того, не знаю, кого, отобрать у него то, не знаю, что, и принести это в Бристоль, и все это за две недели, иначе тебе открутят голову?

– Ага.

– Чудесно. А почему я?

– Ну не я же... – вставил Тирел.

– Проехали. Хорошо, можно подробнее про партию? Сколько человек в ней должно быть? Пятнадцать? Двадцать? Сто?

– Чем меньше, тем лучше. Проще говоря, если бы ты справился один, было бы здорово.

– Смешная шутка, – снова встрял Тирел.

– И все-таки? – Зулин почувствовал, что ситуация начинает раздражать его своей нелепостью.

– Смотри: ты – маг.

– Ценное наблюдение, – захихикал Тирел.

– Но ты не боевой маг?

– Вот уж чему не обучен...

– А дело опасное, значит, тебе нужен боец. Ну, такой, который не будет задавать вопросов, а будет всех подозрительных встречных шинковать в капусту.

– Какой ты добрый, Натан... – Тирел заерзал на стуле.

– Работа такая! – Натан метнул на Тирела яростный взгляд. – Итого – двое. Тебе нужно каким-то образом собирать информацию, причем делать это, не привлекая к себе внимания. Мог бы и сам справиться, но не при твоих внешних данных.

– О да... – начал Тирел, но наткнулся на угрожающий взгляд Зулина и замолчал.

– Итого – трое. Скорее всего, то, что вам нужно вернуть, из города уже вынесли. Следовательно, вам нужно будет действовать на пересеченной местности. То есть, вам нужен проводник, потому что ты ни черта не смыслишь в лесах и прочих радостях природы.

– Итого – четверо. Все?

– Все. Это максимум, что мы можем себе позволить. Повторяю, вы не должны привлекать к себе внимания. Маг, боец, сборщик информации и проводник.

– Натан, – Зулин глубоко вздохнул. – Натан, я второй день в Бристоле. Ты не скажешь, где я тебе возьму хорошего – ведь халтурщиков нам не нужно, только лучшие, да? – хорошего бойца, шпиона и проводника? Честное слово, я не прячу их в своих широких рукавах.

– Скажу, – Натан воинственно наклонился вперед. – Очень даже скажу. Где хочешь, там и бери, но чтобы без четверти четыре вы были у здания мэрии!

– Натан, – Зулин повторил жест начальника, – Натан, милый, это невозможно! Повторяю, для тех, кто с утра не почистил свои острые уши, – я второй день в городе!

– Зулин, – Натан выставил вперед указательный палец и многозначительно помахал им перед носом планара. – Зулин, дорогуша, я не глухой! А есть такое слово – надо!

– Ой, – радостно встрял Тирел, – а я тоже знаю много хороших слов, как раз подходящих к ситуации! Я знаю – ужас, я знаю – все пропало, я знаю – п...

– Тирел, заткнись! – в два голоса рявкнули Зулин и Натан. Тирел хрюкнул и послушно замолчал. Снова воцарилась тишина.

– А время идет, – не выдержал Тирел и на всякий случай спрятался под стол.

"Какая тоска, – думал Натан, запустив руку в волосы. – Боги, боги, какая тоска. Хорошо Ааронну, ходит себе по своим лесам, никто им не командует, никто ему голову не откручивает, ни от кого он не зависит, никому не подчиняется... А все почему? Потому что взял на себя труд родиться раньше. Ну почему я третий сын в семье?! Ну и ладно, что эльфский принц – толку от этого... Вот Ааронн – тот счастлив... Кстати, Ааронн!"

"Какая тоска, – думал Зулин, опустив голову. – Демон Баатора, какая тоска. Где я буду искать нужных людей в этом сумасшедшем городе? И какой нормальный бристолец пойдет со мной в какой-то сомнительный поход, да еще и практически вслепую? Разве только... Ах, ну да!"

"Какая тоска, – думал Тирел. – Только поглядеть на их постные физиономии – какая тоска!"

– Итак! – Натан вскочил на ноги и принял самый торжественный вид. – Ты меня слышал. На моем месте любой другой начальник давным-давно занимался бы своими делами, но я не такой. Раз ты не справляешься сам, я тебе помогу. Сегодня в Бристоль возвращается мой брат, Ааронн. Он следопыт. Вот тебе на одну проблему меньше! Больше я тебе ничем не могу помочь. Итак, как я уже говорил, без четверти четыре у здания мэрии. И не привлекать к себе внимания! – последнюю фразу он прокричал уже из-за двери.

– Такое впечатление, что он увидел Марту Трейси, – осуждающе глядя на дверь, пробурчал Тирел. – Не горюй, как поет некая барышня, которая, насколько я знаю, проживает сейчас в "Пятирогой луне". Иефа, бард. Поклонники дали ей забавное прозвище – Вереск.

– Почему вереск? – удивился Зулин.

– Неприязтельность, независимость, неброская красота... – Тирел вздохнул. – Сплошная метафора. Увидишь, сам поймешь. Так вот, у девочки абсолютный музыкальный слух. Кстати, кто, по-твоему, вызовет меньше подозрений, если будет расспрашивать встречающих и поперечных – одинокий печальный планар или бард?

– Тирел, ты гений! – Зулин вскочил на ноги и заторопился. – Главное – не забыть заказать зелье у Схишша... Честное слово, Тирел, ты гений!

– Помнится, я читал в какой-то глупой книге, что гениальность – частое следствие смещения кровей... – насмешливо пробормотал Тирел вслед и уткнулся в свои бумаги.

* * *

Стив проснулся поздно. В сущности, будь такая возможность, он бы не просыпался вообще, до того гнусно и муторно было на душе. Стоило открыть глаза, и знакомая, до зубной боли, до бешеной оскотины знакомая скука наваливалась на сердце. А главное – ведь глупо, глупо же, глупо и ненужно, бездарно... И вроде никто не виноват. Ни он, ни она, на кого же тогда эта досада: на себя? На нее? Полукровка. Стыдно-то как... Ох, Мораддин, как все просто и понятно в бою, а тут – с кем драться? Кого рубить, кому разбивать голову? Девчонке сопливой, которая жизни не видела? Ну откуда ей было знать, что нельзя про бороду? Она, небось, и дварфа-то настоящего первый раз в жизни встретила, раньше, небось, все на картинках... Дурак, вот дурак, ну дурак же! И скучно, скучно, скучно...

А с другой стороны – она ведь тоже хороша... Кто ее за язык тянул? Кто ее просил петь, про что не знает? Кто ее вообще просил...

Стив ворочался, вздыхал, пытался снова заснуть, но без толку. Веки открывались, как заколдованные, только и оставалось, что тупо таращиться в потолок и томиться скукой и

пустотой. Промучившись так часа с полтора, Стив смачно ругнулся на dwarфском и вскочил на ноги. Да сколько можно, в конце концов! "Уйду из Бристоля, – подумал он, как о деле решенном. – На что мне тут? Скука, все одно и то же".

Общая зала "Бродячей собаки", вне всяких сомнений, оставляла желать лучшего. Столы не вытирались, видимо, с тех пор, как был построен трактир, служанки не мылись примерно столько же. Впрочем, Стиву было все равно. Пиво – оно везде пиво.

– Эй, ты, dwarф! Тебя там приятель ждет! – крикнул, выглядывая из дверей кухни, хозяин, махнул рукой в угол и скрылся.

"Кто бы это? – неприятно удивился Стив, пробираясь к темному углу. – Еще каких-то приятелей мне не хватало..." Рассмотрев за столом знакомую фигуру в фиолетовом балахоне, dwarф расстроился окончательно. Начинать день с обсуждения вчерашних событий ему совершенно не хотелось.

– День добрый! – энергично поприветствовал Зулин. – Я выяснил, что требовалось, про зелье, решил в долгий ящик не откладывать, вот, сразу к тебе пришел. Ты как, на счет боевых пони не передумал еще?

– Нет. Не передумал.

– Вот и славно. Тут в магической лавке есть один субъект, Схишш, кстати, занятная личность... – Зулин рассматривал насупившегося dwarфа и говорил, говорил, говорил, пытаясь понять, стоит ли вообще затевать разговор о главном. А Стив слушал разболтавшегося гостя и понимал, что на уме у того совсем другое, и хмурился все больше. Ну, о чем, скажите на милость, мог еще думать этот странный маг, как не о вчерашнем? Зулин выдохся и замолчал. Повисла неловкая пауза.

– Ну? – угрожающе произнес Стив.

– Ну... – протянул Зулин неуверенно. – А что – ну?

– Ну – говори, чего надо.

– Зелье вот...

– Как тебя, не помню...

– Зулин.

– Зулин, не нарывайся. Говори, зачем пришел, и проваливай. День сегодня не из лучших.

– Я, собственно, хотел предложить тебе работу, – поспешно сказал Зулин, заметив, как сжимаются кулаки Стива, – вот и все.

– Работу? – у Стива отлегло от сердца. – Какую еще работу?

– Ну, как тебе сказать, – Зулин принял наиболее безмятежную позу и хлебнул из кружки. – Работенка для бойца, который много дерется и мало спрашивает.

– Наемником, что ли, зовешь? – насмешливо хмыкнул Стив. – А бить всех подряд или только несимпатичных?

– Бить надо гоблинов.

– Гоблинов, – глухо повторил Стив. – Лады. Когда выступаем?

– А... Ну... – Зулин слегка растерялся. – То есть, ты согласен?

– А то! – Стив недобро усмехнулся.

– И тебе совсем не интересно, что случилось, и куда мы пойдем, и вообще?...

– А это уж по дороге разберемся. Ты ж сам сказал – вопросов не задавать. Или я неправильно услышал?

– Нет, все правильно. То есть, можно считать, что я тебя уже нанял?

– Ну, если командовать будешь ты, то считай, что нанял. Так когда выступаем? Я хоть сейчас, вот только пони заберу.

– Нет, нет, погоди, не спеши. – Зулин и представить себе не мог, что все будет так просто. – Ты пока займись своими делами, а в три часа давай встретимся здесь.

– Как скажешь, – пожал плечами Стив. – Дело хозяйское. Я что – я мясо, боец бессловесный.

– Ну, тогда я пошел. В три, не забудь!

– Да уж не забуду, – Стив заказал пива и потянулся. – Не забуду.

* * *

Иефа проснулась рано. День не заладился с самого утра, все вокруг раздражало невероятно. Съев завтрак и прослушав набор городских сплетен, Иефа поднялась к себе и взялась было за лютню, но инструмент объявил забастовку. Лопнула струна, больно хлестнув по пальцам. Не смертельно, но до того обидно, что Иефа чуть не разревелась. Запасных струн не было, а деньги заканчивались. Можно было, конечно, попросить в долг у мэтра Бену, он бы не отказал, наоборот, предложил бы больше, чем нужно, но больше всего на свете Иефа боялась одалживаться. Нет, она ни в коем случае не подозревала степенного мэтра в каких-то дурных мыслях, нет, только не мэтр, он относился к ней лучше, чем кто бы то ни было. Просто... Это, наверное, было уже в крови. Не одалживаться. Не зависеть. Ни в коем случае.

А все этот изумрудный платок. Если бы не он, не пришлось бы идти в магазин модной одежды, не пришлось бы встретить дварфа, не пришлось бы платить немалые деньги за этот идиотский бархатный чехол, не пришлось бы потом петь эту дурацкую песню. Глупая, злая выходка, и больше ничего. Подумать только, она почти опустилась до его уровня, а ведь мэтр Бену предупреждал... Теперь каждый уважающий себя посетитель считает своим гражданским долгом заговорщицки подмигнуть ей и полюбопытствовать, не написала ли она еще одной баллады про дварфа? Они считают это удачной шуткой. А ей противно. Они радуются, как дети, а ей хочется сказать им что-нибудь очень обидное, чтобы перестали улыбаться, чтобы оставили ее в покое. Это дварф виноват. Грубая безмозглая скотина. Варвар. Сидел бы в своих горах и камни долбил. Болван чистокровный.

В дверь постучали. Иефа перестала мерить шагами комнату и резко обернулась:

– Да!

На пороге возник мэтр Бену.

– Иефа, деточка, – он внимательно вглядывался в ее лицо. – К тебе пришли.

– Я никого не жду.

– Я знаю, но на всякий случай решил спросить: вдруг ты спустишься.

– Никого не хочу видеть.

– Я понимаю, – мэтр Бену говорил очень мягко. – Я скажу ему, чтобы он ушел.

– Кому – ему? Что, еще один сумасшедший дварф объявился?

– Ну, зачем ты так. Нет, это не дварф. Это, между прочим, твой сосед. Господин в фиолетовом балахоне, с таким забавным именем. Зулин, кажется.

– Я ни с кем не хочу говорить, а тем более с ним.

– Хорошо, – мэтр Бену кивнул. – Я скажу ему. Что, стыдно людям на глаза показываться?

– Людям! – Иефа заметалась по комнате, сжав кулаки. – Людям! И эльфам! И дварфам! И оркам! И последнему распаршивому гоблину! Но чистокровному!

– Иефа, прекрати.

– Вот как?! Да вы бы медного гроша на мне не заработали, если бы я платки не носила!

– Иефа, не будь душой! – мэтр Бену вошел в комнату и захлопнул за собой дверь. – Половина Бристоля знает про твои острые уши, и всем на это глубоко начихать. Ты носишься со своим происхождением, как с флагом, и размахиваешь им при любом удобном случае. Очень глупо. С чего ты взяла, будто весь мир тебе должен?

– Мэтр, что вы такое говорите?! – Иефа не верила своим ушам.

– Я говорю, что тебе еще крупно повезло, что твою мать не изнасиловал гoblin, – трактирщик повернулся и взялся за ручку двери.

– Мэтр, – позвала Иефа. – Скажите этому, в балахоне, что я сейчас спущусь.

– Хорошо, милая, – улыбнулся мэтр Бену и вышел.

* * *

В "Пятирогую луну" Зулин прибыл в прекрасном настроении. Все складывалось как нельзя более удачно. Как-то легко отпала проблема бойца и проводника, а в согласии барда Зулин не сомневался ни одной минуты. Бардам всегда нужны деньги. А главное – бардам всегда нужна информация. Старикашка Мо не раз говорил, что настоящий бард способен удавиться за хороший сюжет для баллады, а уж мнению бывшего учителя Зулин доверял. И даже если возникнет какая-то заминка, всегда можно выйти из положения, сделав парочку комплиментов и состроив восхищенную физиономию. Лесть, лесть и еще раз лесть – говорил Мо КORTE. Женщины не могут без лести. Это главное заклинание при работе с прекрасным полом. Ляпнул глупость – скажи, что одурел от ее неземной красоты. Тебе не нравится ее платье – соври, что она достойна гораздо лучшего. Тебе невыносимо слушать, как она поет – скажи, что твоя душа не может вынести такого блаженства...

"...да что угодно ври, и любая баба, в конце концов, заткнется и будет слушать тебя, разинув рот. Ты усвоил?"

– Да, учитель. Но...

– Что – но, дурья твоя башка?

– Я не понимаю, при чем тут магия?

– А ты что, думаешь, что если ты маг, то можно быть идиотом? Чурбаном неотесанным? Любопытная позиция.

– Я не то имел в виду...

– Так вот, пока ты не научишься формулировать свои мысли, ни о какой магии и речи быть не может. Итак, расскажи мне, что является главным заклинанием при работе с женщиной?

– Лесть.

– Ну и дурак. Слегка приукрашенная правда, понял?

– Нет. Вот теперь точно запутался.

– Ох, демон Баатора..."

Нетерпеливое покашливание вернуло Зулина с небес на землю. Он поднял глаза. Хороша!

– Зачем вы хотели меня видеть? – Иефа внимательно рассматривала посетителя.

– По многим причинам. Что вам заказать?

– В этом трактире меня и так кормят даром. – Иефа кликнула служанку, спросила морса и уселась за стол. – Снимите, пожалуйста, капюшон. Я предпочитаю видеть лицо собеседника.

– Я не думаю, что это хорошая мысль.

– Я настаиваю.

– Как хотите.

– О, – вежливо удивилась Иефа. – Весьма неожиданно. Еще хотелось бы знать, с кем я говорю.

– Зулин, маг из Малдлина.

– Так что же вам от меня нужно, Зулин из Малдлина?

– Ну, во-первых, я хотел бы выразить восхищение вашим талантом, красотой и остроумием.

– Выражайте. – Иефа слегка пришла в себя и разозлилась. Она очень не любила, когда ее так пугали.

– Ну... – Зулин растерялся. – Я восхищен.

– Емко. – Иефа поставила локти на стол и подперла ладонями подбородок, продолжая

рассматривать собеседника.

– К тому же я хотел предложить вам интересную работу.

– Предлагайте.

– Мне нужен человек, умеющий добывать информацию, обаятельный, общительный, располагающий к себе, обладающий актерским талантом – словом, человек, который вызывает у окружающих непреодолимое желание поделиться с ним самыми страшными тайнами.

– Боюсь, что вы обратились не по адресу.

– Почему? – Зулин забеспокоился. Разговор проходил совсем не так, как он планировал.

– Потому что я не человек. А чистокровные граждане совершенно не стремятся открывать самые страшные тайны полукровкам. Неужели это не приходило вам в голову?

– Честно говоря, нет.

– Странно, – полуэльфка насмешливо улыбнулась. – В таком случае, зачем вы интересовались вчера у господина дварфа, каких я кровей?

– Я?

– Вы. Поэтому не надо забивать мне голову дифирамбами. Тем более что получается это у вас несколько неуклюже. Если у вас действительно есть, что предложить, предлагайте. Я вас выслушаю, может, даже соглашусь. Только перестаньте делать из меня дурочку.

– Но я уже все сказал. – Зулин совсем растерялся.

– Вы ничего не сказали. Собирать информацию можно и сидя в трактире. Не думаю, что вас интересует, например, сколько раз в неделю гуляет на сторону от жены угольщик Петер. А это, к вашему сведению, тоже информация. Если вы пришли ко мне именно сегодня, значит, что-то произошло. Так вот, я хочу знать, что именно.

– Но я не могу вам ничего сказать, не получив вашего согласия! – Зулин чувствовал себя очень неуверенно. Эта сероглазая штучка вызвала у него серьезные опасения.

– Простите, но это бред. Я не могу согласиться участвовать неизвестно, в чем. Мы ходим по кругу. По-моему, стоит прекратить этот разговор. Найдите себе другого барда.

– Погодите, Иефа. Действительно, сегодня ночью кое-что случилось, и обстоятельства этого происшествия мне поручили расследовать. Мне нужен грамотный сборщик информации, а вы обладаете всеми нужными качествами. – "Так и есть, – подумала Иефа, откидываясь на спинку стула. – Вот вам и армия. И я в первых рядах с лютой на перевес. Забавно". – Но я больше ничего не могу вам сказать, поймите, просто не имею права. – Зулин до того расстроился, что заказал вина и почувствовал себя в некоторой степени Натаном. Ну, как с ней разговаривать? Она все переворачивает с ног на голову, самого старикашку Мо способна запутать! Да чего ж она злая-то такая?

– Хорошо. – Иефа поставила стакан, стукнув доньшком о деревянную поверхность стола. – Предположим, я берусь за эту работу. Сроки?

– Две недели, – выпалил Зулин так поспешно, что ему самому стало неловко.

– Оплата?

– Ну... – начал Зулин и тут до него дошло, что ни Натан, ни, что самое интересное, Стив ни словом не заикнулись о деньгах. Действительно, сколько можно заплатить за такую работу? И главное – кто будет платить? Если гильдия, то почему Натан ничего не сказал? А если нет, то где взять денег? Не из своего же кармана! Зулин нервно глотнул вина и мысленно выругал начальника нехорошими словами.

– Ну? – подбодрила очень не кстати Иефа.

– Ну... Двадцать золотых.

– В день? – усмехнулась полуэльфка.

– В неделю! – испугался Зулин и тут же засомневался, не четвертует ли его Натан за такую щедрость.

– Итого – сорок. Негусто. Кто еще в команде?

– Разве это так важно? – что-то подсказывало Зулину, что он ступает на очень зыбкую

почву. – В конце концов, ваше дело – информация.

– Я хотела бы знать, с кем мне придется работать, – заупрямилась Иефа.

– Ну... Ясное дело, мне пришлось нанять воина. Вполне вероятно, что вы его видели. Так, ничего особенного. Вояка. Дварф, – как можно небрежнее ответил Зулин.

– Сто.

– Что – сто?

– Сто золотых.

– Не понял.

– Я возьму за эту работу сто золотых, и ни монетой меньше.

Зулин пришел в ужас. Он ясно представил себе, как превращается в горстку пепла под яростным взглядом Натана.

– Но почему?! Это неслыханные деньги, я просто не располагаю такой суммой!

– Сто. Я имею право как-то компенсировать наличие неприятного напарника. А этот дварф мне более чем неприятен. Думаю, это взаимно.

– Послушайте, госпожа Иефа, ну еще пятьдесят за две недели – это я понимаю. Но почему гильдия должна оплачивать из своего кармана ваши личные проблемы?

– Гильдия не обеднеет, если заплатит мне девяносто пять золотых.

– Послушайте, любой бард возьмется за эту работу с радостью! Шестьдесят, ну имейте же совесть.

– Вот и нанимайте любого барда. Но вы же пришли ко мне. Из этого можно сделать вывод: либо вам меня рекомендовали, либо вы никого больше не знаете. В любом случае, условия диктую я. Так и быть, девяносто. – Иефа развеселилась. Синеглазый маг Зулин заметно нервничал, к тому же, он совершенно не умел торговаться.

– Это грабеж среди бела дня. Семьдесят – это максимум. Гильдия – не монетный двор, в конце концов. А задание не такое уж сложное.

– Восемьдесят девять. Вам не стыдно торговаться из-за жалкого десятка золотых? К тому же, если бы задание не было сложным, вы бы не пороли горячку и не разводили такую смешную секретность.

– Семьдесят пять, – Зулин состроил жалобное лицо. – Ну какая секретность, просто маги довольно своеобразно смотрят на мир.

– Ладно, сбавлю еще золотой, хотя мелочность вам не к лицу. А секретов в этом деле, как плесени.

– Восемьдесят. И моя смерть будет на вашей совести. Вон Стив с меня вообще платы не потребовал.

– Стив – это дварф? Дварфы и так богатые, чего ему плату требовать. А у меня большие расходы. Восемьдесят семь.

– Восемьдесят пять.

– Восемьдесят шесть и бутылка лучшего вина из эльфийских подвалов.

– По рукам, – Зулин обреченно вздохнул. – С вами абсолютно невозможно разговаривать.

– Да ну? – Иефа рассмеялась. – А как же страшные тайны, которыми со мной жаждут поделиться все окружающие?

– Абсолютно невозможно, – убежденно повторил Зулин. – Может, перейдем на ты?

– Можно, – согласилась Иефа. – А заодно поговорим о задатке.

– О чем?!

– О задатке. Половину вперед.

– Ну знаешь... – Зулин задохнулся от возмущения. – Это уже слишком. В конце концов, я еще не видел твоей работы. А вдруг ты ни на что не способна.

– Может, и не способна, – Иефа прищурилась. – Зато тебе не нужно вводить меня в курс дела, я и так все знаю.

– Так уж прямо и все!

– Для начала достаточно.

– Например?

– Например, ты пришел ко мне, потому что ночью ограбили воровскую и магическую гильдии, из воровской унесли деньги, а из магической кое-что подороже. Способствовали этому злодеянию гоблины, которые напали на Бристоль с севера, чтобы отвлечь внимание. Но дело не в этом. Дело в том, что этими гоблинами руководил некто, наделенный недюжинными магическими способностями, и вам ужасно хочется знать, кто он такой и зачем ему так понадобилась та вещичка, которую умыкнули из вашей гильдии. Пока хватит?

– Ну, гоблины – это еще куда ни шло. Но про магическую поддержку, прости, ты уже врешь. Даже я об этом не знаю, – насупился Зулин.

– Правильно, потому что ты не слушаешь трактирных сплетен. – Иефа задумалась. – Скажи, ты в этом деле самый-самый главный? Или есть еще какое-то начальство?

– Я как раз хотел сказать, что в три мы забираем из трактира Стива, а в четыре у нас встреча на высшем уровне.

– Это где?

– В мэрии.

– Ничего себе. – Иефа снова рассмеялась. – А ты говоришь, дело не сложное и не секретное! Ладно. Давай пари: если мои сведения подтверждаются, ты выплачиваешь мне половину сегодня. Если нет – подожду две недели, что тут поделаешь...

– Договорились, – Зулин приободрился. – Ну что ж, раз мы работаем вместе, то пора бы уже собираться – нам еще нужно кое-куда заскочить. – Иефа выжидательно смотрела на Зулина. – Ты же будешь причесываться, там, подкрашиваться, ну что вы, женщины, обычно делаете перед выходом в свет, – пояснил он авторитетно.

– А разве со мной что-то не так? – насмешливо спросила Иефа, сверкнув глазами.

– О нет, ты просто...

– Ну, так пойдём?

* * *

Зулин был ужасно горд собой. Во-первых, он ни на йоту не отступил от указаний Учителя и вляпался в сомнительную историю уже на второй день пребывания в Бристолле. Во-вторых, он блестяще справился с первыми трудностями и заранее представлял себе реакцию Натана на собранную команду. Вот вам боец – самый боевой боец на свете, а вот вам самый бардовский бард, которого только можно себе представить, – и все это за одно утро! К тому же, что-то подсказывало Зулину, что Иефа вызовет недюжинный интерес у его любвеобильного начальника, и планар злорадно предвкушал, с каким смаком полуэльфка отошьет красавца Натана. В-третьих, Иефа шла рядом с ним, более того, под руку, и на лицах встречаемых мужчин читалась неприкрытая зависть. Словом, день складывался весьма удачно.

В магической лавке Зулин долго обсуждал с шипящим и плюющим от смеха Схишшем достоинства проекта по изготовлению магических пони, а заодно наслаждался впечатлением, которое лавочник произвел на Иефу, протянув для приветствия чешуйчатую лапу. Когда же из недр капюшона вынырнула крокодилья морда и поцеловала руку девушке, та чуть не хлопнулась в обморок. И вообще, после посещения магической лавки Иефа заметно присмирела. "Ну да, – самодовольно думал Зулин, – два таких галантных красавца за одно утро! Многовато для тонкой женской психики". Даже встреча со Стивом прошла практически без эксцессов: дварф и полуэльфка активно делали вид, что никогда раньше друг друга не видели, обоюдных гадостей не говорили, топорами и лютнями не размахивали. Увидев Боевого Магического пони, Иефа – удивительная вещь! – всего лишь презрительно фыркнула, а Стив в ответ – еще более удивительная вещь! – всего лишь нахмурился. Таким образом, ощущая себя великим полководцем, тактиком, стратегом, дипломатом и леший его знает кем еще, Зулин с триумфом доставил свою команду к зданию мэрии ровно без четверти

четыре. Его не расстроило даже то обстоятельство, что верный своей натуре Натан опоздал на полчаса. Появившись, наконец, на площади, начальник бристольской магической гильдии с плохо скрываемым изумлением воззрился на живописную группу, поджидавшую его в тени чахлой акации. Зулин подошел к эльфу и сложил руки на груди.

– Ты опоздал, – укоризненно сказал он.

– Что ЭТО? – Натан с отвращением рассматривал объедающего нижние ветки дерева лохматого черного пони.

– Поисковая партия! – гордо ответил Зулин. – Что скажешь?

Онемевший Натан несколько раз открыл и закрыл рот, явно не находя слов.

– Вот ЭТО? – выдавил он, наконец.

– Вот это, да, – Зулин начал раздражаться. – Воин, бард. Собственно, что тебя не устраивает?

– А животное?

– Это Боевой Магический Пони, – подал голос Стив. – В будущем. Его зовут Смерч. Не желаете приобрести?

Натан покраснел, побледнел, потом пошел пятнами и повернулся к Зулину.

– И ЭТО ты называешь – не привлекать внимания?!!

– Это все, что я успел найти за сегодняшнее утро, уважаемый господин начальник! – Зулин всерьез обиделся. – Напоминаю, я в городе всего два дня.

– Боги, боги! – Натан схватился за голову. – Как я покажу их в мэрии? Меня же поднимут на смех! И еще этот мул...

– Пони, – поправил Зулин. – И говори тише, пожалуйста. Дварф очень вспыльчив.

– А девица?

– И с девицей связываться не советую. В конце концов, чем ты не доволен? Ты дал мне задание, я его выполнил. Я не отдел кадров и не контора по найму! Я маг! Не нравится – ищи команду сам. Это уже не моя забота. Кстати, о заботах. Ты хотел нанять людей, а о деньгах даже не заикнулся. Так вот, услуги барда стоят восемьдесят шесть золотых и бутылку лучшего вина из твоих подвалов. И не делай такие страшные глаза, я сэкономил гильдии четырнадцать золотых.

– А сколько стоят услуги дварфа? – замогильным тоном спросил Натан.

– Еще не знаю.

– Ты меня зарезал.

– Для зарезанного вы выглядите вполне даже бодро.

Натан оглянулся на этот неожиданно воркующий голос и обнаружил Иефу, которая подошла и с похвальным вниманием прислушивалась к разговору. И если на эльфа ее появление действовало явно умиротворяюще, то Зулин был сильно недоволен.

– Господин Натан Сильван, глава магической гильдии, я не ошибаюсь? – девушка очаровательно улыбнулась и протянула руку.

– К вашим услугам, – промурлыкал Натан и припал к руке. – А как зовут вас, прекрасная госпожа?

– Иефа.

– Иефа?... – Натан сделал многозначительную паузу, явно ожидая продолжения.

– Иефа. – от девушки дохнуло холодком. – Бард. Хотя вряд ли вы посещали когда-нибудь "Пятирогую луну".

– Не довелось, что меня весьма удручает. Если бы я только знал, что там можно встретить вас... – Натан явно пытался сгладить неловкость.

– Неужели вы бы снизошли до обычного трактира? – снова заулыбалась Иефа, причем с изрядной долей кокетства.

"Вот дура, – хмуро подумал Зулин, наблюдая за парочкой. – Все бабы – дуры. Ишь, развесила уши. Нет на тебя Марты Трейси..."

– Хочу напомнить, уважаемый господин начальник, что встреча была назначена на без четверти четыре, что нас ждет беседа с представителями власти, и беседа явно не из

приятных. А сейчас уже почти пять! – раздраженно вклинился Зулин в обмен любезностями. Вряд ли планар смог бы объяснить, почему его так раздражали воркующие Иефа и Натан, но только настроение безнадежно испортилось. Как-то сразу дала знать о себе жара, лохматый Смерч показался еще более всклокоченным и вздорным, а задание – еще более идиотским.

– А нам на пять и назначили, – беспечно махнул рукой эльф, – просто я думал – вдруг ты не успеешь к четверем, и оставил себе запас времени. А скажите мне, прекрасная госпожа...

– Запасливый, надо же, – пробурчал Стив, ожесточенно выдирая репы из гривы Смерча. Его тоже не радовала ситуация. – Меня вот что, господин хороший, интересует: где я оставлю своего бесценного пони, пока будет проходить встреча?

– А что не так с вашим пони? – отвлекся Натан.

– С моим пони как раз все хорошо, да только его сопрут сразу же после того, как за нами закроется дверь мэрии.

– О, ну что вы, я не думаю...

– А я думаю! Дварфы вообще много думают, есть у них такая привычка. И я хочу знать, кто будет охранять моего пони, пока я стану выслушивать всякую муть про долг, честь и безопасность государства. Я, конечно, просто боец, мясо бессловесное...

– Для бессловесного мяса, господин дварф, вы как-то уж слишком красноречивы, – ледяным тоном отчеканила Иефа.

– О, браво, браво! – восхитился Натан. – Какое меткое замечание! Отличный выпад!

– А вам, господин эльф, я бы искренне не советовала во время беседы с мэром так бурно восхищаться моей персоной. Вас могут неправильно понять. Дело в том, что в "Пятирогой луне" очень любят истории про ваш искрометный роман с Мартой Трейси. Она ведь дочь мэра, я не ошибаюсь? К тому же, без одной минуты пять, а я очень не люблю опаздывать. Будьте любезны, обеспечьте охрану бесценному пони, которого так трепетно любит наш суровый горный друг, и займемся делами. Мне, по правде сказать, уже осточертело торчать тут на солнцепеке. – Иефа демонстративно повернулась спиной, поднялась по ступенькам и скрылась за массивной дубовой дверью.

– Сильна пичужка... – проворчал Зулин.

– Пригласить бы ее на ужин... – мечтательно вздохнул Натан.

Стив промолчал. Но про себя он подумал, что когда-нибудь Иефа основательно нарвется. И тогда да пребудет с ней благоволение Мораддина, потому что если она нарвется на него, Стива, мало ей не покажется.

Глава 6

– Ну что, есть какие-то соображения, замечания? – новоиспеченная поисковая партия сидела в "Пятирогой луне", потягивая лучшее вино из подвалов магической гильдии.

– Есть одно замечание. Мы потратили зря около трех часов, выслушивая всякий высокопарный бред о защите чести и достоинства неизвестно кого – в данном случае наш дварф был прав.

– У меня имя есть, – пробурчал Стив. Он пил пиво.

– Ну да, а еще ты мясо, боец бессловесный.

– Други, ну не начинайте опять! – взмолился Зулин. – Мало вам позорища в мэрии?

– Черт возьми, ну надо же было как-то развлечься, я чуть от скуки не умерла.

– Вот и строила бы глазки этому хлыщу остроухому, – снова пробурчал Стив. – Пороли тебя в детстве мало...

– Пороли меня в детстве достаточно, – голос Иефы угрожающе зазвенел, – но мозги, хвала богам, не вышибли. Что нам сказали нового? Что ограбили две гильдии, воровскую и магическую, что с севера на Бристоль напали гоблины, что это был отвлекающий маневр, что им была оказана магическая поддержка. Я это все знала с самого утра, иначе мы не сидели бы тут и не пили "Золотую слезу".

– Ну, хоть какая-то польза...

– А толку? Мы по-прежнему не знаем, что искать.

– Я знаю.

– Да неужели? А что нам это дает? Ты же не считаешь нужным поделиться с нами этой бесценной информацией.

– Я не имею права, это секретные сведения.

– Напоминаю: мы вместе работаем. Это ненормально, искать что-то, не знаю, что. Как я должна просеивать слухи? Откуда я знаю, что для нас важно, а что нет?

– Нас интересует все, что касается нападения.

– Да?! В таком случае, тебе будет очень интересно знать, что начальник магической гильдии вызвал дождь из огромных жаб, выскочив на улицу без штанов! Исключительно полезная информация!

– Иефа, ну не цепляйся к словам. Я планар подневольный, я не могу ничего больше сказать.

– Зулин, но это же глупо! Мы хотим знать...

– Ничего подобного, я, например, ничего не хочу знать, мое дело – рубить топором...

– Обожаю дварфов, – с горечью произнесла Иефа, – обожаю дварфов за их природную любознательность и пытливый ум.

– Много ты дварфов видела! – огрызнулся Стив.

– Одного – и мне вполне достаточно. Просто я умею делать выводы.

– Ученая...

– Учеными коты бывают!

– Демон Баатора! Да замолчите вы оба! О чем мы вообще говорим?!

– Ты спросил, есть ли у кого-нибудь какие-то замечания...

– Вопрос в другом, – Зулин чувствовал, что нужно срочно занять команду делом, иначе "Пятирогая луна" лишится еще одного столика. – Вопрос вот в чем: с чего нам начать?

– Это ты меня спрашиваешь? – Иефа глотнула еще вина и с интересом уставилась на планара. – А разве не ты командуешь операцией? Я, знаешь ли, в поисковых партиях никогда не участвовала, не состояла, не привлекалась, опыта не имею. Так что давай, распоряжайся. Мне все равно, где информацию собирать.

– Ясно, – Зулин с трудом сдержал раздражение. – Стив, что ты скажешь?

– Я – что, я – мясо...

– Стив!!

– Да что сразу – Стив?! Начинают обычно сначала. Гоблины напали? Напали. С ними кто-то дрался? Дрался. Следы остались? Остались. Кто-нибудь что-нибудь да видел. Вот вам и начало. Если поторопимся, можем до темноты осмотреть местность. Чего тут сложного, не понимаю...

* * *

Бристольцы искренне полагали, что нападения – нападениями, а жизнь – жизнью, и нечего трагедии разводить. Ну, подумаешь, гоблины... Вот если бы они украли Базарную площадь – тогда да, тогда стоило бы волноваться. А так... Ну, ограбили магическую гильдию, ну, что ж, сами виноваты, надо было лучше охранять. Будто бы маги не знают, что в Бристолле мгновенно приберут к рукам все, что плохо лежит. А что воровская гильдия так оплошала – так это уж, простите, только в Бристолле могло такое случиться. Есть о чем поговорить – и ладно. А беспокоиться-то – зачем?

Вечерний Бристоль был еще более разнеженным и уютным, чем полуденный. Жара почти спала, пахло пылью и медом, в вечернем небе носились летучие мыши. Ночь обещала быть фиолетовой. На крылечках появились плетеные стулья и кресла-качалки, хозяева пили вино и курили трубки, переговариваясь прямо через улицу, в переулках целовались парочки.

Иефа шла и думала, что напрасно она ввязалась в эту историю, что гораздо приятнее было бы сейчас петь в "Пятирогой луне", а потом позволить какому-нибудь трепетному юноше сопровождать ее во время вечерней прогулки, посидеть у фонтана, посмотреть на звезды и, может быть, сложить новую балладу. А там – кто знает, может быть, трепетный юноша окажется вовсе не таким уж смешным и не будет глупо вздыхать и страстно сопеть носом, придумывая комплименты, а просто помолчит вместе с ней, а потом скажет... Скажет... И еще звезда, обязательно упадет звезда, в августе такие красивые звездопады. И дело даже не в том, что Иефа еще ни разу не видела человека или эльфа, который мог бы просто сидеть и смотреть на звезды, не видела ни в "Пятирогой луне", ни в городе Бристоле, ни на дорогах, которых было так много... Ведь не бывает так, чтобы совсем никогда... И неправда, что никто не нужен. Нужен, он, один-единственный, с ореховыми глазами, который будет рядом, когда упадет звезда. Иефа еще не знала, человек это будет или эльф, и где она его встретит, и каким будет его лицо, когда он обернется и увидит ее. Иногда ей становилось безумно страшно от мысли, что они не узнают друг друга. Или он примется, как Натан, городить чепуху, приняв ее за очередную безмозглую дурочку. Иефа вспомнила пепельноволосого эльфа и усмехнулась. С ним она не стала бы сидеть под звездами, даже если бы у него были ореховые глаза.

Зулин шел и думал о том, что через час стемнеет, а они еще ничего не выяснили, а на закате появится проводник, по крайней мере, так сказал Натан, и придется уходить из города, а у них еще ничего не готово, и команда его постоянно грызется между собой, и очень сложно не привлекать к себе внимания, когда Иефу в городе знает каждая собака, и каждый встречный-поперечный считает своим долгом остановиться и поздороваться, а полуэльфка даже не пытается сделать вид, что это не она, а наоборот, хлопает ресницами и сообщает всем и каждому, что идет в кузницу подковать своего нового пони... А Стив каждый раз хмурится и поглаживает топор, и совершенно непонятно, кого он собрался рубить, Иефу или прохожих. А у девчонки в глазах черти пляшут, ей явно нравится дразнить дварфа. Хвала богам, вот последние минут пятнадцать что-то попритихла... И еще – что он, Зулин, умеет? Ведь, по здравому размышлению, старик Баламут не научил его ничему, что пригодилось бы в лесу. А ведь им явно придется идти в лес, вряд ли гоблины воспользовались проезжим трактом. Вот и возглавляй тут партию, когда сам толком не знаешь, что делать, а нужно еще руководить, блюсти авторитет, и Иефа... Зулин вздохнул. Какое-то не то пятое, не то шестое чувство подсказывало ему, что с полуэльфкой он еще намучается.

Стив шел и думал: гримза.

Северная стена после ночного нападения выглядела несколько неопрятно. Грубая каменная кладка была покрыта пятнами копоти, на мостовой примыкающей к стене улочки виднелись наполовину засыпанные песком темные лужи. Особенно много их было перед кузницей, из которой доносились мерные удары молота. Низенькая ограда палисадника соседнего дома была проломлена в трех местах, демонстрируя затоптанные клумбы и зверски ободранную черемуху.

- Кажется, мы на месте, – Зулин с сомнением рассматривал стену.
- Мило, – прокомментировала Иефа. – А где же люди?
- Люди после таких разборок по домам сидят, – пробурчал Стив.
- Нет, я имею в виду стражу.
- Какую стражу?
- Ты сам сказал, что кто-то с этими тварями дрался. И потом, судя по количеству крови, были трупы. Где они?
- А ты думаешь, что их тут на целый день на солнышке оставили бы вонять и тебя дожидаться? Убрали трупы, кому эта пакость нужна. Сожгли, наверное.
- И все-таки меня хотелось бы пообщаться с кем-нибудь, кто с ними дрался. Не могу же я разговаривать с булыжниками.
- Можешь разговаривать со мной.
- Стив, это одно и то же. Зулин, чего ты припал к этой стене, как к маме родной?

– Следы изучаю и тебе советую.
– И много наизучал?
– Иефа, милая, отстань, а?
– Тьфу на вас... – полуэльфка досадливо поморщилась и отошла к палисаднику. На клумбы было жалко смотреть. Только-только начавшие распускаться белые хризантемы валялись, вывороченные с корнем и вдавленные в землю, на лепестках кое-где темнели капли запекшейся крови. Иефа осторожно пролезла в пролом и огляделась. На изломанных ветках черемухи висел клочок черной ткани, похожий на драную летучую мышь.

– Зулин... – позвала Иефа. – Зулин, тебя какого рода следы интересуют?
– Всякого! – отозвался планар, не отходя от стены.
– Тогда иди сюда, здесь как раз всякого рода следы имеются, – Иефа наклонилась, разглядывая цепочку темных капель. – Здесь или кто-то полз, или кого-то тащили.
– Откуда такие сведения? – Зулин подошел почти вплотную и заглянул через плечо. – Ты про эти капли говорила?
– И про них тоже, но в основном про ту тряпочку на ветке. Конечно, она может оказаться оригинальным украшением палисадника, которое тут специально повесили хозяева...

– Вряд ли... Она от крови вся заскорузлая. Надо бы тут пошарить в кустах, может, чего еще интересного найдем, пока не стемнело.
– А где Стив?
– Сторожит пони.
– Ясно.
– Кстати, Иефа, чего ты так взъелась на нашего дварфа, можешь объяснить?
– У нас долгие выстраданные отношения, – Иефа скрылась за черемухой.
– Давно знакомы?
– Второй день, а что? – девушка раздвинула ветки и с подозрением посмотрела на Зулина. – Ты уж не проповедь ли мне читать собрался? Так это лишнее, сразу предупреждаю. Лекции на тему гуманного обращения с дварфами на меня не действуют. Или действуют исключительно плохо.

– Дело твое, – Зулин пожал плечами. – Просто вам вместе работать ближайшие две недели.
– Работе это не помешает. Эй, а это что? – Иефа снова скрылась за кустом. – Зулин, глянь, это, кажется, по твоей магической части.
– Что там?
– Медальон какой-то, сейчас покажу.
– Руками не трогай! – Зулин продрался через ветки черемухи и наклонился над небольшим серебряным медальоном, который рассматривала Иефа. – И запомни на будущее: не спешి хватать голыми руками штучки такого рода – мало ли, какая на них магия... Посмотри еще вокруг, может, снова повезет.

Иефа фыркнула и, проворчав что-то о снобизме, продолжила осмотр палисадника, а Зулин занялся трофеем. Медальон выглядел вполне безобидно. Без особых изысков – серебряный круг, а в нем буква V. Зулин аккуратно поднял находку, держа за кожаный ремешок, и сосредоточился. У медальона явно было какое-то назначение, функция, которую он исправно выполнял и, что самое главное, продолжал выполнять и теперь, лишившись хозяина. От медальона фонило магией, фонило вовсю, и ничего хорошего от этой магии ждать не приходилось, но дальше этого Зулин продвинуться не мог. "Эх, учитель, учитель..."

– подумал со вздохом планар, выбираясь из черемухи. – Не тому ты меня, учитель, учил..."

– Иефа! – окликнул он девушку. – Нашла еще что-нибудь?
– Если ты имеешь в виду, нашла ли я сокровища воровской гильдии и то, не знаю, что, что украли у магов, то нет! – отозвалась Иефа со стороны улицы. – Зато я нашла еще две черные тряпочки, но тебе придется за ними идти самому, потому что голыми руками их трогать нельзя. Они там, в глубине, на кусте смородины. А еще я нашла лохматого пони и

полумертвого от скуки дварфа! Но это уже здесь, на улице – сам понимаешь, в палисаднике они бы вряд ли поместились.

Зулин чертыхнулся пару раз и мысленно послал Иефу подальше, но за клочками ткани все-таки полез. Пробираясь пришлось через терновник, сухие ветки под ногами трещали, как фейерверк, и Зулин вдруг с удивлением понял, что не слышал, как Иефа вышла на улицу. Из палисадника он выбрался злой, как черт. Иефа беспечно помахивала веточкой черемухи. Вид у нее был до неприличия аккуратный. Обнаружив столь вопиющее "безобразие", Зулин и вовсе взъярился.

– Иефа, милая, ты можешь объяснить мне одну вещь?

– С удовольствием, только приведи себя в порядок, ты как-то очень неважно выглядишь.

– Оставь в покое мой внешний вид, – Зулин искренне пытался держать себя в руках, но чувствовал, что скоро сорвется. – Почему я не слышал, как ты ходила? Там полно сухих веток, почему я не слышал, как ты прошла мимо?

– Даже не знаю... – задумалась Иефа. – Может быть, потому что ты глухой?

– Иефа!!

– Не кричи! Меня тихо ходить происхождение обязывает!

– Не понял...

– Будет над чем подумать на досуге. Больше ничего осматривать не надо, я надеюсь? Через полчаса настанет крошечная тьма. Хотелось бы в это время быть где-нибудь поближе к трактиру. На окраинах по вечерам опасно.

– А я на что? – слегка обиженно поинтересовался Стив.

– Ой, мамочки! – Иефа изобразила безмерное изумление. – Статуя заговорила! Зулин, это ты наколдовал?

– Иефа!!!

– Пойду с кузнецом поболтаю, а то скучно тут с вами, – Иефа накинула на голову платок и скрылась в воротах кузницы.

– Надо же, знакомы всего два дня, – задумчиво произнес Стив, – а ощущение такое, что удавить уже хочется лет десять как...

* * *

Иефа шла на звон молота, изобразив на лице улыбку под названием "ах, как я люблю кузнецов – они все такие, такие...", и думала, что покуда секретное задание магической гильдии больше смахивает на среднего пошиба балаган с клоунами и располневшими танцовщицами. Но работа есть работа, даже если она отчетливо отдает идиотизмом. Полуэльфка миновала комнату с непонятного вида инструментами, прошла коротенький коридор и оказалась в самом сердце кузницы. Ей сразу же захотелось заткнуть уши. Помещение кузницы гудело и дрожало от размеренных ударов молота по наковальне, красные отсветы от раздуваемых мехами углей плясали на стенах, складываясь в зловещие хороводы. В общем, кузница, каких пруд пруди. Иефа поправила выбившиеся из-под платка пряди, расправила складки платья и огляделась. В углу у наковальни спиной к девушке трудился кузнец, басом подпевая в такт работе. "Хей-хо! Выпьем пива! Хей-хо! Сорок бочек! Хей-хо! Хей-хо! Быть хмельным славно очень!" – гудел кузнец, взмахивая громадных размеров молотом и блестя мокрой от пота спиной. Иефа пригляделась внимательнее и сникла. И вовсе не бравые "Хей-хо!", и не склонность работы к пиву, и даже не громадных размеров молот привели ее в такое уныние. Кузнец был дварфом. А Иефа понятия не имела, о чем можно разговаривать с дварфом. Она стояла посреди кузницы и чувствовала себя невероятно глупо. "Хей-хо! Выпьем пива! Хей-хо! Сорок бочек! Хей-хо! Хей-хо! Быть хмельным славно очень!" Похоже, кузнец не стремился к разнообразию и был вполне доволен своей песней. Иефа промучилась ровно столько, чтобы еще четыре раза выслушать

про сорок бочек пива, и решилась.

- Господин кузнец!
- Хей-хо! Выпьем пива! Хей-хо! Сорок бочек!
- Господин кузнец!
- Хей-хо! Хей-хо! Быть хмельным славно очень!
- ГОСПОДИН КУЗНЕЦ!!!
- Хей-хо! Выпьем пива!

Иефа набрала в легкие побольше воздуха и издала несколько пронзительных восторженных "хей-хо", чувствуя себя полной дурой. Кузнец обернулся.

– О, простите, господин кузнец, что отвлекла вас от дела, но вы так чудесно пели, что я просто не могла удержаться! – Иефа изобразила обворожительную улыбку и для пробы пару раз хлопнула ресницами. Дварф застыл на месте и начал медленно наливать пунцовую краской: сначала лоб, потом нос и тот малюсенький участок щек, который не был скрыт под буйной растительностью, потом плечи и не менее волосатый торс. Казалось, что у кузнеца покраснела даже налобная повязка. Иефа на всякий случай отодвинулась подальше от молота и еще раз улыбнулась. Дварф молчал, рассматривая неожиданную посетительницу из-под насупленных бровей. Пауза затягивалась.

- Я вам мешаю работать, простите...
- Да ну... – буркнул дварф.
- Я больше не буду подпевать, честное слово...
- Да чего там...
- Конечно, у меня так здорово, как у вас, не получится...
- Да ладно...

– Нет, правда, у вас такой глубокий сильный голос – одно удовольствие слушать... – Иефа рискнула посмотреть на своего немногословного собеседника и обнаружила, что дварф близок к обмороку от смущения.

– Да вы тоже ничего так... Хей-хо... Громко... – дварф неловко топтался на месте и упорно смотрел в угол.

– Нет-нет, не скромничайте! – Иефа почувствовала, как на нее нисходит вдохновение. – Так, как у вас, ни у кого не получится. Я как зашла, так вся и обмерла... Какая сила, какая мощь! Вы даже не представляете себе, какое впечатление производит! Какая величественная музыка – БАМ! Хей-хо! Бам! Хей-хо! Безупречный ритм! Знаете, когда молот бьет, и такой вот бас, как ваш, и еще мускулы – сразу чувствуешь себя такой защищенной, прямо уходит отсюда не хочется...

- Да вас никто и не гонит... – дварф немного пришел в себя.
- Нет, ну что вы! Я не могу отвлекать вас от работы своими пустяковыми делами.
- Да мне тут минуту еще...

– Ой, а можно я посмотрю? – Иефа молитвенно сложила руки и так захлопала ресницами, что сама удивилась, почему не поднялся ветер. – Мне так нравится...

- Да что там...
- Ой, спасибо, вы такой милый дварф! Кстати, простите, что не представилась – Иефа.
- Трор.
- Красивое имя...

– Да ну... – дварф совсем засмутился и с таким ожесточением заработал мехами, что Иефе стало не по себе. Постепенно дело наладилось, Трор взмахнул молотом и снова затянул нехитрый напев про пиво, приглашающе кивнув гостье. Пришлось включиться в процесс и снова выкрикивать "хей-хо". Впрочем, Иефа уже даже начала получать удовольствие от ситуации. Через десять минут Трор закончил работу, вытер ладони о штаны и повернулся к полуэльфке.

– А знаете, Трор, у меня есть один знакомый дварф, так он всегда ходит с топором. И я должна вам сказать, ваш молот выглядит гораздо внушительнее. Вы, наверное, никого не боитесь, да?

– А чего мне бояться... – Трор снова покраснел и уставился в угол.

– Как – чего бояться! Я вот к вам шла, так там вся улица в кровавых лужах! Ужас! Там, наверное, кого-то ограбили и убили. И вы говорите – нечего бояться. Вам хорошо, к вам ни один бандит не пристанет, а я прямо вся дрожу при мысли о темной улице. Ходить по вечерам можно только с провожатыми. А еще лучше – с дварфом, вроде вас. Потому что люди – очень хлипкие существа, а уж эльфы – тем более, они вообще выглядят несолидно. А у вас такая внушительная мускулатура...

– Да чего там... Вы бы это... Оружие носили. А что лужи – так это не бандиты, это гоблины...

– Что вы говорите?! Никогда в жизни не видела живого гоблина! – Иефа всплеснула руками и подумала, что большей дуры она из себя не разыгрывала еще никогда. – А вы видели?

– Да уж пришлось вчера... – кузнец усмехнулся в бороду и погладил рукоять молота. – Маленько рассмотреть вблизи.

– А много их было?

– Дюжина или около того.

– Вы с ними дрались?!

– А то! Не подковы же им ковать. Дрался...

– Один?! С целой дюжиной!

– Почему – один. Сначала лыцаренок какой-то помогал, все своим мечиком дурацким махал, да спекся минут через пять. Потом стража набежала, но от этих тоже мало толку было. А что дюжина – так это пустяки. Вот шаман ихний – это да, это была забота.

– Шаман? Это который колдует? – Иефа старательно тарщила глаза, не зная, как еще изобразить удивление и заинтересованность.

– Ага. Вот он как начал огнем пулять, вот тогда жарко стало. А так – гоблины себе и гоблины...

– Подождите – как это, огнем пулять?

– Как обычно пуляют, – Трор снисходительно посмотрел на Иефу и разгладил бороду. – Очень просто. Когда гоблины напали, вышел шаман ихний, весь такой в черной хламиде, матюгнулся на мажеском и пульнул огневицом. Там на стене до сих пор след остался.

– Великие боги, да здесь, наверное, была настоящая бойня...

– Бойня – не бойня, а повозиться немного пришлось. А что люди хлипкие – это вы правы. Лыцарю-то этому всего один раз по башке засветили, так он уже и скис. Не знаю, выживет или нет...

– Так его не убили?

– А кто ж им даст его убить-то. В храм его снесли, тут неподалеку.

– Вы просто герой!

– Да ну...

– Нет-нет, и не спорьте! Вот с кем не страшно было бы идти по темной улице!

– А вы, кстати, чего в кузне хотели? Лошадь подковать? – Трор взялся за молот и изобразил готовность к трудовому подвигу. – Так это я мигом. А заодно и оружие вам какое-никакое подберем. Негоже красивой девушке без защиты по улицам бродить...

– У меня тут пони, его зовут Смерч. Я не знаю, нужно ли его подковать – он что-то сегодня прихрамывал. – Иефа ослепительно улыбнулась в очередной раз залившемуся пунцовой краской дварфу. – А про оружие вы, конечно, здорово придумали, только я им пользоваться не умею.

– Научим... Ведите своего пони.

– Я мигом!

Иефа выпорхнула из кузницы и вприпрыжку направилась к воротам. Она была чрезвычайно довольна собой и уже успела поздравить себя с удачно проведенной беседой. Оставалось только предьявить пони, Стива, поворковать для приличия пару минут и откланяться. И если еще не очень поздно, можно зайти в храм – кто знает, может,

незадачливый рыцарь выжил, может, он даже в сознании! Вот это была бы настоящая удача.

Снаружи были сумерки. Иефа вышла за ворота и не могла удержаться от смеха: у разрушенной ограды палисадника рядом поникли бравые бойцы поисковой партии в лице Зулина, Стива и пони, причем Смерч настолько меланхолично жевал ветку черемухи, что был скорее похож на корову, чем на боевого скакуна.

– Ты смотри, – проворчал Стив, подняв голову, – как это она не в полном боевом доспехе вышла. Ты там что – ночевать собралась?

– Зулин, мне нужен пони. Еще две минуты, и двинем дальше. Тут неподалеку храм какой-то, там раненый рыцарь, если еще не помер. Может, чего знает. Остальное потом, времени нет.

– Вообще-то это мой пони, – Стив поднялся на ноги и взял Смерча под уздцы.

– Я помню, помню, но мне он нужен. Кстати, Стив, мы с тобой друзья, ты меня часто сопровождаешь в моих прогулках, и пришла я сюда потому, что Смерч прихрамывал. Давай поводья.

– Нет, Иефа, ты не поняла, – Стив намотал узду на кулак. – Это мой пони, и он в этой афере участвовать не подписывался. Поищи себе другого.

– Стив, ты с ума сошел? – Иефа растерянно уставилась на хмурого дварфа. – Ты что, не понимаешь, что всю картину мне портишь? Мне нужен пони, на две минуты всего, не дольше, кузнец посмотрит, скажет, что с ним все в порядке, и я тебе верну его в целости и сохранности!

– Ну, Иефа, ты же не спросила, можно ли использовать моего пони в качестве повода завести беседу с кузнецом.

– Стив, время идет! – полуэльфка оглянулась на кузницу, в которой затихли удары молота, и схватилась за голову. – Это неподходящий случай для выяснения отношений! Ты все испортишь! Зулин, скажи ему!

– И правда, Стив, друг мой, ты несколько неправ, – очнулся планар. – Ты взялся за это задание, ты на службе, в конце концов.

– Никто не обсуждал со мной условия использования моего пони, – упрямо набычился дварф. – Меня нанимали в качестве воина, никто не нанимал моего пони!

– О боги, Стив, да что же ты делаешь! – Иефа не могла верить своим ушам. Она ясно представила себе, как Трор выходит за ворота и выясняет, что... – Пожалуйста, я тебя очень прошу, забудь о своем дурацком самолюбии, я повторяю, сейчас не время!

Створки ворот заскрипели и начали открываться. Похоже, Трор все-таки соскучился по своей гостье. Иефа сжала кулаки и подумала, что ненавидит дварфов вообще и Стива в частности.

– Меня никто не спросил, – упрямо повторил Стив.

– Хорошо, хорошо, послушай, я была неправа, мне стоило сначала спросить тебя, прости, пожалуйста, это больше не повторится. Но я тебя умоляю, не порть картину!

Ворота открылись, появился Трор и с некоторым удивлением уставился на компанию. Иефа несколько нервно, но неизменно ослепительно улыбнулась кузнецу, обернулась к Стиву и прошипела в последней отчаянной попытке убедить:

– Стив, пожалуйста, потом разберемся!

– Лады, – Стив ухмыльнулся в бороду и протянул Иефе поводья. – Потом разберемся.

Иефа мысленно вознесла хвалу всем богам, каких только смогла вспомнить, выдохнула и направилась к кузнецу.

– О, Трор, простите, я заболталась, а вот мой Смерч.

– Хорош зверь, только он совсем не хромает, и подковывать его не надо... – Трор внимательно рассматривал Стива. – Это ваш знакомый?

– Да, это Стив. Собственно, это его пони. А со Смерчем действительно все в порядке?

– Лучше не бывает.

– Спасибо, Трор, вы такой милый! Я так волновалась, но вы меня успокоили. Жаль только, что вам пришлось отвлекаться из-за таких пустяков. – Иефа чувствовала, что почва

ушла у нее из-под ног и беседу пора сворачивать. Кузнец явно не слушал ее и все поглядывал на Стива, словно ожидал нападения. – Ну что ж, мы пойдем... Спасибо вам огромное!

– Погодите, руку дайте.

– Зачем?

– Размер посмотрю, завтра зайдете – оружие вам подберем. – Трор внимательно осмотрел правую ладонь девушки и кивнул. – Вот теперь лады. Только приходите до темноты, всяко безопаснее.

– Хорошо, приду, – Иефа еще раз мило улыбнулась напоследок и пошла прочь от кузницы, кивнув Зулину.

– Идите, я догоню. Да все будет путем, – ответил Стив на обеспокоенный взгляд Иефы. – С земляком поболтать хочу.

Кузнец не спешил возвращаться к работе, стоял и рассматривал Стива, озабоченно хмурия брови и поглаживая молот. Стив отвечал тем же. Со стороны они смахивали на зеркальное отражение друг друга, разница была только в облачении. Первым не выдержал Трор.

– Правда, что ли, твоя подруга?

– Ну, – вызываясь буркнул Стив.

– Лады, – кивнул Трор. – Зовут как?

– Стиван. Из Утгартов.

– Трор.

– Учту. Меч нужен. Хороший.

– Ей?

– Ну не мне же. Хотя, она-то что может... Говорит только много. Ей бы еще арбалет неплохо.

– Не жалуешь, смотрю, ты ее. Что так?

– Маленькая еще и глупая. Ты поосторожней, лады?

– Твоя территория, что ли?

– Холодно.

– Так что?

– Головная боль. Сделаешь меч?

– Сделаю. Ты, Стиван, тоже один остался?

– С чего взял?

– А дварфы без причины в Бристоли не забредают, особенно, если у них все путем. Тебе кто помог?

– Кто помог, того на свете уже нет. Больно много спрашиваешь.

– Просто у меня, Стиван Утгарт, просьба есть: ежели вдруг у нас помощники одни и те же, так и про мой должок вспомнить.

– А сам?

– А в городе где еще гоблинов найдешь...

– Я не забуду.

– Лады. Я когда-то звался Трор Дортаг. А за мечом завтра приходи. И за девчонкой приглядывай. Больно она у вас шустрая, как бы не схлопотала от кого...

* * *

Нагнав Иефу и Зулина, Стив застал их за ожесточенным спором. Иефа, преисполненная жадой деятельности, порывалась отправиться в храм немедленно, потому что, как яростно доказывала полуэльфка, если рыцарь до сих пор жив, то до утра уж точно не дотянет. Иефа ссылалась на свою интуицию, поэтому Зулину, который считал наиболее разумным вернуться в трактир, а расспросы продолжить завтра, возражать было сложно. При виде

дварфа Иефа пошла красными пятнами и замолчала.

– Друг мой, Стив! – обрадовался маг. – Мы уж было заволновались. Как прошла беседа?

– Путем, – дварф задумчиво рассматривал красноречивую спину Иефы. – О чем сыр-бор?

– Иефу, мне кажется, излишне тянет на подвиги. Уже почти темно, и я считаю, что раненый рыцарь подождет до завтра. В конце концов, все, что нам нужно было выяснить, мы выяснили. И потом, меня очень беспокоит тот факт, что мы можем пропустить проводника. Он должен был сегодня прибыть, а нас нет на месте.

– Про проводника тебе кто сказал – Натан? – сварливо отозвалась Иефа, выбирая из гривы Смерча веточки и травинки.

– Натан.

– В таком случае, у нас в запасе как минимум неделя.

– Иефа, я на твоём месте выбрал бы другой тон. В конце концов, Натан – наше непосредственное начальство.

– Зулин, очнись! В "Пятирогой луне" о его пунктуальности ходят легенды! Я одного не понимаю, почему мы не можем пройти еще два шага по улице вместо того, чтобы стоять здесь и тратить время на пустые разговоры!

– Потому что поздно уже! Стив, что ты скажешь?

– Говорите вы много, – пробурчал дварф, сгреб уздечку и повел своего пони по направлению к храму, видневшемуся в конце улочки.

– Никакой дисциплины, – заворчал Зулин, двинувшись вслед за ним. – В конце концов, кто руководит операцией?

К храму подошли молча. Зулин дулся на весь окружающий мир и пребывал в мерзейшем настроении, Иефа все еще переживала ситуацию с пони, а Стив молчал просто потому, что говорить было не о чем. Вся эта история с самого начала была неправильной, она делила окружающий мир на две половины, на две разные жизни, которые никак не могли пересечься, да и не должны были пересекаться. С одной стороны – гулкие подземные коридоры прошлого, его боль и ненависть, и угрюмый взгляд Трора, и ненужность каких-либо слов, потому что это у любви много разных названий, а у смерти – одно. А с другой, пряничный Бристоль, бутафорское задание и эта глупая девчонка, играющая в расследование, и этот глупый маг, играющий в командира, и сам он, Стив, зачем-то играющий в войнушки, и все так нелепо...

– По идее, он должен быть здесь, – задумчиво произнесла Иефа, рассматривая храм. – Вы пойдете со мной или подождете на улице?

– Я пойду с тобой, – Зулин поглубже натянул капюшон. – Хотелось бы услышать все самому.

– Если есть кого слушать, – рассудительно заметил Стив. – Вы идите, я со Смерчем тут постою. Чего я там не видел, в ваших храмах...

– Стив, ты меня прости, конечно, но как можно быть таким равнодушным, нелюбопытным, ограниченным чурбаном?! – Иефа всплеснула руками и посмотрела на дварфа с плохо сдерживаемым раздражением. – Я понимаю, ты не из тех парней, которых интересует, например, бристольская библиотека, но ведь это и твое задание тоже! Неужели тебе ни капельки не интересно, что тут произошло?

– Да куда уж мне, такому чесночному, – Стив насмешливо хмыкнул. – Я – что, я – мясо, топор и пара кулаков, а думать мне не положено.

– Боги, да я рядом с тобой ошутимо тупею!

– А ты дистанцию соблюдай, авось не заразишься...

Иефа презрительно сплюнула и вошла в храм. Зулин укоризненно покачал головой и последовал за ней, твердо решив взять ситуацию под контроль. Процесс выполнения секретной миссии он представлял себе довольно четко, и эти двое здорово выбивали его из колеи своими сварами. По скромному разумению Зулина, именно он, как безусловный

начальник, должен был осуществлять общее руководство, то есть, говорить своим подчиненным, что и в какой последовательности надо делать, а потом выслушивать отчеты, анализировать полученную информацию и делать выводы. Маг искренне не понимал, почему его подчиненные даже не пытаются сделать вид, что им нужны какие-либо инструкции. Почему Иефа, которую он, откровенно говоря, слегка побаивался, не изложила ему содержание беседы с кузнецом, и почему Стив как-то сразу утратил все признаки бесхитростного вояки, которые ему, Зулину, так импонировали. И почему, в конце концов, он чувствует себя, мягко выражаясь, слегка не при деле, а его команда отмахивается от его попыток руководить, как от досадной помехи? Зулин на секунду представил себе, как охарактеризовал бы его работу старик Баламут, и поежился. Мо КORTE, хоть и был страшнейшим разгильдеем, придерживался того мнения, что армейская дисциплина в больших дозах хороша для окружающих, а особенно для учеников, слуг, помощников, адептов и вообще подчиненных. Следствие подобного убеждения Зулин прочувствовал на собственной шкуре во всем возможном разнообразии, и теперь искренне недоумевал, наблюдая за своей командой. Единственный вывод, который он сделал, проанализировав ситуацию, совершенно ему не нравился. По всем статьям выходило, что дело именно в нем, Зулине, и ни в ком другом. Поэтому, пытаясь не отставать от стремительно шагающей полуэльфки, Зулин дал себе слово быть суровым и непреклонным и сразу взять инициативу в свои руки.

Они пересекли небольшой внутренний дворик и подошли к неприметному флигелю. Пожилая женщина в простой одежде зажигала факелы, разгоняя подступающую темноту, и потому заметила их не сразу.

– Матушка, а матушка... – почти пропела Иефа, тронув женщину за плечо. Та обернулась, посмотрела на девушку и улыбнулась.

– Чего тебе, дочка?

– Скажите, матушка, к вам не приносили вчера раненого рыцаря? Мне бы очень хотелось его увидеть. – Иефа застенчиво склонила голову на бок.

– Чай, зазноба твоя? – добродушно проворчала женщина. – Чтой-то за девицы нынче бессовестные пошли... Уже и до храмов добрались. А с чего ты взяла, что он здесь?

– Сударыня, – строго вмешался Зулин, следуя данному себе слову. – Я бы посоветовал вам отвечать на поставленные вопросы. Ситуация критическая, и у нас нет времени. Здесь рыцарь?

Служанка подбоченилась и с вызовом уставилась на мага.

– Чтой-то я не припомню, чтобы у меня появился новый хозяин. Вы, милсдарь, язык-то попридержите, а то я вас в два счета помелом за ворота выставлю. Вы вообще кто такой будете?

– Зулин из Малдлина, в данный момент представляю бристольскую магическую гильдию, провожу расследование, а вы препятствуете получению информации. – Зулин упорно не замечал отчаянных знаков, которые делала ему Иефа.

– А я, господин хороший, вашей богомерзкой гильдии не подвластная, – ехидно усмехнувшись, женщина направилась к двери флигеля. – А ежели вам чего не нравится, можете обратить меня в жабу. Только силенок у вас в святом месте вряд ли хватит!

– Матушка, матушка! – Иефа состроила жалобное лицо и молитвенно сложила руки. – Матушка, не сердитесь! Пожалуйста! Не обращайтесь вы на него – тут Иефа метнула в сторону Зулина весьма красноречивый взгляд, – внимания. Правда, нам очень нужно повидать этого рыцаря. Вы уж простите его за грубость, право слово, он недавно в Бристоле, совсем еще дикий, не со зла он! Вы только скажите: здесь рыцарь? Жив еще?

– А тебе, девонька, я бы не советовала со всякими грубиянами по городу ходить, – неодобрительно покачав головой, служанка кивнула в сторону Зулина. – Ежели он себя вести не умеет, так и молчал бы в тряпочку, не велика птица. Здесь твой рыцарь, что ему сделается... Таша за ним ходит, с ней не пропадет... – Женщина указала рукой на дверь флигеля и снова взялась за факелы, что-то сердито бурча себе под нос. Иефа фыркнула на

манер разъяренной кошки, одарила Зулина еще одним красноречивым взглядом и вошла внутрь.

* * *

Выглядел рыцарь, что и говорить, действительно неважнецки, но помирать явно не собирался. Более того, увидев на пороге флигеля Иефу, он завозился и заворочался, пытаясь встать, за что был тут же обруган высокой беловолосой женщиной в черном, но не обратил на это совершенно никакого внимания.

– О, госпожа Иефа, неужели это вы... Мне кажется, я брежу... – сдавленно прохрипел рыцарь, не оставляя попыток оторвать голову от подушки.

– Да лежи ты спокойно, в конце концов! – рявкнула сиделка и резко обернулась. Зулин, хоть и не обладал музыкальным слухом, готов был поклясться, что Иефа пискнула на манер летучей мыши и вздрогнула всем телом. Собственно, и сам Зулин слегка опешил, но довольно быстро пришел в себя. Он, правда, никогда раньше не видел дроу вживую, но активно ими интересовался. В башне Зодчего все книги о темных эльфах были зачитаны им до дыр. Изначальной причиной такого интереса был внешний вид этого народа. Сам Баламут некоторое время всерьез подозревал, что Зулин – какая-нибудь разновидность дроу, если бы у дроу были разновидности. Пожалуй, если бы не цвет глаз и форма ушей, никто не убедил бы Зулина, что он не принадлежит к темным эльфам. Единственное, что категорически не устраивало привередливого планара в подземном народе, были их верования, и тут Зулин не был склонен идти на компромиссы. Иефе было сложнее: все знания, которые она могла получить в церковной библиотеке, сводились к леденящим кровь описаниям чудовищных по своей жестокости ритуалов и жертвоприношений, которые устраивают под землей темные эльфы, и к девятнадцати годам у нее сложилось четкое убеждение, что встреча с дроу – это верная примета кровавой бойни. Поэтому, когда чернокожая сиделка устала на нее и недобро сощурилась, полуэльфке ужасно захотелось оказаться где-нибудь подальше от этого флигеля, причем желательно в непосредственной близости от обширной спины Стивана Утгарта и его топора. И как-то некстати вспомнилось еще Иефе, что эльфы и дроу нежно "любят" друг друга еще с незапамятных времен...

– Ну?! – дроу быстрым нервным движением заправила молочно-белую прядь за острое ухо. – Звал вас кто?!

– В-видите ли... – запинаясь пробормотала Иефа. – Мы, собственно, просто хотели...

– Просто хотите можете отправляться на улицу! Здесь тяжело раненный! И нечего топтаться на пороге, как бараны, убирайтесь вон! А вас, сэр Александр, я предупреждаю: если вы еще раз попытаетесь встать, я привяжу вас к этой треклятой койке!

– Таша, ну как вам не стыдно... – страдальчески сморщился рыцарь.

– П-простите... – Иефа слегка пришла в себя. – Но сэр Александр – мой давний знакомый, и я хотела бы поговорить с ним пару минут, если, конечно, ему позволяет здоровье...

– Знакомый? – дроу презрительно сощурилась и смерила Иефу взглядом с ног до головы. – Интересные знакомые у местного рыцарства...

– Таша! – рыцарь пошел красными пятнами и снова заворочался. – Прекратите немедленно!

– Это она, что ли, прекрасная полукровка, очаровательная серединка-на-половинку, распеваящая дурацкие песенки в кабаке за горсть медяков?

– Таша, – прошептал рыцарь, становясь нежно-зеленого цвета.

– А что – Таша? – сиделка сверкнула белозубой ухмылкой. – А кто мне все уши прожужжал – ах, прекрасная Иефа, ах, как жаль, что она полукровка, ах, ее не примет моя матушка!

Сэр Александр скукожился под покрывалом и стал совсем незаметным на фоне белой

подушки. Иефа вдруг поняла, что совершенно никого не боится, а уж тем более эту чернокожую сволочь с наглой ухмылкой, и какая разница, дроу она или просто давно не мыась, это совершенно безразлично, а вот язык у нее чересчур длинный, надо бы подрезать...

– Госпожа Таша, – простите, если я вдруг искажил ваше имя, – чрезвычайно вежливо подал голос Зулин и снял капюшон. – Не знаю, что плохого сделала вам моя спутница, поэтому не буду вмешиваться в вашу беседу, но все же имейте в виду, что мы здесь находимся не из праздного любопытства, а по делу государственной важности. Поэтому я буду вам очень признателен, если вы дадите нам возможность переговорить с сэром Александром с глазу на глаз.

– Зулин, – Иефа почувствовала, что еще чуть-чуть – и переполняющая ее ярость вырвется наружу, – если не возражаешь, я подожду тебя снаружи. Это мужской разговор, я буду лишней. – Не дождавшись ответа, она развернулась и стремительно вышла за дверь. Снаружи была ночь и звезды. Иефа сжала кулаки. Ну уж нет. Еще не хватало. Да кто они все такие, в конце концов? Какая-то залетная дроу, непонятно откуда взявшаяся в Бристоле, всего лишь сиделка при храмовом лазарете, и заморенный слабохарактерный "лыцаренок", как очень верно выразился Трор! Подумать только, матушка не примет!

Иефа несколько раз шумно вздохнула, пытаясь успокоиться. Да что же это такое, в конце концов... Первый раз, что ли... Давно пора бы привыкнуть. Вспомнить правила. С каких это пор она стала воспринимать мужскую болтовню всерьез? А как у него глаза сверкали, как золото! И бумага эта гербовая, дорогая, надо же, матушка не примет – любовные записки на четырех листах! А жемчуг на синем бархате как смотрелся – загляденье! Хорошо, что она отослала шкатулку обратно... Матушка не примет... А ведь почти убедил, сукин кот!

– Тоже любишь ночь? – Иефа вздрогнула и обернулась. Таша словно растворялась в ночном воздухе: посверкивали только белки глаз и зубы. Дроу подошла и встала рядом, глядя в темное небо. Иефа промолчала. Никто из них не стоил того, чтобы плакать от злости. В конце концов, сиделка не сказала ничего нового. И разве не ясно было с самого начала, что все эти шкатулки, обитые изнутри бархатом, цветы и письма, даже попытка спеть серенаду под ее окном, прерванная ушатом помоев из кухни – все это просто очередная игра... И не будет новой баллады о синеглазом рыцаре, потому что рыцарь оказался – липовый... Да и матушка не примет. Иефа криво усмехнулась и пробормотала:

– Надо же... Выходит, он мне еще и честь оказал.

– Послушай, а это правда, что ты еще никому не ответила взаимностью? – лениво подала голос Таша. – Неужели не нашлось достаточно богатого человека? Эльфы ведь на тебя не позарятся, им подавай чистокровных...

– Послушай, а это правда, что ты единственная дроу в Бристоле? И как тебе тут живется, без твоей паучьей богини? Не скучно? – Иефа пролетела кувырком через дворик и больно впечаталась в стену. В следующую секунду пальцы дроу железным ошейником обхватили ее горло. Таша подняла девушку на ноги и встряхнула, как пыльное платье.

– Послушай, девочка... Ты сейчас останешься жива только потому, что еще маленькая и глупая. Больше никогда – если, конечно, хочешь пожить подольше, – не говори о том, чего не знаешь! – Таша слегка ослабила хватку, но горло Иефы не отпустила.

– Послушай и ты меня, – пропыхтела Иефа, глотнув воздуха. – Над происхождением потешаются только дураки и плебеи, а в драку первыми лезут слабые. Больше никогда – если, конечно, у тебя есть хоть какие-то мозги, – не оскорбляй барда! Неужели ты думаешь, что у него не найдется, что тебе ответить?

– Иефа! Иефа, где ты там?! – На пороге флигеля появился слегка всклокоченный Зулин. – Мы уходим, и черт бы побрал тебя и всех рыцарей Бристоля! Что тут у вас происходит?

– Ничего... – Иефа отцепила пальцы дроу от своего горла и отряхнула платье. – Я упала, а госпожа Таша любезно помогла мне подняться.

– Всегда рада помочь, – прошипела сиделка.

– Очень надеюсь, что ваша помощь нам не понадобится, – Зулин натянул капюшон и сердито прошагал к воротам. – При всем моем уважении к вам, – он картинно поклонился – я не собираюсь в ближайшее время получать ни колотые раны, ни резаные, ни какие-либо еще. Лазареты меня не прельщают. Прощайте.

– Ну, может, не вы, может быть, ваши спутники... Или спутницы... – тихо сказала Таша, закрывая за посетителями ворота храма.

* * *

Стив стоял у ворот, вглядывался в наступающую ночь и пытался понять, что же ему так не нравится в этой ночи. Смерч меланхолично жевал пучок чахлой травы, задумавшись о чем-то своем. Монотонно пели цикады. Было слышно, как где-то в конце улочки из окон льют воду прямо на мостовую. Ленивая ночная истома наполняла Бристоль, и все-таки что-то мешало Стиву расслабиться, какая-то досадная мелочь, – так раздражает заноза, засевшая в пальце, или шепот, когда нельзя разобрать слов, и поневоле прислушиваешься, пытаешься различить смысл сказанного. Примерно так Стив чувствовал в пещерах рождение трещин, но здесь был город, в котором все вывернуто наизнанку, и поди разберись... Пару раз дварфу казалось, что кто-то пристально смотрит на него из переулка, и он изо всех сил вглядывался в темноту, но даже его привычные к постоянному мраку глаза не смогли ничего различить в густой тени домов. Потом ощущение прицельного взгляда исчезло, но тревога не проходила. Стив разозлился. Он в сотый раз спросил себя, какого Мораддина ввязался в эту идиотскую историю, и в сотый раз не нашел ответа. Все население Бристоля, по мнению дварфа, дружно играло в бирюльки, походя любя, убивая и рождая на свет себе подобных, и каким-то непостижимым образом и его, нормального рассудительного дварфа, затянуло в этот хоровод. Самое противное, что в этом хороводе приходилось быть абсолютно серьезным, иначе – Стив это чувствовал всем своим горным естеством – можно не дожить до рассвета.

Появление Иефы и Зулина не прибавило дварфу радости: оба были взвинчены до предела, а Иефа вдобавок имела слегка потрепанный вид, но зыркала так, что Стив не рискнул поинтересоваться, что произошло.

– Я надеюсь, теперь, когда окончательно стемнело и проводник наверняка давным-давно в городе, мы можем вернуться в трактир? – крайне раздраженно поинтересовался Зулин.

– У меня уже не впервые возникает такое чувство, – доверительно сообщила Иефа Смерчу, – что мы не окончательно определились с выбором командира. Не знаю, как вы, ребята, а я возвращаюсь в "Пятирогую луну". Здесь нам делать больше нечего. По крайней мере, сегодня.

– Мда... – сказал Стив, отметив про себя, что в темноте злая Иефа смахивает на кошку. – Ну что – пошли, что ли?

Он взял под узцы придремавшего пони и потопал вперед, не оглядываясь и не дожидаясь своих спутников. Впрочем, это и не понадобилось.

– Скажи, Стив, – Иефа поравнялась с дварфом и приноровилась к его шагу. – А о чем ты с кузнецом говорил?

– Кстати, Иефа, хочу задать тебе тот же вопрос, – пробурчал Зулин, не дав дварфу даже рта расткрыть. – Я вообще считаю, что пора, наконец, как-то упорядочить информацию, полученную за день. Также я убежден, что если так будет продолжаться дальше, то никакого толку из нашей команды не выйдет. Поэтому давайте договоримся сразу: руковожу операцией я, и правила тоже буду устанавливать я. Возражения есть? Нет. Отлично. Замечания? Еще лучше. А вот у меня есть одно замечание, очень существенное замечание – дорогая Иефа, скажи, пожалуйста, что входит в твои обязанности?

– Сбор информации, господин начальник! – Стив мог бы поклясться, что глаза Иефы

опасно блеснули в темноте.

– Не ерничай, будь добра. В таком случае, я не нахожу объяснения твоему поступку.

– Да?

– Да! Ни объяснения, ни оправдания! – Зулин ожесточенно пнул неосторожную крысу, перебегавшую улицу. – Ты просто развернулась и ушла! В итоге – информации кот наплакал, зато я стал специалистом по геральдике и комплиментам! Этот сопливый рыцарь проел мне плешь ахами и вздохами, восхваляя твою несравненную красоту! Совершенно неудивительно, что Таша так нервно отнеслась к твоему появлению. Но только хочу заметить тебе, дорогая Иефа, что ты принесла бы гораздо большую пользу нашему предприятию, если бы держала свои эмоции при себе и в нужный момент думала о деле, а не о своем ущемленном самолюбии.

– Значит, Ташу ты понимаешь?

– Да, Ташу я понимаю!

– А кто такая Таша? – встрял Стив.

– Да так, – Иефа криво усмехнулась. – Одна милая дроу, которая очень не любит бардов и которая чуть не свернула мне шею, пока Зулин выслушивал ахи и вздохи. Очень милая особа.

– Дроу?! – от возмущения Стив остановился и схватился за топор.

– Ну да, дроу. Да не возмущайся ты так, Стив, она не сделала ничего такого, на что я могла бы обидеться. Она всего лишь назвала меня полукровкой, а это, насколько я помню, и для вас с Зулином плевое дело. Подумаешь... Потом, уже без свидетелей, она дала мне понять, что я шлюха, но это тоже сущие пустяки! Я ведь публичная личность, так что у нее были все основания. Короче, имела полное право. А вот я повела себя исключительно некорректно, обиделась почему-то... Мне очень стыдно, Зулин, прости. В следующий раз, когда меня будут поливать дерьмом, я улыбнусь и поддержку беседу, обещаю.

– Я ведь, кажется, попросил тебя не ерничать!

– Разве?

– Иефа!

– Тихо! – Стив остановился и покрепче ухватил рукоять топора. – Тихо вы оба... – он некоторое время вглядывался в темноту, потом с досадой махнул рукой. – А, бесполезно. Вы так орете, что собственного голоса не слышно. Может, отложим разговоры до трактира? Все-таки меньше шансов, что кто-то подслушает...

– С удовольствием! – фыркнула Иефа. Зулин пробурчал что-то явно нелестное в ее адрес, но спор прекратил. До "Пятирогой луны" шли молча. Стив заметил, что Иефа, стрельнув пару раз глазами в его сторону, тоже стала прислушиваться, но судя по выражению ее лица, осталась недовольна результатом.

"Пятирогая луна" встретила их мягким гулом голосов, упоительным запахом жареной телятины под сметанным соусом и объятиями мэтра Бену, предназначавшимися, разумеется, исключительно Иефе.

– Ай-ай-ай, любезная моя барышня! – укоризненно воскликнул трактирщик, зайдя на порог. – Ну разве можно заставлять так волноваться старого больного мэтра Бену? Я места себе не нахожу вот уже который час! А ваши поклонники? Они тоскуют в ожидании песен, прекраснее которых нет в целом свете, тоскуют и пьют пиво, и, боюсь, уже так налились своей тоской, что не в состоянии слушать. Не могу сказать, что это дурно сказывается на моем кошельке, но за искусство обидно!

– Мэтр, милый, вам совершенно не о чем было волноваться. – Иефа устало облокотилась о стойку и улыбнулась. – Я бродяжничала не одна, а петь у меня все равно нет никакого желания.

– Хочу заметить, – мэтр Бену понизил голос, – что твои спутники совершенно не внушают мне доверия. Особенно дварф, учитывая обстоятельства вашего знакомства. А этот безликий господин, который смахивает на дроу, но явно не дроу, и подавно. Ты знаешь, что он снял комнату, соседнюю с твоей?

– Ну какое это имеет значение, мэтр? Перестаньте волноваться и дайте нам поужинать. Я ценю вашу заботу, но, право, волноваться совершенно не о чем, поверьте.

– Я просто хотел предупредить. В Бристолe стало беспокойно.

– Ах, мэтр! – Иефа беззаботно рассмеялась. – Когда в Бристолe было спокойно? – она отошла от стойки и присоединилась к своим спутникам, которые заняли столик в углу.

– Итак, – торжественно начал Зулин, дождавшись, когда служанки расставят на столе посуду и отойдут, – предлагаю подвести итоги. Высказываться будем по очереди. Стив, ты первый.

– С чего это? – удивился Стив, оторвавшись от пива.

– С того, что я так сказал! – мгновенно ошетинился Зулин. – Мы же договорились!

– Да пожалуйста... – Стив пожал плечами. – Только вот о чем говорить-то? Информацией у нас Иефа заведует... А я – что, я – мясо...

– О боги! Стив! Не начинай заново! Если тебе нечего сказать, так и скажи: мне нечего сказать...

– Вот я и говорю: мне нечего сказать, потому что я – навроде телохранителя, мне вообще разговаривать не положено... – Стив снова макнул усы в кружку. "Мне нечего сказать, кроме того, что все время кто-то смотрит мне в спину, я это чувствую хребтом, как близкий обвал. Да только мало ли, что я чувствую?" – Ну что вы на меня так смотрите! Я договорился с кузнецом об оружии, для себя и для Иефы. Нам ведь понадобится оружие? А больше я ничего не знаю, кроме того, что было очень скучно.

– Ну хорошо, – Зулин скрипнул зубами, но сдержался. – А что-нибудь сказать о нашем предприятии в целом ты можешь?

– Могу.

– Скажи.

– Совершенно идиотская затея.

– А конкретнее? – Зулин почувствовал, что закипает.

– Куда уж конкретнее... – Стив пожал плечами и целиком посвятил себя пиву, всем своим видом показывая, что больше говорить не намерен. За столом воцарилась зловещая тишина. Иефа меланхолично жевала, с отсутствующим видом глядя по сторонам. Зулин с трудом преодолел желание удавить свою команду и неимоверным усилием воли взял себя в руки. В конце концов, никто не говорил, что будет легко.

– Иефа...

– Да, господин начальник?

– Давай без сарказма! Меня интересует содержание твоего разговора с кузнецом.

– Ну, – Иефа сладко потянулась, – сначала мы пели про пиво... Зулин, ну что ты дергаешься? Ты же сказал – содержание разговора... Ладно, ладно, все. Больше не буду. Сегодня, по крайней мере. Он не так уж много знал. Был организованный отряд из дюжины гоблинов, которым руководил шаман. Предположительно, тот медальон, что мы нашли, принадлежал именно ему, шаману. Копоть на стене – следы пуляния огненными шарами, которые наколдovывал тот же шаман. Ему здорово досталось, судя по следам крови в палисаднике и заскорузлым тряпочкам, обрывкам его одежды. Видимо, оставшиеся в живых гоблины утащили раненого шамана с собой.

– Все?

– Все. Правда, от самого храма и до трактира за нами кто-то шел, но Стив так топал и пыхтел, что не было никакой возможности проверить. Поэтому точно сказать не могу.

– Я не пыхтел! – Стив был возмущен до глубины души. – Это вы переругивались всю дорогу!

– Не всю дорогу, а только в самом начале. Кстати, о ругани. Зулин, помнится, ты очень переживал, что мы опоздаем на встречу с проводником, которого нам обещал Натан? Он, кажется, должен был прибыть на закате? Я что-то не вижу здесь новых лиц. Он человек? Эльф? Может, дварф? Последнее было бы очень мило...

– Иефа, он эльф! – Зулин стукнул кружкой о стол и соорудил страшную рожу, которую

под капюшоном никто не разглядел.

– О, как это печально... – Иефа картинно вздохнула. – Терпеть не могу эльфов.

– Да? – заинтересовался Стив. – А людей?

– И людей. Ну так что, Зулин, где твой проводник?

– Судя по всему, что-то задержало его в пути, – с достоинством ответил Зулин. – Вернемся к нашим баранам, то бишь, к гильдиям. Беседа с рыцарем тоже практически ничего не дала. То есть, рассказал он мне много, но это в основном касалось нашей прекрасной барышни...

– Ага, матушка не примет...

– Что?

– Ничего-ничего, продолжай.

– Да что продолжать-то... Интересный у этих гоблинов был шаман. Не гоблин – кобольд, премерзкое, между прочим, создание, на усохшего крокодила смахивает. Вот, собственно, и все. Добавить могу только, что рыцаря удивило оружие, которым пользовались эти твари.

– Оружие – это уже кое-что. Что за оружие? – Стив вынырнул из кружки и сделал вид, что внимательно слушает.

– Мечи были выкованы мастерами Стальной империи, у нас таких точно нигде не делают.

– Ух ты, имперская сталь? Не может быть! Человеческое государство не торгует с нелюдьми, у них даже метисы истерику вызывают, не говоря уже о гоблинах. Занятно... – Стив задумчиво поковырялся в зубах щепкой, отколотой от края стола. – И с каких это пор гоблины объединяются в организованные отряды?

– Ну зачем так серьезно... Тот, кто все это затеял, просто нанял их, вот тебе и вся организация. Разовое явление.

– Нет, Зулин...

Крик. Расщепленные створки ворот и огонь. Огонь повсюду. Недоумение за левым плечом, кровь. Страшно и беспощадно.

– Стив!

– Нет, Зулин. – Стив тряхнул головой, отгоняя воспоминания. – Нет, это не разовое явление. Точно тебе говорю.

– Все это, конечно, очень интересно, но мы не продвинулись ни на шаг. – Иефа подавила зевок. – Все наше великое расследование сводится к нескольким фразам: с севера пришли гоблины под предводительством шамана – как ты сказал, эти звери называются? – в общем, не важно, под предводительством шамана, напали на стражу, чем отвлекли внимание от гильдий, которые в это время благополучно обчистили их подельники. Организаторами, само собой, являются не гоблины и не эти – как ты говорил, эти звери называются? – а кто-то третий, кто знает черную магию и кто сотрудничает с людьми из Стальной империи настолько плотно, чтобы заказывать у них оружие. Из трофеев у нас есть магический медальон и заскорузлые тряпочки. Ушли вору явно на север, нам, понятное дело, нужно идти за ними, но проводника нет как нет, поэтому я предлагаю отправиться спать и не заморачиваться раньше времени. А завтра поглядим. Что скажете? – Иефа помолчала пару минут, дожидаясь ответа, но не дождалась и встала. – Спокойной ночи, ребята. Разрешите идти, господин начальник? – Иефа дошла до первых ступенек лестницы, ведущей на второй этаж, и обернулась. Лицо у нее было благостное. – Кстати, господин начальник, какие будут указания на предмет ночных рубашек? Мне спать в белой или в той, что с вышивкой на рукавах? Ах, вы предоставляете выбор мне? Благодарю за оказанное доверие! Спокойной ночи.

Некоторое время Стив и Зулин сидели молча, избегая смотреть друг на друга, потом Стив задумчиво почесал бровь и вздохнул:

– Вот баба-дура... Ну, я это... Пойду я.

– Завтра встречаемся здесь, часов в девять. Не опаздывай! – крикнул опомнившись

Зулин дварфу в спину. – Черт знает что, а не работа... – проворчал он, поднимаясь по лестнице в свой номер. – Черт знает что, а не работа!

* * *

Если бы кто-нибудь спросил Смерча, нравится ли ему целый день таскаться по городу в компании трех сумасшедших, перебиваясь с чертополоха на черемуху, он бы ответил категорическим "нет", да еще, пожалуй, добавил бы пару-тройку выражений, которыми пользуются только пони. Но мнением Смерча никто не интересовался, даже его хитроумный хозяин. Стив вел своего будущего Боевого Магического Пони под уздцы и размышлял о зловредности женского пола. Больше всего его раздражало то, что он никак не мог окончательно определиться, какие чувства вызывает у него полуэльфка. Чаще всего при мысли об Иефе Стив испытывал глухое раздражение, но... Пожалуй, это "но" раздражало его даже больше, чем сама девушка. "А ведь еще работать и работать вместе. Мораддин ее знает, что она такое... Ну точно – полукровка, ни то, ни се, не пойми разберешь. Вроде смотришь – голова на месте, а как отмочит чего-нибудь – ну дура-баба, мозгов по малолетству не нажила. И какой из нее сборщик информации? Тьфу! Задом крутить да эту, как ее, харизму выпячивать – это да, это я верю, но в поход... Там не эльфам да рыцарям глазки строить, там потруднее дела пойдут..."

Стив свернул с широкой мощеной улицы в грязный переулок, вознамерившись сократить дорогу до трактира. "Бродячая собака" располагалась не в лучшем районе города, на близлежащих улицах практически отсутствовали фонари, при малейшем дожде переулки превращались в сточные канавы, забитые грязью и отбросами. Другое дело, что летом в Бристоле дождя было дожждаться сложно, и копыта Смерча выбивали глухую меланхоличную дробь в мягкой, как пудра, пыли. В редких окнах обшарпанных домов едва горел свет – беднота экономила свечи. В темных подворотнях происходила тихая возня, кто-то расставался с кошельком, кто-то – с жизнью, но Стив не вмешивался. Ему не было дела до человеческих драг.

Стив дошел почти до конца переулка, как вдруг молнией сверкнувшее ощущение опасности заставило его остановиться. Он начал разворачиваться, одновременно хватаясь за топор, но тут раздался характерный низкий "треньк" откуда-то справа, с крыши дома упал кусок черепицы, и в правое плечо Стива воткнулся арбалетный болт, пробив толстую кожу куртки и кольчугу. Стив взревел коротко и злобно, одним прыжком преодолел расстояние до дома и вжался в стену, скрывшись в густой тени. Еще один арбалетный болт пропорол воздух там, где только что был дварф, с крыши снова посыпалась черепица и послышалась невнятная ругань. Стив перехватил топор левой рукой и короткими перебежками начал продвигаться вдоль стены, ища дверь, которую вскорости и обнаружил. На бешеный стук дварфа дом отозвался равнодушным молчанием, даже на крыше притихли, и Стив решил не церемониться. Он несколько раз саданул в дверь ногой, но та держалась на диво крепко. Стив грязно ругнулся и уже замахнулся топором, когда загремел засов и на пороге появились двое, зевая и почесываясь, – маленький лысый толстяк с ночным колпаком в руке и здоровенный сонный громила с выражением неизбежной тупости на лице. Не пускаясь в долгие объяснения, Стив легким движением руки отправил толстяка куда-то вглубь дома и ринулся было к лестнице, но был пойман громилой за ворот куртки и водворен обратно на порог.

– Безобразие, безобразие! – кудахтал из темноты толстяк. – Помогите! Грабят!

– Это дом господина Смиттса, сюда нельзя ходить, – промычал громила, которому дварф доставал в лучшем случае до пояса.

– Я действую по приказу мэра! – заорал Стив, ловко пнул громилу в коленку и снова ринулся к лестнице, но снова был пойман.

– Это дом господина Смиттса, сюда нельзя... – монотонно повторил громила, водружая

Стива на прежнее место.

– Помогите! Помогите! – кричал из темноты толстяк.

– В меня стреляли с вашей крыши, – пропыхтел Стив, выдираясь из лапищ громилы. – Я действую по приказу мэра, пропустите меня на крышу, или я тут все разнесу к Мораддиновой заднице!

– Это дом господина Смиттса... – упрямо повторил громила, получил топорищем в пах и сложился пополам. Стив бесцеремонно отпихнул его в сторону и, наконец, прорвался к лестнице.

Фыркая и отдуваясь, дварф преодолел три лестничных пролета по четырнадцать ступенек каждый, четырежды помянул матушку Мораддина, задев плечом стену, взобрался по трухлявой стремянке на чердак и выбрался на крышу. Крики толстяка затихли внизу. Стив замер, оглядываясь и прикидывая, сколько времени заняла возня с не в меру усердным охранником. Крыша была абсолютно пуста, если не считать двух облезлых кошек, явно не способных стрелять по ночам из арбалета. Чертыхаясь, Стив кое-как преодолел расстояние от чердачного окна до печной трубы, после чего долго ее обнимал ("Эх, не приспособлены мы, дварфы, для лазанья!") и слушал, как трещит черепица у него под ногами. Предстояло еще ползти обратно, разбираться внизу с громилой, и все это – с арбалетным болтом в плече.

Стив мрачно оглядел крыши соседних домов, мысленно пожелал ночному стрелку свернуть себе шею и полез к чердачному окну. На чердаке его встретил до отвращения бодрый громила, который немедленно сообщил Стиву, что это дом господина Смиттса и что сюда ходить нельзя. Пораженный новизной информации, Стив взревел и разрубил в щепки старое кресло, случайно попавшееся под руку, после чего громила как-то сразу скис. Дварф сплюнул, показал охраннику неприличную фигуру из пальцев и потопал вниз по лестнице, на ходу шуганув толстяка в ночном колпаке. На улице его встретил тихим пофыркиванием Смерч, совсем было заскучавший в одиночестве. До "Бродячей собаки" было десять минут ходу.

Глава 7

Котенок был тощий и шелудивый. Он жался к стене сарая и обессилено пищал, даже не пытаясь уворачиваться. Мальчишки забили бы его камнями до смерти, если бы не эта дрянь, Иефа-полукровка. Она выскочила, как чертик из табакерки, из-за стены сарая, схватила котенка и бросилась бежать со всех ног. Обозленные мальчишки погнались за ней, ругаясь и швыряя камни. В конце концов, какая разница? Швырять в полукровку было даже интересней. Иефа бежала что было мочи, прижав перепуганного котенка к груди, слышала, как бешено колотится его сердце, боялась оглянуться. В нее летели палки и комья глины, камень больно ударил между лопаток, Иефа споткнулась и с размаху полетела навстречу земле, так и не выпустив из рук котенка, и только успела услышать, как он задушено пискнул последний раз...

Иефа села на кровати, мучительно всхлипнула и отерла лицо. Пыльной ветошью наваливалась духота, простыни были мокрыми от пота. Иефа встала, подошла к окну, широко распахнула ставни, жадно вдохнула ночной воздух. За стеной, в номере Зулина, раздавались какие-то странные звуки, что-то вроде монотонного гудения, а еще – потрескивание и хлопки, но хуже всего было именно это гудение, низкое, раздражающее, непрерывное. Иефа прошлась по комнате, посидела на кровати, огляделась. Ужасно хотелось спать, но мешали звуки. Девушка накинула на плечи шаль поверх ночной рубашки и вышла в коридор. Из-под двери соседнего номера пробивался неровный желтый свет, явственней слышалось гудение. Иефа немного постояла в нерешительности, потом взялась за ручку двери, но передумала. Стало боязно, а еще невыносимо горели ладони. По спине пробежали мурашки, как перед грозой. Иефа вернулась к себе в комнату, закуталась в одеяло и попыталась заснуть.

– Где ты была, черт тебя подери?! Посмотри на себя, эльфийский недоносок,

последнее платье изорвала! В какой канаве ты валялась?!

– Я хоронила котенка, папа.

– Что? Я не слышу – что ты там бормочешь?!

– Я хоронила котенка, папа.

– Хоронила КОГО?

– Котенка.

Налитые кровью глаза и запах застоялого перегара. Я хоронила котенка, папа, я себя хоронила, уже в который раз. Я поднялась на ноги, хлюпая соплями и юшкой из носу, а у него оказалась свернута шея. Мальчишки окружили меня и стали кричать, пританцовывая и кривляясь: "Тощая Иефа раздавила котенка! Иефа-живодерня! Гроза кошек! Ублюдок! Полукровка! Иефа убила котенка! Тощая Иефа раздавила котенка! Остроухая! Полукровка!" Они скакали и кривлялись, и кричали, и швыряли в меня всякой дрянью, а я держала его в ладонях и не верила. Я хоронила котенка, папа. Когда я засыпала его землей, мне все время казалось, что он сейчас очнется, запищит и выкарабкается из ямы. Но он не вылез. Это очень страшно, потому что теперь я все время слышу его. Он сидит там, под землей, и мяучит так жалобно, мяучит, мяучит, МЯУЧИТ...

Иефа вскрикнула и проснулась. Встала, закрыла ставни. Где-то мяукала кошка, где-то очень близко, не понять, где. Иефа закуталась в одеяло и села на кровати, пытаясь унять дрожь. Из соседней комнаты доносился размеренный стук, гудение стало громче, настырней. Иефа ощутила безумное желание заорать на весь трактир и разбить что-нибудь вдребезги. Стиснув зубы, она легла, свернулась калачиком и сама не заметила, как уснула.

* * *

Утро выдалось на редкость пакостное. Иефа с отвращением посмотрела на себя в зеркало и выругалась. Немилосердно раскалывалась голова, во рту пересохло, как с похмелья. Девушка кликнула служанку, потребовала воды, чтобы умыться, и принялась приводить себя в порядок. Через полчаса, заметно посвежевшая, но все еще мрачная, она постучала в дверь соседнего номера. После непродолжительного молчания послышалась тихая возня, дверь открылась, и перед Иефой предстал Зулин, не менее сонный и растрепанный, чем была она сама полчаса назад. Иефа неприязненно посмотрела на планара и хмыкнула: фиолетовый балахон мага был изорван на тонкие ленточки, левую щеку пересекали три глубокие царапины, из комнаты нестерпимо воняло паленой шерстью и кошачьей мочой. В руках Зулин держал маленького облезлого сопливого черного котенка.

– Доброе утро, Иефочка! – невнятно, но довольно радостно пробормотал планар. – А который же это час? Поздно уже?

– Начало восьмого. Скажи, пожалуйста, Зулин, чем ты занимался всю ночь? Я отвратительно себя чувствую, у меня голова раскалывается. Могу я узнать, чего ради?

– Ну... – Зулин заметно смутился и покосился на котенка. – Видишь ли, Иефа, у любого порядочного мага есть фамильяр. Я вот решил тоже обзавестись. Потом-то не до того будет...

– Есть КТО?

– Фамильяр. Ну, как тебе объяснить... – Зулин снова посмотрел на котенка. – Ну, вроде магического помощника. Обычно это животное. Я решил, что мне подойдет классический вариант...

– Значит, фамильяр.

– Ну да, а как же без этого. Что ж это я за маг такой – без фамильяра-то? Ты прости, ритуал получился громковат, но тут уж я ничего не мог сделать...

– Ну, и где он, твой фамильяр? – Иефа заглянула Зулину за плечо, сморщилась и чихнула. – Я вижу только чудовищный и чрезвычайно вонючий бардак.

– Так вот же! – Зулин с гордым видом предъявил котенка. – Знакомься: его зовут Зверь.

Зверь, это Иефа, она бард. Он сказал, что для семи часов утра ты выглядишь очень даже неплохо.

– Сказал? – Иефа подозрительно уставилась на котенка. – Вот он? И каким же образом?

– У нас связь. Телепатическая... – Зулин смачно зевнул, чуть не вывихнув челюсть.

– Мда... Ну, что ж... Фамильяром больше, фамильяром меньше... Тощий он у тебя какой-то... И насморк у него...

Котенок пристально посмотрел на Иефу. "Сама дура", – читалось в его взгляде. Зулин смутился, прижал котенка к груди.

– Ну, ладно. В девять за завтраком встретимся, хорошо? Мне еще нужно прибраться, сама понимаешь, ритуалы – дело пыльное... – он поспешно скрылся в комнате и захлопнул за собой дверь. Иефа подняла бровь, постояла пару минут с выражением крайнего сомнения на лице, хмыкнула и ушла в свою комнату. Трактир потихоньку просыпался.

Завтрак проходил в напряженном молчании. Иефа исподлобья поглядывала на Зулина, который был полностью поглощен своим сопливым животным. Зверь топорщил классически черную шерсть, таращил классически зеленые глаза и ел, ел, ел... Служанка трижды наполняла глиняную плошку отвратительной смесью из молока, яйца и рубленой сырой печенки, а котенок все не унимался. Иефа уже начала всерьез опасаться, что он сейчас лопнет, когда дверь распахнулась, и на пороге появился странно скособоченный Стив. Он прошагал к столику, громогласно потребовал пива, дыхнул на Иефу чесночным духом и так мрачно уставился на Зверя, что Зулин поспешил убрать фамильяра от греха подальше к себе на колени.

– Это что? – спросил Стив, погружая усы в пиво.

– Доброе утро, Стив! – язвительно приветствовала его Иефа. – Спасибо, что поздоровался. Что-то ты сегодня неважно выглядишь – тебе что, намяли бока в темном переулке?

– Может, и намяли... – пробурчал Стив, не выныривая из кружки. Вчера ночью держатель "Бродячей собаки" узнал много новых слов, вытаскивая болт из могучего дварфовского плеча. На все его уговоры позвать лекаря Стив отвечал невнятным рычанием и хватался за топор. Потом бледная дрожащая служанка промывала дварфу рану, то и дело порываясь хлопнуться в обморок от страха.

– Хорош боец, – усмехнулась Иефа. – Чувствую, кончится это тем, что мы тебя в поход на носилках потащим. – Стив, уже совсем было открывший рот, чтобы рассказать о ночных скачках по крыше, со стуком захлопнул его и погрузился в гробовое молчание. – Ладно, герой, что там у тебя болит?

– Ничего у меня не болит.

– Не бурчи и покажи, где болит. Я лечить умею... немножко. – Иефа встала из-за стола и подошла к дварфу.

– Да отстань ты от меня! – Стив вертелся на табурете, пытаясь увернуться от маленьких рук полуэльфки, но тщетно.

– Правое плечо... – задумчиво и как-то даже отстраненно проговорила Иефа. – Могу попробовать, но ничего не обещаю. У меня какое-то странное ощущение – кажется, там рана не из легких.

– Ты откуда знаешь? – ошетинился Стив.

– Чувствую. У меня получается заживлять всякую мелочь, на себе пробовала. Но у тебя, кажется, что-то посерьезнее удара кнутом... – Иефа запнулась и густо покраснела.

– Тебя что, били кнутом? – удивился Зулин, оторвавшись от своего котенка.

– Я что, похожа на тех, кого можно бить кнутом? – огрызнулась Иефа. – Вот что, забияка, надумаешь лечиться – скажи. Сама уговаривать не буду.

Стив промолчал, а про себя подумал, что кое-кому хорошая порка не помешала бы. Плечо противно ныло, но принимать помощь, предложенную таким образом, да еще и от Иефы, он не собирался.

– У кого какие планы на день? – поинтересовалась полуэльфка, садясь на свое место. –

Лично я собираюсь наведаться в кузницу – Трор обещал оружие подобрать. Нам ведь понадобится оружие, Зулин, как ты думаешь?

– Много толку будет от твоего оружия, – пробурчал Стив. – Ты же им пользоваться не умеешь.

– Ну уж, по крайней мере, больше толку, чем от тебя, – мило улыбнулась Иефа. – Судя по моим ощущениям, без надлежащей помощи ты не скоро еще сможешь работать правой рукой.

– Я и левой легко управлюсь! – ответил Стив, накаляясь.

– Стойте, стойте! Не начинайте сначала! – Зулин водрузил на стол вконец обожравшегося фамильяра и принял начальственный вид. – Распорядок дня будет таков: до трех часов пополудни советую заняться подготовкой к походу. Желательно закупиться всем необходимым. Стив, тебе можно доверить это дело?

– Я закупщиком не нанимался.

– Стив!

– Ну, ладно, ладно... Чего сразу – Стив...

– В три часа встречаемся у здания мэрии для обсуждения дальнейших планов. Вопросы есть? Стив?

– Нет у меня вопросов.

– Иефа?

– А у меня как раз есть вопрос: Зулин, ты уверен, что наколдовал кота? По-моему, это больше похоже на пиявку...

* * *

Водрузив заметно округлившегося Зверя на плечо, Зулин направился к зданию Магической гильдии. Начальник может быть каким угодно – думал он по дороге – вздорным, склочным, гулящим или добродетельным, злым или добрым, но если начальник говорит, начальник делает. Иначе он не начальник. По этому поводу Зулин собирался задать пару вопросов Натану, в руководящих способностях которого начал всерьез сомневаться. Бездействие невыносимо раздражало Зулина. Он был уверен, что первую же порученную ему миссию выполнит с блеском, не посрамив звания ученика Зодчего из Малдлина, и вот теперь все шло через пень-колоду из-за каких-то дурацких мелочей. "Видишь ли, Зверь, я одного не понимаю: на кой ляд нужно было пороть горячку, в спешке набирать команду, ставить всех на уши и вообще разводить панику, обещать проводника, который, судя по всему, и не собирается появляться? Почему я не могу сказать своей команде, что мы ищем? Неужели мирогляд – такая ужасно секретная штука, что о нем никому нельзя говорить? Ну, ладно, положим, эта информация не для профанов, о ней должны знать только маги. Но проводник... Мы уже второй день сидим в городе, время идет, а сроку нам дали – всего две недели. Вряд ли те, кого мы ищем, ждут нас на окраине. А все Натан. Ну, и кто он после этого?" "Разгильдяй и бабник", – сурово подумал Зверь. "Нет, ты не прав, – мысленно возразил Зулин. – Не думаю, что разгильдяя поставили бы во главе Магической гильдии. Это же не игрушки. Ну, да, бабник, чего скрывать, но делу-то это не мешает... Что скажешь, Зверь?" "Есть хочу, – подумал Зверь и зевнул. – Скучно..."

Рыжий котяра, развалившийся на крыльце Магической гильдии, повел себя странно: завидев Зулина, он вздыбил шерсть на загривке, истерически мяукнул и дал стрекача. Зверь довольно замурлыкал. Внутри гильдии царили тишина и пустота, пылились горы бумаг на столе Тирела, где-то в углу жужжала одинокая муха. Зулин прошелся по комнате, заглянул на второй этаж, но никого не нашел. Начальством в гильдии и не пахло. "Подождем?" – спросил Зверь.

– Не вижу смысла, – ответил Зулин и вздохнул. – Похоже, все вымерли. В прочем, у меня еще есть дела. Познакомлю тебя с одним крокодилом.

"Не люблю крокодилов", – Зверь пренебрежительно чихнул.

– Это полезный крокодил, он держит магическую лавку. А по дороге мы зайдем на рынок и купим тебе пожевать, идет?

"Ну, если пожевать, тогда ладно", – смиловился Зверь. Зулин пересадил кота на другое плечо, снова вздохнул и вышел на улицу. Происходящее нравилось ему все меньше и меньше. Размышляя о несовершенстве мира, Зулин дошел до Базарной площади, где купил десяток дешевых глиняных кошек, вызвав шквал негодования со стороны Зверя. Потом в мясных рядах продавец говядины со священным ужасом наблюдал, как хилый на вид котенок поглощает четвертую по счету вырезку, но Зулин платил щедро, а Зверь смотрел сурово, и мясник от комментариев воздержался. Покидали мясные ряды с чувством легкой утраты. Выросший раза в два Зверь сочинял оду говядине, а Зулин обдумывал способы перевода фамильяров на подножный корм. До лавки Схишша дошли в молчании, занятые каждый своими мыслями.

Зулин мужественно преодолел искушение заглянуть в двери под виноградной лозой, взял себя в руки и спустился по узким ступенькам в сумрак магической лавки. Со вчерашнего дня здесь ничего не изменилось, разве что стало немного прохладнее и таинственнее. Зулин огляделся и собрался было огорчиться, но тут послышалось приветственное шипение Схишша, и за прилавком появился сам хозяин.

– День добрый, – поздоровался Зулин. – Я за зельем и не только.

– А, Боевые Магические Пони – как же, как же, – захихикал Схишш. – Этот остроумный проект я запомню надолго – в последнее время так редко попадаются неординарные заказы... Все готово.

– Сколько?

– Десять. Я бы потребовал процент с продажи, – тут Схишш выдал очередную порцию шипящего смеха, – но, откровенно говоря, сомневаюсь в доходности предприятия.

– Да, дварфы – не очень практичный народ, – согласился Зулин, отсчитывая монеты. – Но у меня к тебе будет еще две просьбы. Не даром, разумеется.

– Что-нибудь столь же оригинальное? – заинтересовался Схишш.

– Сам посуди, – Зулин выложил из мешка на прилавок десять глиняных кошек.

– О, – искренне удивился Схишш. – Ты увлекся народным творчеством?

– Не то, чтобы очень. Я хочу, чтобы ты сделал из этих убогих изделий сигнальные амулеты. Центр – я. Таким образом, чтобы я знал, если одна из них разобьется. Справишься?

– Великие дела намечаются... – прошипел задумчиво Схишш. – Шеф Магической гильдии исчезает, его заместитель является ко мне в лавку с новосозданным фамильяром на плече и просит сделать десять сигнальных амулетов... В опасный поход собираешься, Зулин?

– И все-то ты знаешь, друг мой Схишш.

– И далеко пойдете?

– А это уж как карта ляжет. Сделаешь амулеты?

– Легче легкого. Десять золотых.

– Торговаться не буду, но с тебя бесплатная консультация. Идет?

– Идет.

– Как, по-твоему, что это такое? – Зулин достал из кошелька серебряный медальон и показал его Схишшу. – От этой вещицы явно несет магией, но я не могу определить, какой именно.

– Ничего себе вещица... – присвистнул Схишш. – Где взял? В прочем, можешь не отвечать. Черные метки просто так на дороге не валяются.

– Черные метки?

– Амулет вроде маяка, способ определять местонахождение. И он еще действует, так что все твои передвижения по городу отлично известны какому-то любителю черной магии.

– Дезактивировать можешь?

– Могу попробовать. Заодно кошек твоих обработаю. Подождешь?

– Подожду, время есть.

– Да, и еще. Такая буква V, заключенная в круг, вызывает у меня определенные ассоциации. Ничего конкретного, только имя. Векна. Кажется, он был великим магом, но очень давно, не помню. Думаю, это стоит проверить. Поройся в старых книгах, прежде чем отправляться куда-то, мой тебе совет. – Схиши скрылся в недрах лавки. – Да, вот еще что, – раздался его голос из темноты. – Если ты будешь и дальше закармливать своего фамильяра, он умрет от ожирения.

* * *

Побродив по Базарной площади, Иефа купила запасной набор струн для лютни, миленькую коробочку со всякой рукодельной мелочью, мягкие замшевые перчатки и решила, что жить не так уж плохо. В скобяной лавке ее ожидали новые ботинки, а в кузнице – оружие, и нужно будет еще купить что-нибудь из мужской одежды, не в платьях же по лесам разгуливать... Иефа шла по уютной тенистой улочке, размышляя о достоинствах и недостатках женских нарядов, как вдруг раздался звонкий цокот копыт по брусчатке, и впереди нарисовался всадник на сером в яблоках жеребце. Лошадь грызла удила и пританцовывала, стремясь сорваться в галоп, но всадник легко умирал лошадиный пыл, поигрывая поводом и явно красуясь. Иефа усмехнулась про себя и вернулась было к своим мыслям, игнорируя всадника, но тут характерный гортанный окрик заставил ее вздрогнуть:

– Вай, красавица, зачем одна идешь! Лихие люди обидят – давай провожу!

Всадник подъехал ближе. Иефа подняла глаза и затряслась от ненависти: наездник был горбонос, черноволос и чертовски хорош собой, сверкал черными глазами, улыбался хищно и белозубо, горячил коня серебряными шпорами и весь благоухал богатством, молодостью и султанатскими притираниями. Он жадно рассматривал Иефу с ног до головы тем хозяйским бесцеремонным взглядом, каким смотрели на нее солдаты, охранявшие невольничий караван. У полуэльфки зачесались шрамы от султанатской плети, и пересохло в горле.

– Не опускай глаз, милая! – не унимался всадник. – Волосы – золото, глаза – небо перед грозой, губы – лепестки алой розы! Зачем такая грустная? Улыбнись, подари счастье! Давай провожу!

– Сама справлюсь, – глухо проговорила Иефа и пошла дальше, глядя прямо перед собой.

– Вай, строгость не к лицу такой жемчужине! Я помощь предлагаю – зачем отказываешься? Нехорошо! – в голосе черноволосого прозвучала скрытая угроза.

– Я сказала – сама справлюсь! – Иефа сжала кулаки и глянула исподлобья на всадника.

– Прекрати сердиться, девушка. Я богат – у тебя будут самые красивые ожерелья! Перстни, серьги, браслеты! Я одену тебя в самые тонкие шелка, подарю тебе луну с неба, только скажи!

– Проезжай мимо, саиб! – Иефа вскинула голову и посмотрела всаднику прямо в глаза. – Я тебе не по карману.

Черноволосый выдержал взгляд, потемнел лицом, с минуту поколебался и вдруг с резким гиканьем ударил шпорами, послал коня в галоп. Иефа постояла с минуту, зажмурившись, чувствуя, как постепенно уходит липкий гадкий страх, открыла глаза, вздохнула и пошла своей дорогой. День был безнадежно испорчен. Ни тихие солнечные улочки, ни неуклюжие ухаживания Трора, ни новенький изящный меч, который так и просился в ладонь, не могли заглушить чувство стыда за свой страх, за глухой голос, опущенную голову и тряские коленки. "И ведь это не пройдет, – с горечью думала Иефа, вполуха слушая разглагольствования Трора о достоинствах меча. – Ни сегодня, ни завтра, ни через неделю...И никакими травами не лечится это желание втянуть голову в плечи. Беспомощность – вот что самое противное, беспомощность, от которой можно избавиться, только взяв в руки топор, – да и он вряд ли поможет..." Между тем Трор, внимательно

наблюдавший за своей гостьей, неодобрительно покачал головой и вынес из оружейной маленький арбалет.

– Вот, – сказал он, отобрав у девушки меч. – Попробуй. Меч у тебя будет только так, для страха, а защищаться как-то надо. Видишь, сучок в заборе? Попробуй попасть...

Из ворот кузницы Иефа выходила, подпоясанная новеньким скрипучим ремнем с ножнами на боку и с арбалетом за спиной.

* * *

К зданию мэрии Стив пришел первым, будучи очень довольным собой. Прямо из "Пятирогой луны", вняв жалобам больного плеча, он отправился к знахарю, который наложил на рану простенькое заклинание. Болеть совсем не перестало, но зарубцевалось и в принципе не мешало жить. А главное – отпала необходимость просить помощи у Иефы – это Стива радовало больше всего.

Стив удобно расположился на ступеньках мэрии, облокотившись на здоровенный мешок с покупками, и довольно прищурился. Смерч, по обыкновению своему обиженный на жизнь, хмуро жевал акацию. Стив посмотрел на него и ухмыльнулся. Да, такого пони не было ни у кого. Скорняк, хоть и долго плевался, заказ выполнил на славу: на Смерча нельзя было смотреть без содрогания. Его лоб, разделяя густую челку на две части, венчал солидный рог из толстой черной кожи, между ушей торчали медные шипы, они же украшали уздечку, и в целом Смерч был похож не на пони, а на смесь единорога и ежа-переростка. Надо думать, что это не прибавляло ему оптимизма. На улицах Бристоля Смерч произвел настоящий фурор – всю дорогу до мэрии их сопровождала стайка улюлюкающих мальчишек, лавочники выглядывали из окон, стремясь узнать, в чем дело, и тут же прятались, творя охранные знаки, на рынке торговли подняли визг, а продавец дорожных сумок снизил цену втрое, лишь бы скорее избавиться от странного покупателя. "Это еще что, – думал Стив, поглаживая бороду, – вот я посмотрю на вас, когда он выпьет зелье!... Хотелось бы видеть того смельчака, который посмеет сказать, что это не Боевой Магический пони!" Безоблачное настроение Стива омрачала только одна мысль: Смерча нельзя было взять в поход. Впрочем, дварф был уверен, что ему недолго придется искать для пони нового владельца. Стиву так и виделась толпа взволнованных рыцарей, остервенело оспаривающих друг у друга право владеть чудесным зверем...

– О боги, Стив, что ты сделал с животным, чурбан бесчувственный! – дварф очнулся от сладких видений и открыл глаза. Перед ним стояла Иефа и с ужасом взидала на Смерча.

– Ну почему сразу – чурбан?! – возмутился Стив. – Мой пони, что хочу, то и делаю!

– Твой, но это же не повод так над ним издеваться! – Иефа с негодованием посмотрела на дварфа и запричитала: – Бедненький ты мой, что же он вытворяет, дурак такой, ах, ты славная моя коняшка...

– Это не коняшка! – рассвирепел Стив. – Это Боевой Магический пони! Советую руками не трогать!

– Как бы мне хотелось, – с горечью проговорила Иефа, – чтобы когда-нибудь у тебя тоже вырос рог из лба, и чтобы все над тобой потешались!

– Как бы мне хотелось, – окончательно разозлился Стив, – чтобы ты не лезла не в свое дело!

– Я не лезу не в свое дело!

– Лезешь, и при том весьма нагло!

– Кто бы говорил о наглости! Ты себе утопаешь в леса за славой, а бедный Смерч – мучайся?

– Он не мучается, он Боевой Магический пони, сколько можно повторять...

– Ненавижу, просто терпеть не могу, когда издеваются над животными! Нашел себе развлечение!

– Это не развлечение, это коммерция!

– В таком случае, ты еще хуже, чем я думала! Самодовольный, бесчувственный, черствый, несимпатичный самодур! С самого начала от тебя одни неприятности!

– Неприятности?! Это какие же, скажи на милость?

– Да ты сам – одна сплошная ходячая неприятность! Жрущая, пьющая и дурно воспитанная!

– Приятно видеть, что хотя бы что-то в этом мире остается неизменным... – на ступеньках мэрии материализовался Зулин, который с видимым интересом слушал перебранку, почесывая Зверя за ухом. – Продолжайте, друзья мои. Лучше выяснить отношения сейчас, потом будет некогда. Иефа, на что ты так смотришь?

– Зулин, ты что, купил нового кота? Где Зверь?

– Да вот он, собственной персоной, очень доволен жизнью. А что?

– Зулин, еще с утра твоему котенку вполне хватало ладони, а эта зверюга едва умещается на коленях... Зулин, котятка так быстро не растут!

– Иефа, милая, я же тебе объяснял – это не кот, это фамилляр, магическое животное, у нас телепатическая связь...

– Так, – Иефа села на ступеньки и пригорюнилась. – У Стива пони – вовсе не пони, а у тебя кот – вовсе не кот. Остается еще мне завести ручного хорька, который будет вовсе не хорек, а детеныш, скажем, грифона, и можно смело открывать свой цирк...

– Ну-ну, Иефочка, не расстраивайся ты так... – Зулин покровительственно похлопал девушку по руке. – Вот Зверь говорит, что вы еще подружитесь...

– Да? – Иефа нервно покосилась на кота. – Лучше бы он высказывал свои мысли ВСЛУХ. А то, небось, думает всякие гадости...

Зверь возмущенно фыркнул и демонстративно повернулся к полуэльфке задом.

– Ну вот, теперь точно думает, – окончательно расстроилась Иефа.

– Ничего, – утешил ее маг. – Я думаю, вы все же поладите. Однако, давайте к делу. Во-первых, Стив, вот твоё зелье. Во-вторых, показывай, что ты купил.

– Сейчас покажу, – сказал Стив. И показал. Через три минуты потрошения мешка на ступеньках мэрии живописной грудой лежали: три черных теплых плаща с капюшонами, три мотка веревки, три стальные "кошки" устрашающего вида, три кожаных пояса с кармашками для перочинных ножей и прочей всячины, сами перочинные ножи, кремь с огнивом в тройном экземпляре, три кожаные дорожные сумки с множеством карманов и кармашков, три походные фляги, холщовые бинты, мешочек корпии, три деревянные ложки, мазь, отпугивающая комаров, пакля для факелов, три десятка арбалетных болтов, разделочный нож, оловянные кружки, миски, чугунный котелок, солидных размеров поварешка, поваренная книга под названием "Дичь на вашем столе", пакетик специй и свиной окорок.

– О, это мое, – смутился Стив и убрал окорок обратно в мешок. Воцарилась тишина. Зулин ошеломленно взирал то на грудку пожитков, то на дварфа и беззвучно шевелил губами, явно проговаривая про себя нечто очень нецензурное. Иефа освоилась раньше – она выбрала из трех сумок одну и уложила в нее свою часть вещей, добавив собственные покупки. Потом примерила по очереди все плащи, взяла один, показавшийся ей наиболее подходящим, свернула и приторочила к сумке.

– Ну что ж, очень мило, – сказала она, пробуя сумку на вес. – Я практически готова. Надо только сделать лямки покороче, а так – весьма, весьма... Не ожидала, что ты такой хозяйственный.

– погоди. Ты не все уложила. – Стив поднял поваренную книгу, специи, котелок и поварешку. – Это тоже тебе.

– Ты уверен? – Иефа холодно посмотрела на дварфа и подняла бровь. – Можно узнать, зачем?

– Ну как же, готовить кто-то должен...

– Не спорю, но почему ты решил, что это буду я?

– А кто же еще? – Стив искренне удивился такой недогадливости. – Ты же женщина.

– Зулин, объясни нашему простодушному другу, – Иефа презрительно глянула на кухонную утварь и демонстративно отвернулась, – что я нанималась шпионом, а не кухаркой. А то мне кажется, что он слегка впал в заблуждение на мой счет. Зулин, ты слышишь меня? Зулин!

– А? – очнулся Зулин. – Да-да, конечно... Стив, сколько ты на все это потратил?

– Да я не считал как-то, – беспечно махнул рукой дварф. – Делать мне больше нечего.

– А расписки? – Зулин явно начал нервничать. – Я надеюсь, ты брал расписки?

– Ну вот еще, дурак я, что ли, со всякими бумажками возиться! – искренне возмутился Стив.

– А ты не скажешь мне, как я теперь буду отчитываться?

– В чем отчитываться? Деньги-то мои все равно...

– Стив, это дело поручено нам Магической гильдией, и гильдия должна оплачивать расходы, а для того, чтобы их оплатить, нужны документы, понимаешь? Должна же быть какая-то отчетность!

– Да ну тебя, Зулин, с твоей отчетностью. И чего ты заводишься? – Стив хмуро пожал плечами. – Деньги я потратил свои, ни с кого их не требую. Ну неохота мне с бумажками возиться – что я, скупердай какой-то, за каждую мелочь расписку требовать!

– Должен быть порядок! А без документов никакого порядка не будет! Я командир или нет, в конце концов?!

– Если ты командир, – разозлился Стив, – так давай четкие указания! Лично я не помню, чтобы ты что-то говорил про какие-то расписки! И кто мне их должен был давать? Торговки на базаре? Да половина из них читать не умеет!

– Значит, надо было покупать у тех, кто умеет!

– Зулин, как ты себе это представляешь? – встряла Иефа. – "Мадам, вы умеете читать? В таком случае, почему ваша капуста?"

– Какая капуста?

– Это так, к примеру.

– Иефа, не вмешивайся, только этого мне не хватало... А спрашивать расписки – это, по-моему, элементарно!

– Вот это вот – как ты выразился – для тебя, может, оно и так, да только я мажеским матюгам не обучался! И вообще, не пойму – что тебе не нравится?! Я для похода все нужное купил? Купил! Чем ты недоволен, можешь объяснить толком?

– Я уже объяснил, Стив, и мне очень не нравится эта тенденция...

– Что тебе не нравится?

– Тенденция!

– Полегче, ничего такого я не покупал...

– О, демон Баатора! Стив, очень прошу, во избежание дальнейших эксцессов – запомни раз и навсегда: я руковожу операцией, я отдаю приказы и я требую, чтобы эти приказы выполнялись! Никакой самостоятельности – иначе твоя безалаберность нас поглотит! Это беспрецедентно!

– Беспре... – чего? – опешил Стив. – Прекратишь ты ругаться или нет? Я ничего не понимаю: ты сказал купить все для похода – я купил все для похода. Теперь оказывается, что я должен был узнать степень грамотности торговцев Бристольского базара, брать с них расписки и еще Мораддин знает что, да еще какие-то эксцессы... Тьфу ты... Так чем же ты недоволен? Слушай, Зулин, давай я буду тем, кем нанимался. Больше не поручай мне делать что-то другое. Телохранители не обязаны закупаться на рынке, для этого существуют снабженцы. Найми снабженца и не морочь мне мозги!

Зулин схватился за голову, издал невнятное рычание и пробежался несколько раз вокруг груды покупок. Из здания мэрии выглянул сонный чиновник, ойкнул и скрылся за дверью. Стив, раздраженно бурча что-то себе под нос, уселся на ступеньки и начал ожесточенно запихивать пожитки обратно в мешок. Смерч подумал с минуту, выплюнул недожеванную акацию и издал жалобное ржание. Иефа не выдержала:

– Господа партийцы! Может, мы все-таки уйдем отсюда? Желательно куда-нибудь, где можно пообедать и выпить чего-нибудь прохладного, а заодно напоить Смерча – кстати, Стив, это к тебе по поводу жестокого обращения с животными...

– Да! Нет... А впрочем... – Зулин остановился и глубоко задумался. – А впрочем, действительно... Давайте-ка, други мои, отправимся в Магическую гильдию. Вдруг там кто-нибудь объявился? Тирел, например... По дороге обсудим дальнейший план действий. Возражения есть? – он грозно воззрился на дварфа.

– Да что опять я... – пробурчал Стив, взваливая мешок на спину Смерчу. – Вечно меня приплетут невесть куда.

* * *

Никакого "обсудим по дороге" не получилось. Стайка мальчишек, явно поджидавшая Смерча в ближайшей подворотне, возобновила свое улюлюканье, прохожие шарахались, а молодой пекарь – ярый почитатель творчества Иефы – выскочил из пекарни с ухватом наперевес спасать своего кумира от неминуемой гибели. В итоге спасти пришлось ни в чем не повинного Смерча, после чего планар с дварфом разругались окончательно. Зулин требовал снять с пони зловещую сбрую, высказавшись в том смысле, что, де, и так весь город только об их команде судачит, и все из-за Иефы, а тут еще и Стив тоже решил дешевой популярности добиться, в чем вполне преуспел, а операция секретная, и главное в их деле – не привлекать внимания. А попробуй тут не привлекать внимания, когда, во-первых, Иефу каждая собака в городе знает, а во-вторых, у Смерча какая-то, простите, дрянь из лба торчит, и похож он не на пони, а... Тут заговорили все разом. Иефа предложила магу поискать на ее место кого-нибудь менее известного, а Стив заявил (в который уже раз), что это, мол, его пони, его, так сказать, личная боевая собственность, и как этой собственностью распоряжаться – его, Стива, личное дело. И никого не касается, что торчит у Смерча из лба, рог или... Тут Стив нецензурно выругался на дварфском, вогнав Иефу в краску. Так и шли, пререкаясь, почти до самой гильдии. Дварф раздраженно пыхтел что-то себе под нос, Иефа подливала масла в огонь, а Зулин маялся, пытаясь решить, является ли информация про медальон секретной, и можно ли ее доверять команде, в магии явно не сведущей. Лучше всех чувствовал себя Зверь: он расположился на спине у Смерча и ехал с комфортом.

До гильдии оставалось минут пять ходу, когда Иефа вдруг замолчала и прислушалась. Ее чуткое ухо уловило стук копыт. Лошадь ступала медленно, тяжело и то и дело спотыкалась. Это не было похоже на гарцевание султанатского жеребца, но Иефа машинально съезжилась и втянула голову в плечи. Стив глянул на ее напряженное побледневшее лицо и остановился, проследил за ее взглядом. Иефа, сжав кулаки, смотрела куда-то в сторону переулка, словно ожидала чего-то знакомого, страшного и ненавистного. Стив перехватил поудобней топор и окликнул Зулина, который настолько ушел в свои мысли, что не замечал ничего вокруг. В наступившей вдруг тишине стук копыт послышался явственней, и через минуту из бокового переулка на улицу свернула взмыленная гнедая кобылка. Увидев ее, Иефа мгновенно расслабилась и расправила плечи – никаких всадников из султаната поблизости не наблюдалось – верхом на кобылке ехал, едва удерживаясь в седле, высокий темноволосый эльф в пыльном зеленом плаще. Волосы падали ему на лицо спутанными сальными космами, голова клонилась вниз, на изодранной грязной одежде расплылись бурые пятна. Было видно, что последние силы эльфа уходят на то, чтобы не свалиться с лошади. Одной рукой он намертво вцепился в луку седла, а другой пытался удержать перекинутый через спину лошади тюк, завернутый в черный плащ. Зулин, внимательно всматривавшийся в незнакомца, вдруг издал невнятный возглас и кинулся к нему. Подбежав к всаднику, он сдернул черный плащ с тюка. Иефа ахнула – из-под грязной ткани показалась пепельная шевелюра начальника бристольской магической гильдии.

– Натан! – крикнул Зулин, стаскивая безвольное тело с лошади. – Умер?

– Нет... Пока... – неожиданно хрипло ответил эльф и завалился вбок, прямо на руки подоспевшему Стиву. – Лекаря... позовите... – прошептал он совсем тихо и отключился.

– Стив, перекинь его через седло, – пропыхтел Зулин, подтаскивая Натана к пони. – Вези их в гильдию, здесь недалеко, до конца улицы и направо. Если будет закрыта, высади дверь, только быстрее, я тебя прошу! Иефа, у тебя ноги резвые, дуй в храм, позови Ташу, скажи ей, что нужна помощь! Я в магическую лавку, за Схишшем!

– Зулин, я не могу! Она не пойдет! Мы с ней...

– Иефа, сейчас не время! В храм! Быстро, как можно быстрее!

– Она не пойдет! Зулин! погоди, Зулин! Куда же ты!

– Скажи ей, что старший брат Сильвана умирает! – крикнул набегу Зулин и скрылся в переулке.

– Зулин! – Иефа в отчаянии всплеснула руками и обернулась к Стиву. – Она не пойдет...

– Да беги же ты, ну! – рявкнул Стив и потянул животных за повод.

* * *

"Она не пойдет... Она меня не послушает..." – думала Иефа, несясь во весь опор по улицам Бристоля. Платок сбился на плечи, волосы растрепались. Прохожие с удивлением смотрели ей вслед. Мысли скакали бешеным аллюром – невнятные и лихорадочные. "Она не пойдет... Он эльф... и Натан тоже... дроу ненавидят эльфов... и меня... меня она тоже... ненавидит... Просить... Как я буду ее просить?... Она только посмеется... Но Зулин сказал... Почему он так сказал?... Он что-то знает... явно знает... Старший брат Сильвана... Эльф... Проводник?... Где они были?... И все-таки... Но Таша – дроу... Какое ей дело?... И все-таки... Все-таки! Глупо посылать меня... Она откажет, и Натан умрет... Из-за меня... Или тот, второй... Старший брат?... Их что-то связывает, явно связывает... Иначе Зулин так не сказал бы... Да что думать... Мне просто придется уговорить... В конце концов... Это твоя работа, бард". Иефа ворвалась в храм, пробежала через дворик к флигелю, распахнула дверь и остановилась на пороге, едва дыша.

Таша была там – перевязывала сэра Александра. Она обернулась, посмотрела на Иефу, и уже через несколько секунд удивление на ее лице сменилось насмешкой. Иефа закашлялась, мучительно глотнула воздуха.

– Таша, нужна помощь...

– Что случилось, барышня, пальчик поранила? – недобро усмехнулась дроу и неторопясь направилась к дверям. – Пошла вон, полукровка, или тебе мало прошлого раза?

– Таша, не время сейчас... Пожалуйста... Зулин просил передать: старший брат Сильвана умирает...

В первый и, наверное, в последний раз в жизни Иефа увидела, как бледнеет дроу. Из черного лицо Таши стало серым. Она застыла на секунду, а потом сорвалась с места, на ходу собирая в холщовую сумку какие-то баночки и пучки трав, оттолкнула Иефу и крикнула уже из дворика:

– Да что же ты стоишь, малохолдная, веди!

Уже на подходах к гильдии Иефа испытывала жизненную необходимость начать передвигаться ползком. Еще у ворот храма она успела крикнуть Таше, куда надо бежать, и та моментально скрылась из виду, не дожидаясь полуэльфи. Иефа шла, изредка переходя на бег, и думала о том, что ни в какой поход ей идти нельзя – если, конечно, в этом походе предусмотрены такие вот пробежки по жаре. Добравшись наконец до Магической гильдии, она обнаружила на крыльце невероятно мрачного Стива, скармливающего Смерчу яблоки. Не обращая внимания на удивленный взгляд дварфа, Иефа в изнеможении свалилась рядом с ним на ступеньки. Стив отодвинулся и проворчал:

– Иефа, сдастся мне, с тобой что-то не так...

– Попить что-нибудь есть? – страдальчески спросила Иефа, жмурясь от яркого солнца.

– Нет, с тобой точно не все в порядке, – убежденно проговорил Стив, протягивая полуэльфке флягу. – Ты здесь уже три минуты, а до сих пор не закатила скандал по поводу моего пони.

Иефа оторвалась от фляги и посмотрела на Смерча. Глаза пони светились демоническим красным светом. В сочетании с шипастой сбруей выглядело это довольно зловеще.

– Да ну тебя к монахам с твоим пони. – Иефа снова припала к фляге.

– Точно, заболела. Солнечный удар у тебя, как пить дать.

– Стив, отстань, будь добр. Лучше скажи, как там – Иефа кивнула в сторону входной двери – дела обстоят.

– Дела... – Стив задумчиво почесал бороду. – Ну что – сначала прискакал этот зеленый, из магической лавки, причем так скакал, что Зулин у него в хвосте едва телемпался... А потом – слуханное ли дело – примчалась какая-то свихнутая дроу, и сразу наверх, где раненых сложили. И даже на меня внимания не обратила. Я, говорит, лечить пришла. Смешно – дроу эльфов лечат – чего только не повидаешь на свете... Так до сих пор там и сидят внутри. Опося таких докторов эльфы наши, я так думаю, навряд ли выкарабкаются...

– А Зулин где?

– В книги зарылся, какого-то Векну ищет.

– А этот второй, который Натана вез – наш проводник?

– Видать, что да.

– Ясно... – Иефа вздохнула, вытерла губы и вернула дварфу флягу. – Значит, в поход мы сегодня не идем.

– С чего это?

– Да с того, что не потащим же мы проводника на носилках. Хорош следопыт – на чужом горбу разъезжать!

– Добрая ты... – Стив неодобрительно покосился на Иефу. – Из-за пони скандалишь, а эльфов тебе не жалко?

– А тебе жалко? Хотелось бы знать, где они шлялись на пару и в какую влипли передрагу. Нашли время! Мы тут сидим, как дурачки, а он... Пора, знаешь ли, выходить из города. Или ты думаешь, что отряд гоблинов ждет нас за ближайшим холмиком?

– Да я-то что? Я операцией не рулю, у нас тут Зулин командует. А по поводу проводника – Схишш сказал, что к вечеру Ааронн будет как новенький.

– Это который старший брат?

– Ну да.

– Врешь ты все, Стив, он еле дышал, в седле не держался, какой уж тут поход...

– Ну, чего сразу – врешь? Схишш сказал, что с таким врачом, как эта твоя свихнутая дроу, даже мертвый к вечеру на танцульки убежит, не то, что слегка раненный и вымотанный эльф...

– Ты же сам сказал, что эльфы наши вряд ли выкарабкаются!

– Так то я, а то Схишш – мы с ним к дроу по-разному относимся – это же дураку понятно.

– Не любишь дроу?

– Дварфы вообще не любят дроу.

– А кого дварфы любят?

– Дварфы любят дварфов.

– Да ты космополит, я смотрю.

– Эй, я, кажется, тебя не обзывал!

– А я тебя не обзываю. – Иефа снова припала к фляге. – Я говорю, что ты невероятно терпим к другим расам.

– Можно подумать, ты сильно кого-то любишь. Ты лучше скажи, где ты на дварфском выучилась болтать? Не так часто встретишь... гм...

– Продолжай, не стесняйся... – Иефа криво усмехнулась. – Не так часто встретишь полукровку, говорящую на нескольких языках, потому что полукровки обычно не имеют возможности учиться. Ты это хотел сказать?

– Ну, что-то вроде.

– На дварфском я выучилась болтать у одного очень умного человека, который возился со мной, как с родной дочерью, хоть у меня и острые уши. А тебе, Стив, на будущее хочу дать совет: если не хочешь схлопотать еще одну балладу про бороду, оставь в покое мое происхождение.

– Не пойму я, чего ты так дергаешься. Мало ли полукровок по свету бродит...

– Стив, заткнись.

– Повезливей, барышня!

– Стив, заткнись, пожалуйста.

На крыльце воцарилась тишина. Смерч смачно хрустел яблоком, Стив бубнил себе в бороду какую-то дварфскую песенку. Иефа заскучала. Медленно тянулись минуты, солнце припекало голову. Иефа стянула платок, вытерла лицо и задумчиво заправила за острое ухо светлую прядь. Ну, какое, скажите на милость, дело дварфу до смешения эльфийских и человеческих кровей? А ведь туда же...

– Стив, зачем ты за мной следил?

– Я... я...

– Ну, ведь следил же, как пить дать! Чехол этот дурацкий придумал...

– Я не следил! – Стив, застигнутый врасплох, перестал пыхтеть и старательно изобразил негодование. – Очень нужно мне – что я, дурак, что ли? Вот еще чего выдумала, делать мне больше нечего, глупости какие! Вот уж ты возомнила о себе невесть что! Великая цаца, тоже мне! Нужно мне время свое тратить, за каждой бродячей полукровкой следить... – Стив запнулся, получив ощутимый подзатыльник, и изумленно воззрился на полуэльфку. – Эй, бард, тебе, часом, головушку не напекло?

Иефа сверкнула неожиданно позеленевшими глазами и нехорошо улыбнулась. Выражение лица у нее было явно провокационное. Дварф досадливо сплюнул в пыль: "Вот еще соплинок я не бил..." и ушел в дом, громко хлопнув дверью. Иефа вскочила с крыльца, попинала ступеньки, снесла голову крапиве и звонко выкрикнула несколько забористых дварфских ругательств, смысл которых ей самой был ясен не до конца. Гильдия ответила равнодушной жаркой тишиной, Иефа вздохнула и снова села на ступеньки. Внутрь идти не хотелось.

* * *

"Векна, Векна, Векна... Имя-то какое дурацкое, это ж надо... Векна... Так... Ну, ничегошеньки в этой гильдии разгильдяйской найти нельзя!" Зулин мощно чихнул и помахал рукой, разгоняя облако пыли. Книгами явно давно никто не пользовался. Пока Схишш и Таша колдовали наверху над ранеными, Зулин успел просмотреть четырнадцать свитков по истории магии, два справочника по великим магам прошлого и даже одну тоненькую брошюрку по великим магам будущего. Ни себя, ни Натана, кстати, в этой брошюрке Зулин не обнаружил. В глазах у Зулина рябило от букв, а в нос забилося столько пыли, что хватило бы на небольшую пустыню. Векны в книгах не было. Уже минут десять Зулин с тоской поглядывал на огромный фолиант под названием "О магах великих и посредственных. Энциклопедия. Том первый" и все больше убеждался в том, что изучения бумажного чудища избежать не удастся. Зулин тяжело вздохнул, засучил основательно запылившиеся рукава фиолетового балахона и потащил энциклопедию с полки, чихая и отплеиваясь, когда на лестнице раздались шаги и в комнату, шатаясь, вошла Таша. Вид у нее был измученный. Зулин отвлекся от фолианта и немедленно уронил его себе на ногу, взвыл, запрыгал на здоровой ноге, шипя от боли, и, наконец, приземлился на единственный свободный от бумаг

стул.

– Ну что, как там? – спросил он, кривясь и потирая ушибленный палец. – Живы будут? Что с ними вообще? Когда на ноги встанут?

– Часа два поспят и встанут. – Таша устало привалилась к дверному косяку. – Натан, правда, еще не скоро сможет скакать кузнечиком, а вот Ааронн... – она кашлянула и уставилась в окно. – Ну и пылищу вы тут развели, в своей гильдии... Дышать нечем. Совершенно.

– Так что Ааронн? – Зулин нетерпеливо заерзал на стуле.

– Ааронну нужно отоспаться, вот и все. Несколько часов сна – и пусть хоть в Султанат скачет на подвиги, слова не скажу.

– Молодец, Схишш! Не знал, что он такой знатный лекарь.

– Схишш занимался Натаном. Ааронна лечила я. – Таша вздохнула и обернулась – в комнату вошел Стив.

– Зулин, уйми ее, иначе будет плохо! – дварф пнул ближайшую стопку книг. – Закончится тем, что я придушу ее на каком-нибудь привале у костерка!

– Кого?

– Кого-кого! Певичку нашу, Иефочку! От горшка три вершка, мозгов, как у трясогузки, а вид такой, будто она принцесса и фиалками какает! – Стив упер руки в боки и возмущенно фыркнул.

– Стив, успокойся. У тебя, вон, от негодования аж борода топорщится. Плюнь и забудь. Усмирять бардов не в нашей компетенции.

– Совести у тебя, Зулин, нет! – Стив укоризненно посмотрел на мага. – Нет, чтобы поддержать товарища, посочувствовать хотя бы, ты еще и словами непонятными ругаешься. Что за дурацкая привычка, не пойму!

– Стив, не паясничай. Я практически уверен, что из всех ученых слов и терминов ты знаешь как минимум половину. Не пойму только, зачем пнем-то прикидываться. Лучше познакомься: Таша, целительница. Таша, это Стив.

– И здрасте вам... – Стив исподлобья глянул на дроу. Таша фыркнула и вышла из комнаты. Стив проводил ее взглядом и повернулся к Зулину. – Зулин, ты дурак?

– Это еще почему?

– Ты меня с кем знакомишь? Ты вообще соображаешь – дварфа с дроу знакомить?! А ежели б я ее топором шибанул – так, в виде приветствия? Между прочим, если я правильно соображаю, так это она нашу пигалицу едва не удавила.

– Стив, я тебя не понимаю. Определись, будь добр, со своим отношением к Иефе. Если мне не изменяет память, ты сам минуту назад собирался ее удавить, а теперь возмущаешься.

– Если кто Иефу и удавит, так это буду я, а всяким там дроу непонятным к нашему барду нечего руки тянуть, – насутился Стив.

– О... – удивился Зулин. – Даже так... – Он хотел добавить что-то еще, но передумал и замолчал, погрузившись в изучение энциклопедии. Стив постоял еще некоторое время, воинственно опираясь на топор, но комментариев так и не дождался.

Таша вышла на крыльцо, досадливо морщась – дварф был вовсе не тем, кого ей хотелось бы лицезреть после выматывающего ритуала. Раны Ааронна, хоть и не были очень серьезными, затягивались неохотно, казалось, эльф растратил последние силы в неравном бою и теперь никогда не очнется. Таша знала, что это пройдет – она отдала больше половины своей энергии, вливая в эльфа здоровье почти насильно, и теперь едва держалась на ногах. Очень хотелось присесть на ступеньки крыльца, положить голову на руки и немножко посидеть так, никуда не торопясь, просто посидеть.

На крыльце сидела Иефа. Она подняла голову и тут же отвела взгляд: ругаться не хотелось, но разве с дроу можно по-другому? Не сама ли Таша затеяла эту глупую и, самое главное, бесполезную войну? Иефа ждала, что целительница пройдет мимо, но Таша, как-то почти обреченно глянув на полуэльфку, тяжело опустилась рядом с ней на ступеньки. Иефа опасливо отодвинулась, подобрала подол. Таша сидела молча, бездумно глядя куда-то в

пространство. Иефа чувствовала себя неуютно, она украдкой поглядывала на целительницу, беспокойно ерзая на своем месте. Проще всего, конечно, было встать со ступеньки и уйти в дом, выпросить там у Зулина про здоровье его начальника, сцепиться со Стивом по какому-нибудь незначительному поводу, но кто-то маленький и злорадный нашептывал Иефе на ухо, что дроу обязательно решит, что она, Иефа, испугалась, струсила, видишь ли, Иефочка, струсила и убралась по добру, по здорову... Вот еще! И полуэльфка оставалась сидеть, как прибитая, на ставшей вдруг неожиданно жесткой и неудобной ступеньке, отчаянно пытаясь найти благовидный предлог для отступления. Таша вдруг подняла голову и глянула Иефе прямо в глаза.

– Он вас поведет, да? – спросила она.

– Да... То есть... Кто – он? – Иефа даже начала слегка заикаться от неожиданности. Эта дроу будила в ней какие-то странные, детские чувства.

– Брось... – Таша устало потерла лоб ладонью. – Секреты свои... Поведеет?

– Поведеет, наверное. Если сможет.

– Сможет... Этот – сможет... – Таша усмехнулась криво и невесело.

– Слушай... – Иефа нерешительно запнулась, жалея уже, что начала говорить.

– Ну? – Таша положила голову на руки.

– Почему ты меня тогда... Ну... Ты же ни с того ни с сего... Это потому, что дроу не любят эльфов?

– Что? – Таша удивленно посмотрела на Иефу, задумчиво покачала головой. – Ну да, это потому, что дроу не любят эльфов. – Она еще немного помолчала, потом тяжело поднялась на ноги и пошла прочь, но, сделав несколько шагов, обернулась. – Ты вот что, ты своим скажи, и сама тоже... Не говорите Ааронну, что я его лечила.

– А это почему? Тоже потому, что дроу не любят эльфов? – удивилась Иефа. Таша досадливо дернула плечом.

– Нет, это потому, что эльфы не любят дроу, – процедила она и скрылась в ближайшем переулке. Иефа проводила ее долгим недоуменным взглядом.

– Мда... – сказала она себе.

* * *

В томительном безделье просидели до вечера. Ааронн и Натан спали мертвым сном в комнатах наверху, Зулин, отчаявшись найти что-нибудь полезное в книгах, лениво перебирал бумаги на столе Тирела. Стив, подозрительно поглядывая на странно молчаливую Иефу, остервенело точил топор. После нескольких тщетных попыток продать своего пони рыцарям за большие деньги, предприимчивый дварф окончательно озверел и высказался в том смысле, что настоящие бойцы среди людей и раньше-то встречались нечасто, а теперь и вовсе перевелись, и ездить нынешним рыцарям надо не на боевых скакунах, а... Дальше последовала длинная матерная тирада в лучших дварфских традициях. Стив не мог понять, почему у благородных рыцарей его пони вызывал в лучшем случае истерическое хихиканье, а главное, почему Иефа сидит, уставившись в одну точку, и даже не пытается комментировать происходящее. Самым обидным было то, что ко всем ее предполагаемым комментариям Стив основательно подготовился, придумав с полдюжины достойных ответов, после которых полуэльфка должна была увянуть, как полевая былинка в засуху. Распираемый накопленным красноречием, Стив несколько раз в красках живописал свои попытки продать пони, но реакции так и не дождался, после чего окончательно уверился в том, что коварная пигалица задумала страшное, и решил не спускать с нее глаз до конца похода. Стив слонялся из дома во двор и обратно, поминутно задевая Иефу топором, пока она не встала и не ушла куда-то в дом, и, в конце концов, совсем заскучал. Он попытался было развлечь себя, доказывая Зулину, что Боевой Магический пони необходим в походе, но Зулин на провокации не велся и отвечал односложно, не отрываясь от бумаг.

Ближе к вечеру вниз спустился Схишш. Отказавшись отвечать на какие-либо вопросы, он деловито покопался в шкафу, выудил бутылку вина – явно заначенную на черный день Натаном – и степенно удалился на крыльцо, набивая на ходу длинную трубку. Зулин присоединился к нему пять минут спустя, подумав про себя, что греющийся в лучах закатного солнца ящер с бутылкой вина в лапах и трубкой в зубах смотрится просто шедеврально. Стив вышел во двор и сделал вид, что отрабатывает технику владения топором, а сам внимательно прислушивался к разговору, но ничего полезного не услышал – Схишш категорически не желал говорить о пациентах, более того, он еще и поинтересовался у дварфа, с каких пор он нанялся в Магическую гильдию колоть дрова. Стив разобиделся и ушел в дом. Неуемная жажда деятельности провела Стива по всем незапертым комнатам гильдии, дварф даже сунулся было на второй этаж, но там так несло смесью паленого можжевельника, эвкалипта и чабреца, что Стив исследовать оный этаж передумал. Из-под лестницы донеслись тихие звуки лютни, и Стив отправился туда. В маленькой коморке, видимо, будущей кладовой, отгородившись от окружающего мира, уютно устроилась Иефа, сосредоточенно мурлыкая себе под нос что-то явно рифмованное. Она подняла на Стива отрешенный взгляд, и некоторое время смотрела так, но потом словно вернулась из какого-то своего мира и недовольно сдвинула брови.

– Что ты делаешь? – вполне дружелюбно, как ему показалось, поинтересовался Стив.

– Балладу пишу, – очень нелюбезно буркнула в ответ Иефа и снова склонилась над лютней, давая понять, что разговор окончен. Стив намек не понял. Ему казалось, что беседа протекает во вполне дружеской обстановке. Стив решил закрепить результат.

– Какую балладу? – поинтересовался он, удобно устраиваясь на табурете.

– Черно-белую, – Иефа снова подняла голову и так выразительно посмотрела сначала на дварфа, а потом на дверь, что, по идее, у незваного гостя не должно было остаться сомнений по поводу своих дальнейших действий. Но Стив не внял. Еще слоняясь по гильдии, он сказал себе, что будет умнее и сделает первый шаг к примирению со строптивой пигалицей, а потому твердо решил быть общительным и приятным в общении и упрямо не замечал грубости барда.

– Это как – черно-белую?

Иефа страдальчески поморщилась и закатила глаза.

– Ты не поймешь.

– Почему?

– Потому что ты – дурак. Стив, ты можешь оставить меня в покое? У моей лютни на тебя аллергия.

– Сама дура, – оскорбился Стив. – Да еще ко всему и хамка. Да! И выскочка. И... и... Певичка драная!

– Что? – неожиданно сильным голосом переспросила Иефа. – Кто? Как ты меня назвал?

"Ишь, как ее разобрало, – с некоторым удовлетворением подумал Стив. – Надо же, она так даже на "полукровку" не вскидывалась!"

– Певичкой я тебя назвал, да еще и драной. Выскочка и гордячка, пигалица несчастная!

Иефа стала пунцового цвета и вскочила на ноги:

– Стив, зачем ты сюда пришел?! – закричала она, сжимая кулаки. Лютня жалобно тренькнула. – Я тебя спрашиваю – зачем ты сюда пришел?! Я тебя звала?! Я тебя просила сюда приходить?! Господи, да я еле нашла укромное место в этой растреклятой гильдии, где ты не будешь топтать своими ножищами, размахивать топором, пыхтеть и благоухать потом и чесноком, задавать глупые вопросы и действовать мне на нервы – так нет же, ты и здесь меня нашел! Я пишу балладу – понимаешь ты, бестолочь, – и очень хочу, чтобы меня хотя бы на пару часов оставили в покое!

– Ты гляди, кака цаца! – Стив воинственно встопорщил бороду. Ему очень не понравилось слово "бестолочь", да и вообще – не пристало благородному дварфу молча выслушивать всяких там... – Я тебя тихо-мирно спросил, очень даже вежливо, а ты что? Интересно, на каком сеновале таких дам воспитывают! Или ты решила, что если ты песенки

пописываешь и харизма у тебя большая, так я от тебя все терпеть буду молча?!

Иефа пошла пятнами – "харизма" добила ее окончательно.

– Пошел вон отсюда, болван! Недоразумение бородатое! Я твоим мнением не интересовалась! Что ты лезешь ко мне все время?! Если тебе больше заняться нечем, иди Смерча покорми, изверг! Изувечил животное себе на потеху, так хоть голодом не мори!

– А вот это не твоего ума дело! – моментально взъярился Стив – похоже, пони стал для него больной темой надолго. – Я вообще не понимаю, какой от тебя прок! Ума с кулачок гномий, а туда же – информацию она собирает! Вот хотелось бы посмотреть, как ты за мою спину прятаться будешь, когда на нас нечисть полезет!

– Я прятаться буду?! – Иефа даже заикаться стала от возмущения. – За твою спину?! Да чтобы за ней спрятаться, мне на корточки присесть придется! Недомерок!

– Полукровка!

– Да ты... Ты...

В коморке явно запахло убийством – Стив недвусмысленно перехватил поудобней топор, Иефа взяла наперевес многострадальную лютню. В запале ссоры ни дварф, ни полуэльфка не слышали шагов на лестнице, а потому появление постороннего зрителя было для них неожиданным.

– Что здесь происходит, можно узнать?

Иефа резко обернулась, собираясь послать неожиданного визитера куда подальше, но так и осталась стоять с открытым ртом. Стив ревниво засопел. На пороге кладовки стоял, скрестив руки на груди, старший брат Натаниеля Сильвана. Ааронн был высок и черноволос, строен, но без томного изящества, которым так гордился Натан. В его темно-карих глазах не было и намека на игривость – Иефе показалось, что на нее внимательно и слегка удивленно смотрит сама лесная мудрость, смотрит не осуждающе, но и без одобрения. Полуэльфке стало стыдно – как-то сразу она ощутила себя визгливой базарной бабой, поднявшей крик из-за гнилой картофелины.

– Вы, кажется, спорили о чем-то? – вежливо спросил Ааронн. – Простите, что прервал. Ваши голоса привлекли мое внимание.

– Мы... Видите ли, мы... – пробормотала Иефа, пытаясь облечь в приличную форму фразу: "Мы орем потому, что один безмозглый дварф..." – А как вы себя чувствуете? – упавшим голосом спросила она, так и найдя достойной формулировки.

– Благодарю, гораздо лучше. Просто удивительно, как Схишш сумел справиться с нами обоими за такое короткое время.

– Так ведь... – начал Стив, но полуэльфка скроила страшную рожу, и он осекся. – И вообще, не имею чести знать!

В темных глазах эльфа мелькнуло что-то, похожее на насмешку.

– Ааронн Сильван, к вашим услугам, – он слегка поклонился. – Если не ошибаюсь, именно вас я поведу в леса. Поэтому хотелось бы узнать и ваши имена.

– Стиван из Утгардов, Страж Ворот, Второй в семье! – Стив вызывающе уставился на проводника.

– Иефа, бард. И... И простите нас за тот шум, который мы тут подняли, – пришла в себя Иефа. – С дварфами иногда очень сложно договориться. А Зулина вы найдете на крыльце – он командует походом, поэтому все детали лучше обсудить с ним.

Ааронн коротко кивнул и вышел из коморки, тихонько прикрыв за собой дверь. Иефа и Стив постояли еще с минуту, сверля друг друга взглядами. Иефа не выдержала первая, презрительно фыркнула и отправилась вслед за эльфом, махнув подолом. Стив последовал за ней, недовольно бурча.

* * *

На закате поисковая партия выходила из города. Зулин, который настаивал на

тщательной конспирации, мысленно рвал на себе волосы: только ленивый не оглянулся бы на живописную процессию. Первым ехал, закутавшись в темно-зеленый плащ, окончательно оправившийся от ран Ааронн, за ним, устроившись в седле по-женски боком и гордо задрав подбородок, следовала Иефа с неизменной лютней за спиной, но это было еще полбеды. Разумеется, наибольший интерес и восторг у редких прохожих вызывал Стив, восседавший верхом на Магическом Боевом пони и воинственно зыркавший по сторонам.

Бедняга Смерч в сгущающейся темноте смотрелся воистину устрашающе – светящиеся демоническим красным светом глаза вкупе с шипастой сбруей производили неизгладимое впечатление. Зулин втянул голову в плечи, надвинул пониже капюшон балахона и тихо ругался с досады. Зверь, который вырос настолько, что едва помещался в седле перед своим хозяином, мысленно с ним соглашался.

"Глянь-ка, глянь, мажеская гильдия банду отрядила – гоблинов бить..." – услышал Зулин восторженный шепот торговли пирожками. Женщина глазела на процессию, раскрыв рот, и аж покраснела от желания поделиться новостью со всем городом. "Тайная миссия, заberi меня демон Баатора! – исходил возмущением Зулин. – Как это еще они не распевают боевые песни! И это секретная поисковая партия! Один бороду топорщит верхом на еже-переростке, вторая харизму, тьфу, телеса свои выпятила, а проводнику вообще все до коровьего хвоста – меланхолик хренов!"

Старший брат Натана Сильвана вызывал у Зулина весьма противоречивые чувства: с одной стороны, он был хорошим дополнением к команде – знал друидскую магию, в лесу ориентировался с закрытыми глазами, отлично стрелял из лука и арбалета, к тому же недурно дрался на мечах. В присутствии Ааронна Иефа почти не вступала в перепалки с дварфом, только выразительно поднимала брови, закатывала глаза и тяжело вздыхала, всем своим видом выражая презрение, а Стив, в свою очередь, по большей части угрюмо молчал, только изредка бубнил под нос что-то невразумительное, хмуро поглядывая на невозмутимую спину эльфа. С другой стороны, какое-то шестое чувство подсказывало Зулину, что его авторитета руководителя, и так державшегося на честном слове, для Ааронна вообще не существует. Эльф был сам по себе и, пожалуй, весьма удивился бы, если бы кто-то вздумал ему приказывать. К тому же, он был братом начальника. Этот факт ставил Зулина в тупик и очень раздражал – ну как тут соблюдать субординацию, скажите на милость? И, в довершение всего, рядом с Ааронном маг чувствовал себя не то, чтобы деревенщиной, но... Было в эльфе что-то такое, что заставляло Зулина хорошенько подумать, прежде чем что-то сказать.

Стива эльф откровенно раздражал. Если бы кто-нибудь спросил дварфа, что конкретно ему не нравится, вряд ли он смог бы внятно ответить. Но Стив не был склонен к самоанализу, а потому подобными вещами не заморачивался – эльф не нравился ему, и все тут. Кто знает – размышлял Стив, подгоняя Смерча, – может, все эльфы такие – ну, надменные, что ли, – тогда понятно, почему Иефа такая вредная. В ней, правда, еще и человеческая кровь намешана, но эльфийской явно больше. Вон как на соплеменника зыркает потихоньку, думает, что никто не замечает! Ну конечно, плечи широкие, глаза с поволокой, рожа постная, – так она уже и растаяла... Одним словом – баба. А только нужна она ему, как дварфу зонтик. Чистокровные полукровок не жалуют, так что ей ничего не обломится. Вон как спину-то выпрямила, словно аршин проглотила. Небось, ради Стива так не хорохорилась. Ничего, вот попрут на них толпы вражеские, посмотрим еще, от кого больше пользы будет, от него, Стива, или от этого хлыща остроухого...

Иефа поглядывала на Ааронна и придумывала балладу. Ну и что, что никогда не посмотрит на нее такой вот эльф – зато песня останется. И потом, кто знает...

Ааронн дремал в седле. Ему снилось парное молоко и пирог с яблоками.

Глава 8

– А почему солнышко яркое?

– Потому что горячее.

– А солнышко танцевать умеет?

– Нет.

– А бывает солнышко не на небе?

– Нет, Елена, не бывает. Не мешай мне, иди, поиграй в каминную.

– А ты врешь?

– Почему ты так говоришь?

– Ты сказал, что солнышко не на небе не бывает, и что танцевать не умеет – тоже сказал. А у тебя солнышко сейчас танцевало, я видела! Маленькое такое... Почему?

– Сестренка, тебе показалось. Лучик в окно заглянул, и тебе привиделось, что целое солнышко. Иди, играй, мне нужно заниматься.

– Ты обманыватель! Я папе скажу, что ты в библиотеке солнышко танцевать заставил!

– А я папе скажу, что ты без спросу в библиотеку забралась, и он тебя накажет – без сладкого оставит. Тебе ведь не разрешают ходить в библиотеку?

– Но ведь солнышко плясало! А ты мезравец и обманыватель!

– Надо говорить "мерзавец" и "обманищик", а на сладкое сегодня эклеры. Так что давай, жалуйся, ябеда.

– А ты будешь сердиться, если я буду ябеда?

Хмурый черноволосый подросток вдруг широко и немного смущенно улыбнулся, неловко погладил маленькую курносую девчушку по каштановым волосам. Он устал от книг; от того, что сфера никак не получалась; от формул, при произношении которых приходилось изо всех сил контролировать артикуляцию; устал прятаться и бояться, что кто-нибудь ненароком узнает, какого рода занятия удерживают его в пыльной прохладной библиотеке родового замка. А на дворе – май, трава буйствует, ветер теплый и сладкий, и очень хочется жить во весь дух. И Елена когда-нибудь обязательно проболтается на кухне или няне, что брат заставлял танцевать солнышко, и тогда... тогда... Лучше не думать, что будет тогда. Единственный способ заставить ее молчать – сделать своей помощницей. Читай – соучастницей. Объяснить, когда уже не будет дороги назад, что ее ждет, если кто-то узнает. Но ведь она еще маленькая...

– Ты будешь сердиться, да? Надуешься?

– Надуюсь.

– И гулять со мной не будешь?

– И гулять.

– Тогда я не буду ябеда. Я тогда буду рыба-молчунья. А ты меня любишь?

– Конечно.

– Очень?

– Очень.

– Честно?

– Честно.

– А ты на мне поженишься, когда я буду большая, а ты старый?

– Надо говорить "женишься". Нет, Елена, не женюсь.

– Почему?

– Потому что братья на сестрах не женятся.

– Фу, неправильность какая глупая. А если сильно-сильно любят?

– Все равно не женятся.

– Я тогда на конюхе женюсь!

– Надо говорить "выйду замуж"!

– Не хочу! Не хочу! Не хочу!

– Елена, не скандаль. Иди, поиграй.

– Не хочу!

Он слушал, как удаляется по коридору топот маленьких ножек, и улыбался, сам не

ведая, чему. Над письменным столом, там, где лопнула, едва успев появиться, малюсенькая огненная сфера, пахло гарью и кислотой. Он тяжело вздохнул, помахал перед лицом ладонью, разгоняя синеватое облачко, и углубился в книгу.

"Надо будет обязательно запомнить этот сон", – подумала Иефа и, не открывая глаз, перевернулась на другой бок. Спать было ужасно жестко, что-то немилосердно кололо в бок, сырость пробиралась под одежду и гоняла по спине толпы мурашек. "Надо закрыть окно", – подумала Иефа. Вставать не хотелось. Девушка закуталась потеплее, спрятала подбородок в одеяло. Пахло мокрыми листьями и корицей, а еще дым от костра противно щипал в носу. Стоп. Костер? Иефа подскочила, как ужаленная, запутавшись в одеяле, и ошалело огляделась. С вечера в лагере ничего не изменилось: Стив богатырски храпел в обнимку с топором, подложив под голову коричневый мешок с неизвестным содержимым, Зулин спал, свернувшись калачиком, почти как его выросший до невменяемых размеров фамилляр. В прочем, Зверь больше делал вид, чем спал, и свет молодого месяца иногда поблескивал в щелочке полуприкрытого глаза. Иефа повертела головой, отыскивая Ааронна, но не нашла. Эльф дежурил первую половину ночи и, видимо, бесшумно бродил теперь где-нибудь поблизости. Костер почти догорел. Иефа поежилась, вылезла из-под одеяла, пошевелила угли, подкинула хворосту. Время перевалило за полночь. Спать хотелось невыносимо. "Странно, – подумала Иефа, забираясь обратно под одеяло, – можно подумать, первый раз я так ночую. Разнежилась в Бристоле, под крылышком у мэтра Бену, отвыкла. Тоже мне, мимоза. Барынька". Она полежала еще немного, сердясь на саму себя, а потом стала вспоминать странный сон, черноволосого подростка, пыльные книжные полки, курносую девочку – и сама не заметила, как уснула. Во сне вокруг Иефы летали огненные шары, и толпы гоблинов охотились за ее новыми замшевыми ботинками. Гоблины с мерзким хихиканьем подбирались все ближе и сверкали глазами. Иефа отчаянно отбивалась, демонстрируя небывалое мужество, но враги все-таки добирались до ее ног и откручивали от несчастных ботинок блестящие серебряные пряжки. Иефа вздыхала и ворочалась во сне. Изувечив ботинки, гоблины взялись за руки и начали водить вокруг Иефы хоровод, пыхтя и громко топая ногами. Девушка и думать забыла про черноволосого подростка – растерзанные ботинки взывали к мести, полуэльфка выхватила невесть откуда взявшийся меч и начала крушить врагов направо и налево, выкрикивая боевой клич лесных эльфов. Гоблины пугались, но продолжали пыхтеть. Огненные шары вернулись, обросли бородой и начали плясать перед лицом Иефы, благоухая чесноком. Где-то на заднем фоне прошептал степенный мэтр Бену в клоунском колпаке, его шею украшал шелковый платок изумрудного цвета, завязанный кокетливым бантиком. Во сне Иефа так удивилась, что не заметила, куда вдруг подевались гоблины, и почему под ногами старые каменные плиты, и пыль пляшет в лунном луче. Шелестели книги, а потом небо обрушилось на Иефу синим водопадом, и она обнимала облака, а потом вдруг начала падать, падать, падать, и встретила загадочный, долгожданный и отчаянно безразличный взгляд. Мама?

* * *

В два часа ночи Ааронн с четвертой попытки растолкал Стива и, не говоря больше ни слова, улегся спать. Стив протер глаза, с завыванием зевнул и неодобрительно посмотрел на эльфа. "Ишь, устроился, пижон остроухий! – мысленно возмущился Стив. – Нет, чтоб сказать, – так и так, дежурство прошло спокойно, никакой подозрительной нечисти замечено не было, принимай, брат, вахту... Конечно, какой я ему брат! Мы ж быдло необразованное, не то, что некоторые". Стив с кряхтением поднялся на ноги, махнул, разминаясь, топором, пару раз присел, со смаком чихнул прямо над головой Иефы, удивился, почему она не проснулась, и отправился в дозор. Черная августовская ночь проглотила Стива, коснулась пальцами волос, легонько подула в лицо и улыбнулась. Дварф очарованию не поддался. Подумаешь, ночь! Как вспомнится, что Смерчик его любимый стоит сейчас один-одинешенек в чужом

стойле, печально красными глазами светит и вероломного хозяина вспоминает незлым тихим словом, так уж совсем не до романтики всякой сопливой становится. А все этот эльф, будь он неладен! Стив насупился и отмахнулся от одинокого комара. Нет, определенно, все эльфы снобы и зазнайки.

Накануне вечером, когда поисковая партия, наконец, вышла из города, Стив еще сомневался в злобности Ааронна. Подумаешь, молчит и внимания ни на кого не обращает, – ничего удивительного, на то он и эльф, компании со всякими разными личностями водить не привык, и вообще, что с него взять – он же друид! А те все, как один, на голову стукнутые, это Стиву еще дед говорил. Эльф ехал молча, внимания ни на кого не обращал, Иефе глазки не строил, язвительных замечаний по поводу Смерча не отпускал. А уж когда ближе к ночи Ааронн остановился у невзрачного придорожного трактира, так даже показался Стиву вполне симпатичным, несмотря на свой неприступный вид. Небось, ни Зулин, ни Иефа об ужине не позаботились, а проводник – вот молодец! – сообразил. Сразу видно, тертый калач. И вообще, глупо было на ночь глядя начинать поход – все как-то лучше с утра, на светлую голову да на сытый желудок. Стив оживился, подбодрил Смерча дружеским тычком в бока и подъехал к трактиру почти одновременно с эльфом.

Конечно, трактиры бывают разные: одни получше, другие похуже, где-то вам подадут жирный кусок баранины, а где-то главным мясом в тарелке окажется случайно забредший в нее таракан. На своем веку Стив повидал уйму всяких трактиров и давно пришел к выводу, что еда едой, а уж крыша везде одинаковая, конечно, если не протекает. Поэтому непрезентабельный вид трактира, перед которым они остановились, дварфа не смутил. Стив поправил топор и принялся – пахло чем-то невразумительным, но вполне съедобным. Жбан еды, напиток покрепче и лавка пошире – чего еще надо путешественнику? Подумаешь, ступеньки земляные, ставни покосились, и краска со стен давно облупилась, это еще ни о чем не говорит. Может, там лучший повар в мире, или пиво свежее!

– Мамочки мои, что это? – раздался у него за спиной невероятно мрачный голос Иефы. Стив обернулся. На лице полуэльфки смешались ужас, изумление и брезгливость.

– Это трактир, – вежливо объяснил Стив, решив не ввязываться в спор.

– Это больше похоже на сумасшедший дом. Ты уверен, что это именно трактир, а не что-то другое? Ты на вывеску посмотри.

Стив поднял глаза, присмотрелся и, не удержавшись, басом хихикнул. По всей видимости, когда-то трактир назывался "Дикая кукушка" и в те достославные времена не то, чтобы процветал, но хотя бы крепко держался на ногах. На вывеске была мастерски изображена истеричного вида птица, а название выложено медными буквами. Однако, судя по всему, для "Дикой кукушки" настали не лучшие времена или хозяин оказался страшным неряхой, но вывеску не чинили и не подправляли уже лет сто, она потемнела и облупилась, большинство медных букв отвалилось, остались только четыре. Эти буквы теперь и составляли название трактира. Надпись над головой истеричной птицы гордо гласила: "Куку"

– Я чувствую, такими темпами мы сами скоро станем "куку", – Иефа выразительно покрутила пальцем у виска. – Зачем мы вообще сюда приехали?

– Поужинать, я полагаю, – подал голос Зулин. – Спасибо, Ааронн, что проявил инициативу. Я, собственно, и сам подумывал о том, чтобы остановиться на ночь где-нибудь под крышей. Последняя цивилизованная ночевка, так сказать.

– Ну, на счет цивилизации ты, по-моему, погорячился, – с сомнением пробормотала Иефа.

– Да ладно вам, барышня, – Стиву так понравилась мысль об ужине, что он стал даже несколько игрив. – На простынях почти чистых поспите, а ежели клопы – так зовите, я их топором, топором...

– Вот что я тебе скажу, Стив... – моментально взъярилась Иефа, но тут подал голос эльф.

– В двух часах пути отсюда большак, – сказал он тихо. – В темноте следов почти не

видно, но я уверен, по большаку мы пройдем совсем немного – скоро свернем в лес. Ужинать тут я вам не советую, а вот лошадей и пони оставить придется.

– Да ладно, не отравой же тут кормят, в конце-концов, – беспечно отмахнулся Стив, но тут до него дошел смысл сказанного. – Стоп, что значит – оставить придется? Это где оставить? Здесь оставить? Умом рехнулся? Да из моего Смерча через два дня котлеты сделают! Выдумал тоже, оставить! И не подумаю! Это Боевой Магический пони, он специально для походов придуман! Вы, если есть охота, топайте на своих двоих, а я без Смерча никуда не пойду!

– А тебя никто и не зовет, – фыркнула Иефа, спешила, привязала лошадь и вошла в трактир.

Стив девятый раз обошел вокруг лагеря и с ненавистью посмотрел на сопатийцев. Спят, паразиты. Воспоминание о том, как он сидел с отвисшей челюстью на спине лохматого шипастого пони перед обшарпанной дверью трактира, не сумев ничего возразить, молчал и невыносимо краснел, жгло Стива хуже раскаленного железа. Где-то глубоко в душе дварф признавал, насколько, должно быть, нелепо он выглядел – особенно по сравнению с подтянутым и невозмутимым эльфом, – но в жизни никогда и никому в этом не признался бы. Даже себе. В прочем, легче от этого не становилось.

Внутри трактир оказался еще гаже, чем снаружи, у хозяина нехорошо бегали глаза, и во всей его позе так и читалось желание содрать с нежданных посетителей по максимуму. Иефа брезгливо морщилась, опасаясь поставить локти на липкую поверхность стола, Зулин авторитетно хмурил брови. Разговор состоялся тяжелый и невыносимо глупый, планар строил из себя большого начальника, взывал к воинскому долгу Стива, ссылаясь на свой командирский авторитет. Дварф никак не мог понять, каким образом связаны авторитет и пони, прекрасно видел, что и сам Зулин это не до конца понимает, и смутно угадывал за всем этим бредом молчаливое присутствие эльфа. Ааронн в беседу не вмешивался. Он сидел, сложив руки на груди, молчал и переводил невозмутимый взгляд из-под прикрытых век с одного спорщика на другого. В какой-то момент Стив обнаружил, что давно уже не вслушивается в то, что горячо втолковывает ему Зулин, а спорит, спорит, спорит, до одури спорит с эльфом, который и не думает ему возражать. Осознав это, Стив запнулся и побагровел, горько жалея о том, что Ааронн не гоблин, и что его нельзя как следует шандарахнуть чем-нибудь по башке. А тут еще Иефа, будь она не ладна, подлила масла в огонь, язвительно поинтересовавшись, почему Стив разводит такую канитель вместо того, чтобы продать своего знаменитого пони за огромные деньги, как, собственно, он и собирался поступить с самого начала? Не потому ли – тут голос Иефы стал похож на патоку – Стив так нервничает, что наконец-то сам понял, что из его затеи ничего не выйдет? Стив тут же ощутил непреодолимое желание шандарахнуть чем-нибудь по башке и ее тоже, а потому ответил в том смысле, что всяких худосочных певичек в мужской разговор вмешиваться не просили, и вообще – лучше бы она сидела дома и пироги пекла (самое женское занятие), потому что проку от нее пока никакого, одно беспокойство. Назревала драка.

Стив вдохнул ночной воздух и уныло поковырял землю носком ботинка. Мда, дураком он себя выставил, чего уж тут. После того, как Иефа, побледнев от ярости, схватилась за рукоять полуторника, подаренного Трором Дортагом, дварф опомнился, но идти на попятную было уже поздно. Иефа сверкала глазами и запальчиво требовала, чтобы Стив, раз он такой мудрый и изобретательный, хоть раз в жизни доказал свою мудрость и изобретательность, а не сидел пень пнем, купая усы в мерзком пойле, которое пивом называли исключительно по ошибке. Положение спас Зулин. "А вы пари заключите", – сказал он, как-то странно улыбаясь. И они тут же заключили пари: если Стиву удастся продать пони хотя бы за медную монету, Иефа будет готовить завтраки, обеды, ужины и даже полдники до завершения миссии. А если не удастся... Стив бродил вокруг лагеря и думал, что лучше бы он насмерть подавился пивом, когда соглашался на это пари, всяко сраму меньше было бы. А так...

Хозяин смеялся долго, жмуря маленькие плутоватые глазки и подрагивая дряблым

пивным брюшком, смеялся с удовольствием, вкусно смеялся, от души. А потом выдвинул свои условия: Стив оставляет Смерча и платит пять золотых в неделю за постой, отдельно золотой в неделю за прокорм, и – тут хозяина снова затрясло от смеха – два золотых в неделю за ужас, который испытают посетители трактира при виде демонической скотинки. И деньги – вперед. Стив согласился. И даже не двинул в небритую хозяйскую челюсть пудовым кулаком. Не выругался даже ни разу. Так-то вот.

От расстройства Стив употребил огромный кувшин сомнительного пива и целую миску еды неизвестного происхождения, а потом не мог уснуть до рассвета: вертелся на грязных простынях, проклинал клопов и с тоской прислушивался к заунывным руладам, которые выводил его желудок. На утро трещала голова, и во рту было сухо. Спустившись по трухлявым ступенькам вниз, в общую залу, Стив обнаружил всю компанию в сборе и с некоторым удовлетворением отметил, что сопартийцы провели ночь не намного лучше. Злая на весь мир Иефа остервенелась почесывалась, и вид у нее был такой, что Стив посчитал себя отмщенным. Оставляя за спиной трактир, Смерча и увесистый мешочек золота, Стив пытался понять, почему каждый раз, когда вмешивается Иефа, он, как последний дурак, ведется на провокацию, а потом мучается от собственного идиотизма. Ну не потому ведь, что он действительно небольшого ума? Или все-таки потому? Размышляя над этим сложным вопросом, Стив сперва совсем было пал духом, а потом разозлился. Ему казалось, что компания подчеркнуто не обращает на него внимания, а на самом деле каждый из них только о том и думает, как он вчера сглупил. Солнце начинало понемногу припекать, дорожная пыль противно забивалась в нос, очень хотелось пить. Скорее, даже выпить.

Ааронн шел впереди, по своему обыкновению, молча, и непонятно было, то ли он просто всех игнорирует, то ли занят поиском следов. Иефа шла следом, угрюмо глядя по сторонам, вид у нее был не выспавшийся. Замыкал шествие Зулин, вплотную занятый общением со своим фамилъяром. Разглядывая довольного жизнью Зверя, Стив ощутил новый прилив возмущения.

– А хотел бы я знать, – громко сказал он, остановившись посреди дороги и воинственно выставив вперед бороду, – хотел бы я знать, по какой такой причине мой пони кажется вам большей обузой, чем этот разжиревший теленок?! – все, включая Зверя, обернулись.

– Во-первых, это не теленок, а кот, – с достоинством ответил Зулин. – А во-вторых, он незаменим в деле распутывания следов – у него природный талант. К тому же, кормить его не надо, пищу он себе будет добывать сам.

Зверь выразительно глянул на Зулина, негодуя фыркнул и, видимо, протелепатил что-то не совсем цензурное, во всяком случае, планар заметно смутился и замолчал.

– Смерча тоже кормить не надо, он травоядный, – насутился Стив. – А что касается следов...

– То твой рогатый пони будет бесшумно красться по лесной чаще и сообщать о находках условным криком, – язвительно перебила его Иефа. – Перепелкой будет кричать, к примеру. Стив, твой пони умеет кричать перепелкой?

Вспоминать последующий спор Стиву не хотелось совершенно. Достаточно того, что, свалив дурака в трактире и поспорив с Иефой, он нес теперь вахту и за нее, и за себя. На ночных дежурствах настоял Зулин. Час за часом глядя в спину эльфу, планар испытывал томительное беспокойство: ему хотелось отдать какое-нибудь дельное указание, которое сразу показало бы всем и каждому, кто командует операцией. Как назло, ничего путного в голову не приходило. Зверь, которого он зарекомендовал как опытного следопыта, возложенных на него надежд не оправдал. Зулин отправил его в лесные заросли и приказал двигаться синхронно с партией параллельно большаку, подробно рассказывая обо всем, что увидит по дороге. В течение четырех часов Зулин получал мысленные образы упавших в траву шишек, веточек, листиков, детальные описания жуков, бабочек и кузнечиков, два раза наслаждался красотой бледных поганок, один раз впечатлился стремительной грацией белки и окончательно сломался на описании жука-навозника. Вызвать Зверя обратно на большак не позволяло уязвленное самолюбие и нахмуренные брови Стива. Зулин мысленно обозвал

Зверя недотепой, на что получил вполне резонный ответ, что Зверь – фамилляр молодой, всего-то пару дней от роду, шпионскому делу не обучен и вообще не понимает, чего в принципе от него хочет неугомонный хозяин. "Демон Баатора! – подумал Зулин. – Собственный фамилляр будет учить меня, как обращаться с магическим животным!"

К середине дня Стиву стало казаться, что теперь они так и будут всю жизнь идти по пыльной раскаленной дороге, все реже и реже встречая крестьянские телеги, направляющиеся в Бристоль. Не утешало даже то, что дорога шла на северо-восток, – прохладней от этого не становилось. Стив был уверен, что весь мир ополчился против него: Иефа выиграла пари, Ааронн заставил бросить Смерча в "Дикой кукушке", Зулин требует беспрекословного подчинения, и эта жара никогда не кончится. А могла бы! Пиво же вот – кончилось...

В два часа пополудни Ааронн, которого Стив успел уже тихо возненавидеть, вдруг остановился.

– Занятно, – сказал он себе под нос.

– Следы исчезли? – с неожиданной надеждой в голосе спросил Зулин, и Стив с чувством глубокого удовлетворения подумал, что от жары страдает не он один.

– Наоборот, появились. Сразу и много.

– Где? – Стив во все глаза уставился на дорогу, но ничего, кроме пыли, не увидел.

– Ты хочешь сказать, что до этого мы шли по большаку наобум? – ах, ну да, это Зулин не утерпел, решил опять поиграть в начальника. – А если бы следы не появились, что тогда? Возвращаться бы пришлось?

– Я хочу сказать, – терпеливо объяснил эльф (Стив даже чуток умилился – надо же, снизошел, поганец остроухий!), – что раньше обнаружить следы было сложно, потому что это большая дорога. По ней ездят, ходят – в одиночку и группами – к тому же, дождей давно не было. ("И при чем тут дожди?" – подумал Стив). А теперь следы появились, причем такие четкие и в таком количестве, словно их специально для нас оставили. Практически столбик с дорожным указателем.

Стив еще раз с надеждой посмотрел на дорогу, но ни следов, ни столбика не увидел. "Выпендривается, – порадовался своей проницательности дварф. – Как пить дать, перед пигалицей нашей выпендривается!"

– И что теперь? – поинтересовалась Иефа.

– Теперь нам нужно решить, в какую сторону идти, потому что след растроился. Они разделились на три группы: одну большую и две маленькие. Большая свернула на юго-запад, к рыбацким поселкам, и, судя по всему, как раз сейчас грузится в лодки. Две маленькие ушли в леса, одна на север, другая на северо-восток, почти параллельно большаку. В северной группе штук семь гоблинов и один кобольд, в северо-восточной – примерно столько же, только вот на счет кобольда я не уверен – сильно натоптано. Мне кажется...

– Я, как командир партии, – встрял Зулин, упирая на слово "командир", – считаю, что...

– Да где ж тут эти следы-то? – громко удивился Стив. – Ты нам, часом, голову не морочишь, а?

– Лучше послушаем Ааронна, – сказала Иефа. – В конце концов, проводник – он, а не кто-то другой.

– Я, как командир отряда... – начал беситься Зулин...

Время шло к рассвету. Стив зевнул с подвыванием и подумал, что дежурить, в сущности, не так уж плохо – никто не бубнит на ухо о своем статусе командира и не отпускает язвительные замечания. Страшно подумать, чем бы кончилось бурное обсуждение на дороге, если бы не Ааронн. Эльф долго стоял и слушал, как Зулин пытается навести порядок в "сплоченных" рядах отряда, а потом молча развернулся и нырнул в заросли. Первой опомнилась Иефа. Она презрительно фыркнула в сторону спутников и бесшумно исчезла вслед за Ааронном – Стив даже слегка позавидовал, до того здорово получилось. Ничего не оставалось делать – эльф ушел в северном направлении, и Зулин, протелепатив Зверю о смене маршрута, махнул рукой дварфу и тоже сошел с дороги. Возражать не

хотелось, хотя лично он, Стив, отправился бы лучше к рыбацким поселкам. Там и отряд побольше (есть, кого бить), и места повеселее, и трактиры, небось, в количестве двух-трех штук имеются. А впрочем... На север, так на север. Гоблины – они и на севере гоблины.

По лесу шли целый день, один раз нашли следы костра. Ааронн с сомнением покачал головой, но ничего не сказал, а Зулин тут же объявил военное положение. Стив хмыкнул в бороду, но благоразумно промолчал: чем бы дитя ни тешилось... Тем более, что ничем особенным военное положение не грозило. Зулин, однако, успокаиваться даже не думал. Военное положение – объяснил он – предполагает определенный порядок построения, который не следует нарушать ни при каких обстоятельствах. Этот порядок нужно установить прямо сейчас, чтобы потом, в случае чего, не тратить время. Партия посмотрела на Зулина с раздражением – всех устраивал тот порядок, в котором они шли. Иефа даже открыла рот, чтобы сказать что-нибудь язвительное, но тут на поляну с невнятным мяуканьем выскочил Зверь, явно кем-то преследуемый. Иефа схватила за меч, Стив – за топор, а Зулин – за голову. Зверь сделал круг почета по поляне и спрятался за спиной у хозяина.

– Ну, что там? – нервно спросила Иефа.

– Там... Ничего страшного... Зверь просто не привык... – жалобно пробормотал Зулин, пряча глаза. – Он фамилляр молодой, неопытный еще...

– Да ты толком говори, сколько их там! – рыкнул Стив. – Я их, тварей зеленых, живо на капусту порублю!

– Там один... Одна...

– Так один или одна? – Иефа опустила оружие и подозрительно уставилась на планара. – И где он... она... оно?

– Под дубом желуди копает, – подал голос Ааронн. – Зверь нарвался на дикую свинью с поросятами, а они – свиньи то есть – ужасно не любят, когда их беспокоят. К тому же, Зверь слишком наивен, если считает, что она до сих пор жаждет мести. Прогнала от детенышей и в лес ушла. Не понимаю, чего так пугаться.

– Свинья? – Иефа потрясенно переводила взгляд с проводника на мага и обратно.

– Свинья, – подтвердил Ааронн.

– Я же сказал, он еще маленький...

Авторитет Зулина, таким образом, был нещадно подорван его собственным фамиляром и случайной лесной свиньей. Ни о каком боевом порядке и речи быть не могло. Стив вспомнил, как виновато поджимал хвост Зверь, путаясь в ногах у хозяина, и злорадно хмыкнул. Небось, Смерчик бы какой-то там ходячей отбивной не испугался бы! Вообще, в только начавшемся походе Стива не устраивало многое: во-первых и в-главных, то, какими восхищенными глазами смотрела Иефа на проводника. Стив решительно не видел никаких оснований для восхищения, но полуэльфка была с ним явно не согласна. Она внимательно выслушивала любое, даже самое незначительное, замечание эльфа, как будто тот изрекал божественную мудрость, зато его, Стива, гнобила со страшной силой, и чем дальше, тем ядовитей. В конце концов, Стив дал себе слово, что будет молчать, как груды шлака, и почти полтора часа мужественно это слово держал. Во-вторых, Стива ужасно раздражал эльф-проводник, и, пожалуй, это даже не было напрямую связано с во-первых. Ааронн – по крайней мере, так казалось Стиву – слишком высоко задирает нос, да и вообще возомнил о себе невесть что. Подумаешь, весь из себя друид нашелся! Это еще не повод за всех все решать! В прочем, как оказалось, не нравится это не одному Стиву. После происшествия с фамиляром Зулин разобиделся на весь свет, грозно хмурил белые брови и всю дорогу что-то сердито бормотал себе под нос. Стив очень надеялся, что маг сочиняет какое-нибудь заклинание для превращения эльфа в жабу. В любом случае, что-то подсказывало Стиву, что привал без скандала не обойдется.

На закате Ааронн неожиданно исчез, но вскоре обнаружился на небольшой уютной полянке. Он молча раскладывал вещи, устраиваясь на ночлег.

– Так, – сказал Зулин. Очень тихо, но Стив услышал. Лицо у планара было нехорошее, благо, что в сгущающейся темноте его никто не разглядел.

На разбивку лагеря потратили уйму времени: Иефа затеяла долгую перебранку со Стивом, доказывая ему, что собирать хворост и вообще обеспечивать костер – исключительно dwarфское занятие. А уж готовить ужин – так вообще, сам бог велел. Стив ответил, что, может, тому святоше, который Иефу воспитывал, бог чего-нибудь такое и велел, а вот он, Стив, с богами лично не общается. Иефа ответила что-то про косность и недалёковидность dwarфского племени, а дальше уже беседа приняла такой бурный характер, что пришлось вмешаться Зулину, что он и сделал с превеликим удовольствием. Ужинать сели взъерошенные и недовольные друг другом, только проводник, будь он неладен, невозмутимо ел ("Вкушал!" – раздраженно подумал Стив), глядя на огонь. Время для ссоры было самое подходящее.

– Я думаю, нам стоит обсудить положение дел, – подал голос Зулин, управившись с ужином. – Некоторые факты меня не совсем удовлетворяют, многое стоит усовершенствовать...

– Боевой порядок! – фыркнула Иефа.

– В том числе!

– На случай свиней?

Зулин издал еле слышное стенание, но сдержался.

– Хочу вам напомнить, – сказал он, избегая глядеть на барда, – что мы проводим не только тайную операцию, но и расследование. Нам нужно не только вернуть... то, что похитили, а еще и выяснить, кто и зачем его... то есть... В общем, выяснить причины, по которым все произошло. – Зулин немного помолчал, но реакции не дождался, приободрился, кашлянул и продолжил. – Я считаю, что стоит как следует проанализировать ситуацию, причем сделать это сообщая, возможно, тогда нам в голову придут какие-нибудь дельные мысли. Если у кого-то есть какие-то вопросы, задавайте.

– Есть, – Иефа устроилась поудобней и задорно тренькнула лютней. – Зулин, ты нас считаешь детьми?

– Вопрос не по существу, – обиделся маг. – Иефа, давно пора начать относиться к происходящему серьезно. Остроумие свое оттачивай, пожалуйста, по завершении операции...

– Уй, как много умных слов! – восхитилась полуэльфка и снова тренькнула. – Видишь ли, Зулин, еще в детстве я ужасно не любила играть в слепого кота. А все потому, что терпеть не могу передвигаться с завязанными глазами. Ну, посуди сам, мы идем по следу, мы кого-то догоняем, мы должны что-то отбить и вернуть. Мы не знаем, что именно, но выводы делать должны. Вот я и делаю вывод, что ты считаешь нас детьми и решил поиграть с нами в слепого кота. Я достаточно ясно выражаюсь?

– Предельно ясно, но чрезвычайно образно.

– Постараюсь конкретнее. Предлагаю тебе играть в игры самостоятельно. Игра под названием "Тайная канцелярия" уже не имеет смысла, а игра "Крутой начальник" выглядит несколько смешно. Стань, пожалуйста, самим собой и прекрати ходить вокруг да около. Я хочу знать, что мы ищем. Я даже объясню, для чего мне это нужно. Исходя из размеров и свойств того, что было похищено, можно делать выводы, какая группа и куда его понесла. К тому же, если вдруг вы все геройски погибнете, я должна знать, *что* конкретно нужно в первую очередь хватать в руки, прежде чем начать улепетывать обратно в Бристоль. Мне абсолютно не хочется сидеть над твоим бездыханным телом и гадать, за каким лешим мы ушли из города. У меня все.

– Так, – снова сказал Зулин, и тон его Стиву совсем не понравился. – У кого-то еще есть вопросы?

– А я с Иефой согласен, – сам себе удивляясь, проворчал Стив. – Премся, не знамо, куда, не знамо, зачем... Да еще и без пони оставили... Мне-то без разницы, я гоблинов и за просто так бить согласен, а все-таки любопытно...

– От любопытства кошка сдохла! – взорвался Зулин. – Ну, ладно еще Иефа – женщины по определению не могут не совать нос, куда не надо! Но ты, Стив, меня удивляешь! Ты же

боец! Солдат! Сказано тебе – конфиденциальная информация!

– Надо же, а Зулин у нас не только в свиньях, а еще и в женщинах разбирается, – сладким голосом сказала полуэльфка. – А тебе не кажется, дражайший маг, что любопытство – не такой уж страшный недостаток, особенно по сравнению с глупостью?

– Велеречивая ты моя! – Зулин так и пыхтел от возмущения. – Хочу напомнить, что командир отряда – я, и я сам буду решать, доверять ли секретную информацию болтливому барду!

– О, конечно, как же я забыла! – Иефа воздела руки к небу и изобразила величайшее почтение. – В таком случае, командир, объясни мне, почему из трех направлений мы выбрали именно северное?

– Потому что...

– Потому что это логично, – тихо сказал эльф.

– И в чем логика? – Иефа резко повернулась и уставилась на Ааронна. Стив поежился: похоже, в этот момент ей было все равно, с кем ругаться.

– Та группа, которая свернула на юго-запад, слишком для нас многочисленна. При всем своем желании и воинской доблести, – эльф слегка кивнул в сторону дварфа, – нам с ней не справиться. Это во-первых. Во-вторых, учитывая разрыв по времени, они давным-давно успели погрузиться на корабль – если он их ждал – или купить, а, может, отобрать у рыбаков парочку крепких лодок, и теперь их можно искать, где угодно, хоть в самом Султанате.

– Дальше!

– Дальше остаются две маленькие группы: северная, за которой мы сейчас идем, и северо-восточная. Последняя, кстати, оставила массу следов, как на заказ. Именно поэтому мы идем за северной группой. Вполне возможно, что как раз от нее нас хотели увести на северо-восток. – Аарон помолчал немного, словно взвешивая свои слова, и продолжил: – К тому же, то, что украли, вполне может нести один гоблин, не испытывая при этом никаких неудобств и, главное, не привлекая особого внимания.

– А ты знаешь, что украли?! – так и подскочила Иефа.

– Нет, конечно, – очень уж скромно улыбнулся Ааронн. – Я ведь всего лишь проводник...

– И все-таки давайте проанализируем... – напомнил о себе Зулин и с опаской посмотрел на Иефу.

– Почему у меня такое чувство, будто из меня сделали круглую дуру? – Иефа умолкла, задумавшись о чем-то, и стала тихонько перебирать струны лютни.

Дальнейшее обсуждение так ни к чему и не привело, кроме того, что уже было решено раньше. Постановили продолжать преследование северной группы, после чего Зулин назначил дежурства, вполне логично рассудив, что вряд ли гоблины не подозревают о погоне. Иефа подло спихнула свое дежурство на проспорившего Стива и вот теперь до неприличия сладко посапывала, укрывшись плащом почти с головой. "А ведь этот хлыщ-то так за весь вечер на нее и не глянул", – злорадно подумал Стив и вдруг невесть с чего запечалился. Шляпка бледной поганки, подвернувшаяся под горячую ногу неожиданной дварфской печали, отлетела в сторону, врезалась в ствол ясеня и с противным чмоканьем развалилась на части. Неуверенно чирикнула первая сонная птица, рассветная дымка начала потихоньку рассеиваться. Стив маялся, бродил по лагерю и размышлял о том, что с самого начала как-то все не заладилось, и стоило бы вообще остаться в Бристоле, нет, стоило бы вообще в Бристоль не приезжать, обойти его стороной, причем как можно дальше. Не было бы тогда позорной, с точки зрения любого дварфа, песни про бороду, и дурацкого плана в дурацком балахоне тоже не было бы, и никто у него, Стива, не отобрал бы пони. Да. И разбирались бы сами со своими гильдиями, и секреты бы свои дурацкие хранили бы от кого-нибудь другого. А он, Стив, тогда... Тут Стив расстроился окончательно, потому что, как ни старался, так и не смог представить, что бы он делал тогда.

Над деревьями медленно, как бы нехотя, поднималось солнце. Стив смахнул росу с бороды и встряхнулся. Обязательно нужно было сделать что-нибудь этакое, чтобы взбодрить

и развеселить спутников, а заодно и самого себя. А то смотреть противно – ну когда это дварфы на дежурстве нюни распускали?! Побудка! Ничего так не взбадривает, как хорошая военная побудка! Стив завертел головой, выискивая что-нибудь пригодное для выполнения задуманного. Конечно, лучше всего подошел бы охотничий рог, каким орки пользуются, во где звук – не звук, а целый звучище! Но никто из партии, разумеется, такую полезную в походе вещь не захватил. Увлеченный идеей взбодрения спутников, дварф и думать забыл о своей тоске и начал увлеченно шерстить по лагерю. Как ни странно, подходящие вещи нашлись именно в его, Стива, рюкзаке, и это наполнило его сердце вполне законной гордостью. Рассудив, что больше всех в бодрости нуждается Иефа, Стив подобрался к ней поближе, крепко утвердился на ногах, вдохнул полной грудью, подумал, что пигалица сама во всем виновата, и приступил к делу.

* * *

Небо над головой Иефы раскололось и осыпалось безумным водопадом. На лагерь напали – лязгали доспехи, мечи грохотали где-то очень близко и страшно. И ведь самое обидное – эти мысли промелькнули в голове Иефы в те несколько секунд, когда она пыталась выпутаться из плаща, – самое обидное, что никакие дежурства не помогли. И теперь все – конец, их порежут на яркие алые ленточки и развешают по деревьям, и птицы будут клевать эти ленточки, уничтожая остатки... Тут рука полуэльфки нащупала что-то похожее на рукоять. "А ведь драться я так и не научилась", – с горечью подумала она и ударила вслепую, но, кажется, промахнулась. Судя по звукам, творилось что-то невообразимое. Истерично орал Зверь, слышались боевые выкрики дварфа, что-то ожесточенно бормотал планар. "Живой не дамся", – подумала Иефа, освободилась, наконец, от душевной полы плаща и с отчаянным криком вскочила на ноги...

Никаких врагов в лагере не обнаружилось, зато обнаружился невероятно довольный собой Стив, бегающий вокруг костра и колотящий поварешкой в закопченное днище котелка. Где-то недалеко Зулин, так окончательно и не проснувшийся, попытался одновременно слезть со своего фамильяра, которого с перепугу основательно придавил, и сотворить боевое заклинание – кстати, единственное, которое вспомнил. Иефа ошалело помотала головой, пытаясь понять, что же все-таки происходит, и обнаружила, что держит на отлете лютню, которую спросонья приняла за меч. Зулин копошился в складках балахона и невнятно ругался на мажеском, Стив выпускал дварфский боевой клич и колотил поварешкой, Зверь истошно завывал. У Иефы создалось стойкое впечатление, что она попала в сумасшедший дом. Один Ааронн невозмутимо наблюдал за происходящим, лениво пожевывая травинку. Его бесстрастное лицо подействовало на Иефу, как ушат холодной воды. Полуэльфка осторожно опустила лютню и пригладила волосы, приходя понемногу в себя. Обессиленный Зверь перестал орать – а может, просто Зулин слез наконец-то со своего фамильяра, – во всяком случае, в лагере наступило относительное затишье. Стив совершил еще один круг почета, изобразил какой-то короткий, но замысловатый танец с притопами и прихлопами, отбросил в сторону котелок (Зулин едва-едва увернулся) и гаркнул басом:

– С добрым утром, народ!

– Что... Что это было?... – слабым от пережитого потрясения голосом спросил Зулин. – Стив, скажи мне, что это было? Я же едва в тебя огневином не швырнул... Я ведь тебя убить мог, я думал – враги, битва... А тут...

– А тут я! – Стив расплылся в улыбке и засиял, как медный тазик. – Я вот тут подумал – что-то кислые все какие-то, невеселые, самое время для того, чтобы немного... ай!

Многофункциональный половник звонко саданул по крепкой дварфской заднице, да так, что Стив даже подскочил на месте и обернулся. Пунцовая Иефа бешеными глазами смотрела на дварфа и заносила руку для нового удара. Вид у нее был небезопасный. Стив крутанулся и дал стрекача вокруг лагеря, перепрыгивая через мешки и сопатийцев, хохоча

во все горло и ухая, когда половник все-таки достигал своей цели. Приподнявшийся было на локте Ааронн снова улегся и уставился в небо.

– Да я же... Да я же... Ух! Ай! Я же, как лучше хотел!

– Как лучше! На! Кислые! Невеселые! – задыхаясь, диким голосом выкрикивала Иефа и пыталась огреть дварфа половником.

– Утро... ай! Утро какое! А все спят!

– На тебе – утро! На тебе – битву! На тебе! – половник мелькал в воздухе и сверкал на утреннем солнце, как самый настоящий меч, Иефа растрепалась и была чудо как хороша, в общем – ситуация развивалась вполне романтично. Стив бы даже наслаждался, если бы не основательно отбитый зад.

– Поварешку... Ай! Поварешку погнешь! Посуду пожалей! Ай! Зулин! Ай! Зулин, уйми ее!

– Друг мой Стив, мне кажется, что подобную экзекуцию ты вполне заслужил.

– Ай-ай-ай!

– Вот тебе – половник! Вот тебе – котелок! Вот тебе – пироги! Вот тебе! Убить тебя! Мало!

– Я про пироги... ай! Ничего не говорил! Иефа, до беды доведешь! Ау! Ой! Ай! Иефа! Перестань! Двину! Мораддин свидетель – двину! И не посмотрю, что ба...

Половник впечатался в дварфское седалище как-то особенно чувствительно, и Стив, которого все это вдруг перестало развлекать, прекратил наматывать круги, развернулся, получил половником по носу, взревел, как раненый зубр, и кинулся на полуэльфку. Не ожидавшая такого поворота событий Иефа взвизгнула, теряя равновесие, вцепилась противнику в бороду – и через секунду по лагерю катался невразумительный рычащий и шипящий клубок.

– Разнимай! Разнимай! – опомнившись, закричал Зулин, сунул руку в клубок, но был укушен и вопя запрыгал по лагерю. Ааронн зевнул, потянулся, сел, поводит руками и что-то сказал. В воздухе сгустилась огромная капля воды – размером с небольшой бочонок – и с громким плеском обрушилась на дерущихся.

Глава 9

Ощущение было такое, будто весь мир состоит из одного только леса. А весь лес – из одних только полян. Ни тебе буераков, ни лощин, ни прогалин – только узенькие полоски перелеска из чахлах осин, и снова – поляна. Стив возненавидел эти зеленые лесные проплешины всей своей дварфской душой, но лесу, разумеется, до его страданий не было никакого дела. Более того, постылые осины беспечно помахивали ветками и шелестели, когда их аккуратно трогал ветер, а на растреклятых полянах нагло желтели лютики. И хоть бы один заваливающий камушек! И все наслаждаются! Того-этого, хрень Мораддинова, наслаждаются ведь! Зверь шастает по кустам с любопытством на морде, Зулин жмурится на солнце, Иефа мурлычет себе под нос что-то слащавое и благосклонно поглядывает на Ааронна, а уж Ааронн... Ну да, какое дело этому паразиту лесному, друиду недоделанному, что он, Стив, истомился и замучился, и что сил его больше нет, и с души воротит, а тут еще и слова не скажи – пигалица засмеет... Они с Иефой еще вчера, мокрые и чумазные, с ненавистью глядя друг на друга, объявили перемирие. А ведь по сути дела – бойкот. И теперь совсем никакой радости в жизни не осталось – даже не поругаться всласть. А еще Зулин так некстати под руку подвернулся, по плечу жалостливо похлопал и сказал, мол, ничего, друг любезный, милые бранятся – только чешутся, это, мол, еще его учитель так говорил, а учитель у него – старик башковитый. Подеретесь, мол, еще разика эдак четыре – и наступит в семье мир да благодать. И в какой это семье, спрашивается?

Нет, невозможно, невозможно дварфу в лесу!

"- Слушай меня, дорогой Балахончик, очень внимательно, потому что в твоей молочной голове мозги изначально не предполагались, и мудрости в ней взяться неоткуда.

Если двое разнополюх существ орут друг на друга, как свиньи недорезанные, дерутся и вспыхивают по пустякам – ситуация проста. Либо они друг друга любят, либо терпеть не могут. Что, по сути дела, одно и то же. Есть, конечно, вариант, когда один другого любит, но без взаимности, и от этого вызывает ужасное раздражение у предмета своих чувств. Но это редко, потому что люди, да и нелюди тоже, слишком любят себя, чтобы тратить жизнь на того, кого раздражают. Но и эта ситуация разрешима. Скорее всего, если влюбленный отличается упорством, очень скоро он достанет свою жертву так, что вместо раздражения начнет вызывать жгучую ненависть. А это, как я уже упоминал, равносильно любви. Так что финал у истории в любом случае печальный. Почему? Да потому что скучный и предсказуемый. Даже не спрашиваю, понял ли ты меня – вижу, что нет. Не напрягайся, сын мой, – и не поймешь...

– Учитель, а как же огневик? Вы сказали, что будете объяснять про огневик, а сами...

– Демон Баатора! Бобры – и те умнее, потому что запруды требуют недюжинных архитектурских и даже инженерных способностей. Кстати, запруды по сути своей очень напоминают человеческие комплексы. Со стороны кажется, что вода в них стоячая, и никуда не течет, и вот-вот зарастет ряской, но это только видимость. На самом деле вода течет и течет себе незаметно по своим делам через тайные ходы и уносит всю грязь в большой мир. Нет, не такие бобры идиоты, чтобы глотать собственные комплексы. Для этого существуют реки с проточной водой.

– Учитель, при чем тут бобры?!

– А при том, любезный, что твое коллективное бессознательное напрочь лишено логики. О чем мы говорили?

– О том, как сотворить и направить огневик.

– Я еще не впал в маразм, чтобы напоминать мне очевидные вещи. По-моему, я все довольно внятно объяснил.

– Я не понимаю...

– О боги! Я учу тебя не делить мир на белое и черное, что же тут неясного?!

– Но... Огневик... Разве мы не...

– Пошел вон из моей башни, чурбан неотесанный! Я не нанимался обучать тебя грамоте! Если ты умеешь читать, возьми книгу и прочитай – это элементарное заклинание! А я не намерен тратить время и учить тебя тому, что ты способен выучить сам! У меня есть дела поважнее.

– Но вы же сами, Учитель, вы же сами сказали, что будете учить меня...

– Думать! Я буду учить тебя думать, если, конечно, такое вообще возможно! Думать, сопоставлять и понимать! И пока ты не научишься думать самостоятельно, буду водить тебя на фиолетовых помочах и лупцевать по твоей угольно-черной заднице, а если и это не поможет, я превращу тебя в громадную жабу и подарю князю Тарийскому! Он поставит тебя на трюмо, и ты будешь служить для его жены зеркалом! И если не хочешь каждый день лицеизреть эту сварливую бабищу неглиже, иди и читай, читай, читай, черт тебя побереи совсем!"

Старикашка Мо так и не научил Зулина создавать и направлять огневик. Зулин учился сам, потев над старой пыльной книгой, в которой страницы были потерты и заляпаны так, будто в них заворачивали свиной окорок. Создать было проще, чем направить. А направить – проще, чем ликвидировать последствия. Баламут ругался последними словами и обещал сдать Зулина Большому совету, на опыты, а Зулин огрызался, что, мол, хоть какая-то польза будет, может, хоть Большой совет поднапряжется и выяснит, откуда он, Зулин, взялся. Мо наливался пунцовой краской и кричал, что в этом гребаном мире есть только один маг-гений, способный выяснить, откуда берутся такие идиоты, а Зулин молча елозил тряпкой по стене, оттирая копоть. "И что теперь я имею в запасе? – озабоченно размышлял планар, не глядя шагая вслед за проводником. – Ну, я могу послать пару-тройку огневиков, но не факт, что попаду. Ну, допустим, я не подожгу собственную партию и, может быть, даже выведу из строя нескольких противников – а дальше-то что? А дальше ничего хорошего, потому что я

сутки буду лежать колодой, пока восстановятся силы. Почему Зодчий прятал от меня всякие упоминания о восстановлении жизненной энергии? Не самое ведь тайное знание, и против других его не используешь. Ну, разве убудет, например, от этого леса, если я вытяну немного из него для восстановления сил? Нет, непонятно..." Зверь, досыта наигравшийся в следопыта, сновал где-то в кустах, лишь изредка интересуясь у хозяина, скоро ли обед. Зулин даже не отвечал ему – до того углубился в свои мысли. Нелепая драка накануне привела мага в состояние глубочайшего уныния – и вовсе не потому, что Зулин переживал за своих спутников. Нет. Зулин вообще не переживал – он был в панике. Драка в самом начале похода – по крайней мере, так всегда утверждал Баламут – является первым признаком того, что руководителя нужно засунуть поглубже в... Дальше речь шла о физиологии троллей, и думать об этом Зулину совсем не нравилось. Он пытался отвлечься от троллей тематики и "проанализировать ситуацию", но стоило только взглянуть на вздернутый до небес нос полуэльфки и насупленную физиономию дварфа, как тоскливое предчувствие встречи с троллями возвращалось с новой силой. Что делать дальше? Эти двое терпеть друг друга не могут, и будет не удивительно, если арбалетный болт, пущенный бардом в залетного гоблина, вдруг – совершенно случайно – воткнется в спину дварфу. И потом – как же командная работа? Как же горячие обсуждения сложившейся ситуации под его, Зулина, чутким руководством, совместные поиски истины, в конце концов?! Леший с ним, с проводником, он птица вольная, да еще и старший брат Натана, да еще и королевских кровей, да еще и лес знает раз в триста лучше, чем Зулин – свою магию... Но эти, хотя бы эти двое – неужели так трудно понять, что коллектив... *"Запомни, мой дорогой Балахончик – твоя тупость исходит исключительно из твоего стремления влиться в стадо. Это у тебя в крови, ты в этом почти не виноват, но у тебя есть мудрый наставник, а значит, есть шанс оседлать свою тупость. Запомни – стремление превратить любое скопление индивидуумов в табун так же противостоит и нелепо, как попытки петь хором религиозные гимны сидя лунной ночью на сеновале в обществе обнаженной девицы..."* Эх... Где ты, безумный старикашка Мо, с твоими заумными сентенциями и непонятными советами? Лучше бы боевой магии обучил, так тебя растак... "Работай над собой, Зулин!", "Не занимайся ерундой, Зулин!", "Не будь занудой, Зулин!"... Зулин, Зулин...

– Зулин! Зулин, ты слышишь меня или нет? Зулин, очнись! – мага кто-то дернул – довольно бесцеремонно, кстати, – за рукав, и перед глазами замаячило недоуменное лицо Иефы.

– А? Что такое? – Зулин завертел головой, осматриваясь. – Мы где?

– На поляне, – сумрачно пробурчал дварф, ковыряя землю рукоятью топора. – Вот удивительно, правда?

– А почему остановились? – нахмурился планар. – Что за внеплановый привал? До темноты еще часа три как минимум, или я ошибаюсь?

– Зулин, очнись! – повторила Иефа, презрительно фыркнув. – Ты что, совсем ослеп?

– Он о высоком думает... – начал было Стив, но сник под насмешливым взглядом барда.

– Я не понимаю, – рассердился планар. – Что такого я должен увидеть?!

– Если ты сделаешь мааааленький шаг вправо – или влево, как тебе больше нравится, – и перестанешь разглядывать кору этого тухлявого ясеня, ты, без сомнения, увидишь нечто весьма любопытное... Занятное, я бы даже сказала... Такое, знаешь ли, вполне лесное зрелище... Мухи там, червячки всякие – в общем, все как положено... – в голосе полуэльфки послышались визгливые нотки.

– Иефа, остановись. Остановись и возьми себя в руки.

Полуэльфка замолкла на полуслове, жарко покраснела и отошла. Ааронн посмотрел ей вслед, удовлетворенно кивнул и повернулся к Зулину.

– Кое в чем она все же права, – сказал он, лениво прищурившись. – Тебе, как руководителю партии, действительно стоит на это посмотреть.

Зулин, которому ужасно не понравился тон, каким было сказано "руководитель

партии", досадливо дернул плечом и вышел на поляну. "Зверь, ты где?" – спросил он, оглядываясь по сторонам. "Меня тошнит", – протелепал фамилляр из ближайших кустов.

– И надо было истерики катать, – пробурчал за спиной у мага Стив. – Подумаешь, труп. Трупов она, что ли, не видела? Вот и спрашивается, какой прок в лесу от нервных барышень...

– Стив, помолчи! – Зулину вдруг стало душно, и он стянул с головы капюшон. – Помолчи, Стив.

– Да я и так уже молчу, – удивился дварф. – Чего сто раз-то повторять?

Зулин сглотнул вязкий ком слюны и огляделся. Пучки травы, вырванной с корнем, валялись по всей поляне, земля была взрыта и раскурочена, а ближе к противоположному краю над чем-то темным и непонятным, в чем смутно угадывались очертания тела, вился веселый мушиный рой. Совсем некстати Зулин подумал, что ведь тоже никогда – если не считать Маркуса Тарийского – не видел трупов, и... И вот интересно, его будет тошнить, как Зверя, или начнется нервный тик, как у Иефы? Хорошо бы, чтобы просто нервный тик, его можно списать на язвительность натуры... Зулин вытер пот со лба и посмотрел на Ааронна.

– Кто это?

Эльф вопросительно поднял бровь.

– Я имею в виду, ты его осматривал? – пояснил Зулин.

– Нет, – Ааронн как-то странно посмотрел на мага и, кажется, даже слегка усмехнулся, совсем чуть-чуть. – Я подумал, что будет правильней, если сперва посмотришь ты. Я ошибся?

– А? Нет-нет, все правильно... – Зулин вздохнул и пошел к телу – как в пропасть шагнул. Подошел, нагнулся и – ничего не почувствовал. Ну, то есть, совсем ничего. Кишащая насекомыми, немилосердно воняющая смерть на залитой солнцем поляне не вызвала в планаре даже намек на эмоцию. Любопытство? Зулин поймал себя на том, что разглядывает тело с живым интересом исследователя флоры и фауны.

– Кто... Кто это? – спросил он совсем другим тоном и выпрямился. – Я таких еще не видел. Гуманоидного типа, это понятно, но весь шерстью зарос. И одежда на нем странная. Это какое-то лесное племя?

– Это гхолл, – Ааронн подошел к трупу и присел на корточки. – Ты никогда не видел гхоллов? В прочем, неудивительно. Они друиды по праву рождения и по крови, из леса не выходят. Странно, что он оказался так близко к тракту...

– Близко? – Стив с недоверием рассматривал нелепо выгнувшееся, поросшее короткой бурой шерстью тело в изодранных одеждах. – Мы два дня топаем без остановки, меня от леса уже мутит, а ты говоришь, близко?

– Для гхоллов – слишком близко.

– Зачем было его убивать? – подала голос Иефа с противоположного края поляны и повернула к спутникам бледное лицо. – Да еще так... грубо.

– А ты откуда знаешь, как его убили? – удивился Стив.

– Я чувствую... – она потеряла шею и затравленно оглянулась. – У меня как будто давит... Нет... Как штырь... Боги, да его же исполосовали всего! Он уже умер, а они все били, били!... Зачем?!

– Боялись... – задумчиво проговорил Ааронн, рассматривая диковинный амулет на шее гхолла. – Они очень сильные друиды, а этот еще и магистр. Гхоллы не терпят в своих лесах никого, а тем более, гоблинов, которые не отличаются деликатностью. Так что с этими семьей нам придется изрядно попотеть.

– С пятью, – сказала Иефа.

– Что?

– С пятью. И еще шаман. Ну, кобольд, о котором ты говорил.

– Иефа, ты что, ясновидящая? – в меру иронично поинтересовался Зулин.

– Нет, у меня просто со зрением все в порядке. На тракте Ааронн сказал, что их было семь и, возможно, еще кобольд. Одного убил гхолл – тут свежая могила возле кустов, а еще

один был тяжело ранен – вон, видите, деревца срезаны, его явно на носилках унесли. Раз не закопали, значит, был еще жив. А раз своими ногами не шел, значит, проживет недолго. Так что их пять.

– А кобольд?

– Что – кобольд?

– Кобольда ты откуда взяла?

– Оттуда, что тут валяется такая серебряная штука на порванном шнурке, до которой, если я правильно помню, руками дотрагиваться нельзя. Мне кажется, она такая же, как тот амулет, который мы нашли в палисаднике, возле кузницы. Там были черные тряпочки, а черные тряпочки оказались обрывками одежды шамана, а шаманом был...

– Иефа!

– Нет, шаманом был кобольд.

– Иефа, я что, похож на идиота?! – Зулин почувствовал знакомое глухое раздражение.

– Ну, как тебе сказать... – задумчиво пробормотала полуэльфка.

– Я смотрю, наш бард вполне пришел в себя, – заметил Ааронн.

– Лучше бы ты по сторонам смотрел, – пробурчал Стив, – а не на барда нашего. А то что ж это выходит – Иефа нам и за барда, и за следопыта...

– Стив! – рявкнул Зулин. – Я, кажется, просил тебя помолчать! Ааронн увидел все, что ему нужно было увидеть!

– Просто он собирался нам сообщить об этом уже вечером, у костра, поражая всех невозмутимым видом и следопытской смекалкой, – тихо-тихо сказала Иефа. Ааронн коротко глянул на полуэльфку и усмехнулся. – Зулин, – добавила она значительно громче, – тебе нужен этот амулет? Или можно о нем не беспокоиться?

– Нужен-нужен, – Зулин сердито прошагал к барду и осторожно упрятал амулет в мешочек на поясе. – Нужно осмотреть поляну как следует. Может, найдем еще что-нибудь.

– Ничего мы здесь больше не найдем. – Ааронн поднялся на ноги. – К сожалению, я плохо знаком с погребальными обрядами гхоллов, поэтому придется его просто похоронить.

– Кого? – равнодушно спросил Зулин.

– Друида, – Ааронн внимательно посмотрел на Зулина. – Ты же не предлагаешь его так оставить?

– А, да, действительно, – смутился Зулин.

* * *

Костер был таким теплым, мирным и уютным, что руки сами собой тянулись потрогать огонь. Иефа тихо перебирала струны лютни и думала о том, что все в этом мире одинаково. Если сунуть руку в костер, будет ожог. Если распахнуть душу, в нее плюнут. И чем ласковей и преданней смотрит на тебя твой собеседник, тем вероятнее, что он просто нацелился на твой кошелек, на твоё тело, твою свободу или твою жизнь. От этих мыслей Иефе было расслаблено и грустно, и хотелось уткнуться носом в подушку, обнять теплый собачий бок и слушать, как за окном шумит дождь. Когда-то давно у Иефы была собака. Вспоминать об этом было больно.

– Иефа! Иефа, Мораддин тебя возьми! Тебя сторожить посадили, а не на лютне тренькать!

Ну да, Стив, кому же еще. После поляны с мертвым гхоллом они шли еще три дня, и дварф все упражнялся в остроумии, называя Иефу то кисейной барышней, то нервной девицей, то еще как-то там – в конце концов, полуэльфке стало скучно огрызаться, и она просто перестала слушать. Она действительно никогда раньше не видела смерть вот так, на расстоянии вытянутой руки, нагретую августовским солнцем, деловитую, жужжащую, наглую, неприкрытую... И еще. Никогда раньше Иефа не чувствовала, как эта смерть наступила. Целых три дня хотелось завязать горло платком, потому что по нему елозила

невидимая рука, а в спине и где-то под сердцем затаилось воспоминание о чужой невыносимой боли. И еще бока – тихо и преданно сядили бока, как будто по ним били когда-то давно-давно...

Пламя костра начало расползаться и принимать знакомые очертания, такие знакомые, что...

– Иефа, ты спишь? Ты не спи, а то проворонишь все на свете. Беда нам с этой нервной девицей...

Ну да, Стив. Как всегда, невероятно оригинален и непредсказуем. Дварфский искрометный юмор. Иефа отогнала дрему, подбравшуюся слишком близко, и тронула струны, чтобы хоть чем-то себя занять. Дежурства казались ей абсолютно бесполезным времяпровождением. Какой смысл вглядываться в серые ночные сумерки, если все равно ничего не увидишь. Конечно, в темноте эльфы видят, как кошки, а в ней эльфийской крови достаточно, спасибо мамочке, но что толку? Если кому-то захочется организовать неожиданное нападение, вряд ли этот кто-то будет подходить к лагерю с факелами и фанфарами. И так много, много, много мыслей в голове по ночам...

Только увидев мертвого друида на поляне, она окончательно поняла, что все это – не игрушки. Ей снились странные сны, каким-то непостижимым образом – в этом она была уверена – связанные с их дурацким походом, но рассказывать сны сопартийцам Иефа не решалась. Засмеют ведь. Ее бесило, что Зулин упрямо скрывает информацию и что приходится обо всем догадываться самой, а планар только надувает щеки и многозначительно молчит, но при этом требует делать выводы, и это так глупо, глупо...

И Ааронн тоже темнит, иногда складывается впечатление, что он просто смеется над всеми. Что ж, имеет право. Он умнее, опытнее, больше знает, просто неизмеримо больше... И все-таки в ответ на его редкие глубокомысленные замечания Иефе ужасно хотелось крикнуть что-нибудь резкое, обидное, уколоть побольнее, сбить с темноглазого эльфа спесь, показать, что она, Иефа, дочь Низаниель, Светлой Радости Леса, тоже чего-то стоит! Стоит, хоть и полукровка, хоть и не нужна никому, начиная с собственной матери. И конечно, она ничего не кричала, а язвительно кривила губы и выгибала надменно бровь, и презрительно фыркала, и насмешливо смотрела, и вот так они играли в умудренных жизнью циников, которым все ни по чем... Пока не вмешивался Стив, которого эльф раздражал просто до не возможности, и вот уж он, Стив, говорил это самое резкое, чтобы показать и доказать, и сбить спесь, и поставить на место, и Иефе становилось за него так стыдно, стыдно...

Иногда среди товарищей по походу Иефа чувствовала себя шпионом во вражеском лагере: приходилось все замечать, ко всему прислушиваться, запоминать каждый случайный взгляд, движение, секундный сбой контроля над эмоциями, редкие оговорки, и то, что было сказано самому себе, и то, что не было сказано вообще. Ощущение такое, будто ступаешь по тонкому льду и все ждешь, когда он треснет и подломится, и темная вода утащит вниз, на дно, на водоросли спать...

Несколько раз Иефа слышала, как Ааронн озабоченно пробормотал себе под нос, разглядывая одному ему видимые следы: "Но почему так явно?..." Потом Зулин сказал сам себе, разглядывая медальон: "Неужели опять метка...", потом долго совершал над вещицей какие-то сложные манипуляции и, в конце концов, взял и закопал ее у корней раскидистого дуба. На второй день после поляны с гхоллом Зулин вдруг стукнул себя по лбу и раздал сопартийцам отвратительных глиняных кошек, объяснив это так, что в случае чего кошку надо разбить, и тогда он, Зулин, будет об этом знать. Тогда тоже прозвучало слово "метка". Иефа не разбиралась в магии, но сопоставить одно и другое вполне могла. Если кошки – "метка", и медальоны тоже – "метка", значит, медальоны – во-первых, способ связи между отрядами и кем-то, кто ими управляет, и, во-вторых, способ отслеживания этих самых отрядов. И очень хотелось спросить, одинаковая ли магия на кошках и медальонах, и если одинаковая, то кто готовил кошек, и какого вида магия на метках – черная или... Хотя нет, вот об этом Иефа спрашивать бы не стала. Почему-то она и без всяких вопросов-ответов была уверена – черная.

Было еще произнесено это странное, какое-то скользкое имя – Векна. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы сложить два и два. Непритязательное V в серебряном круге и скользкое имя. Но что дальше? Кто такой этот Векна, Иефа не знала, а Зулин, по своему обыкновению, загадочно молчал.

И еще Стив. Стив и его неприметный коричневый мешок с неизвестным содержимым, мешок, который он берег, как зеницу ока, и еще ни разу с начала похода в него не заглянул. Черт возьми, в этом отряде у всех какие-то тайны! Где был Ааронн перед выходом из города? Кто отделал его и Натана так, что они больше напоминали мешки с прогнившей соломой, чем эльфов? Что украли из гильдии? Почему Ааронн вздыхает и качает головой, рассматривая следы? Иногда Иефе казалось, что кто-то умело дергает их за невидимый поводок, и они послушно идут туда, куда нужно. Если она правильно поняла бормотание Ааронна, следы оставляют намеренно четкие и ясные, а это значит, значит... По спине пробежал холодок, лютня жалобно тренькнула, отзываясь на судорожное сжатие пальцев. Иефе стало страшно. Это значит, что партия с песнями и плясками, исполненная оптимизма, идет прямо на колья. Это значит, что напасть могут и через час, и через минуту, и прямо сейчас, а все спят, и какой из нее, Иефы, сторож!

– Стив, Стив, проснись, – Иефа тронула дварфа за плечо. – Слышишь меня? Стив! Погоди, не хватайся за топор. Тихо. Видишь ли, мне кажется, что...

– Сколько их?

– Кого? А, в смысле... Нет, Стив, никто не напал, просто мне кажется...

– Иди ты... – дварф заворочался и сердито спрятал нос в плащ. – Если у тебя нервишки шалят, мяты пожуй. Кажется ей... Когда нападут, тогда разбудишь. А пока тебе только кажется, лучше не приставай, а то тумака дам спросонья.

– Стив! – Иефа чувствовала, как паника набирает обороты. – Стив, пожалуйста, ну как ты не понимаешь... Стив...

– Иефа, оставь его в покое, – Ааронн приподнялся на локте и насмешливо посмотрел на съежившуюся полуэльфку. – Если тебе не сидится на месте, походи вокруг лагеря. Кстати, с точки зрения безопасности, это гораздо логичней, чем сидеть у всех на виду в свете костра и играть на лютне. Да и что за страхи, в конце концов? Ты что, боишься темноты, как маленькая?

– Надо же, какой разговорчивый стал к ночи, – оскорблено пробормотала Иефа и поднялась на ноги. Ночной ветерок шаловливо трогал пряди на затылке. Маятно и беспокойно было на душе. Иефа вздохнула, посмотрела было еще на огонь, но сидеть на одном месте не было просто никаких сил. Все казалось – и уж так сильно казалось! – что кто-то смотрит в спину, и кто-то подкрадывается в темноте, и кто-то целится прямо в сердце, и в который раз появилась печальная мысль о том, что стрелять и драться, как следует, она так и не научилась. Нужно было срочно что-то делать, что-то значительное и нужное, чтобы не перепугаться окончательно.

Иефа уложила в чехол лютню, достала арбалет, поправила меч на поясе и, решительно стиснув кулаки, отправилась бродить вокруг лагеря. Конечно, как еще может относиться к ней насмешливый Ааронн, если она шарахается от собственной тени? Ну уж нет! Иефа выпрямилась и подумала, что зря они так – ведь трудно поспорить с тем, что двигается она едва ли не тише следопыта. Эльфийская кровь, будь она неладна! Ну и вот. Она будет неслышно красться вокруг лагеря, тише, чем переливается ночной воздух, тише, чем трава растет, и пока все дрыхнут без задних ног, она обнаружит вражескую засаду и нападет, и скрутит по рукам и ногам, и никто даже пикнуть не успеет, а потом утром небрежно предъявит им пятерых связанных пленников, и вот тогда посмотрит, как у них к такой матери челюсти поотваливаются!

Иефа все ходила и ходила вокруг лагеря, расширяя круги, а ночь все не кончалась и не кончалась, и даже героические мечтания уже не спасали от необъяснимой тоски. Как же все глупо, елки-моталки... Лагерь, как на ладони, костер ближе к краю поляны, раскидистый усталый дуб, и под ним – спящие. Приходи и бери тепленькими.

Ночная тьма начала постепенно утрачивать плотность, воздух неуловимо изменился, слегка посвежел, высыпала роса. "Так, еще один круг, – решила Иефа, – и пойду будить. Не могу я больше. Не приспособлены мы, барды, для несения военной службы. Хорошего понемножку." Последний круг показался полуэльфке особенно томительным и, не пройдя даже половины, она присела на поваленное дерево. Лес затих, готовясь к новому дню, и спать хотелось невыносимо, а впереди еще длинный-длинный переход, и Стив будет всю дорогу припоминать ей свое ночное бдение...

Где-то рядом хрустнула ветка. Иефа замерла и моментально облилась холодным потом. Пробежал легкий шепоток между деревьев, и снова все стихло. Иефа, внутренне умирая, сложилась пополам и даже не сползла, а как-то стекла за поваленное дерево. Где-то впереди, шагах в десяти, мелькнул темный силуэт, потом еще один, и кто-то сдавленно и хрипло закашлялся впереди и справа. Иефа перестала дышать и осторожно выглянула из своего укрытия, каждую секунду боясь совершить что-то непоправимое и ужасное – чихнуть, например. Одна, две, три... пять темных фигур прокрались к противоположному краю поляны и пропали в кустах. Потом мелькнула еще одна, маленькая и сгорбленная, и снова все стихло. "Значит их все-таки пятеро, – подумала Иефа, осторожно выдохнув. – Пятеро и еще шаман. А ведь там костер... Как на ладони..."

При мысли о том, что сейчас немедленно придется что-то предпринимать, что-то очень героическое и безумное, полуэльфку затрясло. О стремительном и бесшумном пленении и речи быть не могло. Нужно было предупредить своих, и сделать это как-то так, чтобы их не перестреляли, как глупых кур. Костер. Нужно что-то сделать с костром, как-то залить. А потом будить остальных. Да, но для этого нужно будет отлепиться от спасительного ствола и выйти на поляну. Ее заметят и убьют. А умирать так не хочется. Иефа твердо решила, что не тронется с места ни за какие коврижки, и поползла к лагерю. Она понимала, что выстрелить получится только один раз, а руки трясутся, и напрочь вылетело из головы, как заряжать арбалет. Камень, может, кинуть? О боги, ну где, скажите на милость, она будет искать камни в четыре часа утра, да еще так, чтобы ее не заметили. Нет, придется стрелять. Успеть бы.

Иефа заняла наиболее удобную, как ей показалось, позицию в кустах и попыталась зарядить арбалет. От усилий и страха руки вспотели, и непослушная тетива все время выскальзывала и больно била по пальцам. Иефе казалось, что она копается чудовищно долго, что вот-вот кто-то из ее спутников проснется, приподнимется на локте и сядет, и тут же с противоположного края поляны прилетит молчаливая смерть и проткнет насквозь. Наконец арбалет сдался. "Вот интересно, – нервно подумала Иефа, вытирая лоб о грязное колено. – Вот интересно, почему нас всех не прирезали во сне?" Руки дрожали. Иефа глубоко вдохнула, попыталась сосредоточиться и прицелиться. "Выстрел будет только один, – повторяла она про себя. – Только один выстрел, и главное – не промахнуться. А когда костер потухнет, нужно будет заорать что-нибудь такое, чтобы они сразу проснулись и все поняли. Но самое главное – попасть". Иефа подняла прыгающий в руках арбалет, и тут узкая сильная ладонь в кожаной перчатке крепко зажала ей рот, а другая рука перехватила арбалет. Иефа задумано пискнула.

– Тихо ты, – сердито шепнул Ааронн. – Это я. Что случилось? Зачем тебе понадобилось убивать наш котелок?

– А... – Иефа взглядела в пространство, освещенное неровным светом костра. Три темных силуэта как лежали, так и остались лежать на своих местах. – А разве ты не там?

– Я не там, я здесь. Зверь бродил по лесу и увидел, как ты ползешь, а потом целишься в котелок. Он протелепал Зулину, Зулин разбудил меня, а я решил выяснить, что случилось. Так что случилось?

– Гоблины наши случились, пять штук, и еще шаман. – Иефа перевела дух и перестала трястись. – Я хотела залить костер. В котелке воды осталось больше половины, я думала выстрелить и перевернуть.

– Зачем заливать костер? – шепотом удивился Ааронн.

– Чтобы они в темноте в вас не попали. Видно же вон как!

– Да нет там никого, все давным-давно за дубом сидят, на всякий случай. Пошли, только тихо. Где ты их видела?

– На том краю.

– Когда?

– Давно... – Иефа посмотрела на небо и с удивлением обнаружила, что времени прошло всего ничего. – Хотя нет, недавно, минут пять назад.

Ааронн кивнул и растворился в зарослях черемухи. Иефа посмотрела еще раз на с виду мирно спящий лагерь и последовала за ним. У корней дуба темень стояла кромешная, даже Иефе с ее полуэльфийскими глазами было ничего не видно. Поэтому первым делом Иефа наступила на хвост Зверю, пихнула в бок Зулина и споткнулась о Стива. В прочем, дварф не обратил на это ровно никакого внимания, видимо, военное положение обязывало. Иефа прижалась к шершавому стволу и замерла. Тишина была плотной, почти осязаемой, Иефа вдруг обнаружила, что ужасно громко дышит, и попыталась не дышать, но не получилось. Руки и ноги казались непропорционально большими и неуклюжими, все время мешали, путались, лезли, куда не надо. Лес с немым осуждением слушал, как пыхтит неуклюжая, нелепая полукровка, пытаясь пристроить выпирающие конечности за стволом тоненького деревца. Еще мгновение – молчал лес – и тебе отстрелят ногу. Или руку. Помнишь, один пожилой рыцарь с упоением рассказывал про стрелы с наконечниками в форме полумесяца? Иефа мотнула головой и попыталась успокоиться.

– Чего мы ждем? – сдавленно прошептала она, следя, чтоб голос не дрожал.

– Мы ждем, пока эти твари вылезут из кустов и нас резать пойдут, – неожиданным басом прошептал Стив над самым ее ухом. – Да ладно тебе, малявка, не бойсь, выдюжим. Ежели чего, на землю ложись и ползи подальше – я прикрою.

– Ползи ты сам... знаешь, куда?! – моментально вышла из себя Иефа и ощутила даже некоторый прилив сил.

– Да уж представляю...

– Тихо! – шикнул Ааронн. – Началось.

Кусты на противоположном конце поляны качнулись. Некоторое время ничего не происходило, а потом Иефа, осторожно выглянув из-за дерева, заметила темный холмик, который с едва слышным шуршанием двигался в сторону костра.

– Не стрелять, – одним губами произнес Ааронн.

Иефа стрелять не собиралась. Мыслимое ли дело – по живой мишени! Холмик замер на середине поляны, постоял так немного и вдруг будто развернулся, превратившись в плотную коренастую фигуру в плаще с капюшоном. Гоблин махнул рукой в сторону кустов и осторожно переступил ногами. На поляне появились еще двое и начали подкрадываться с боков.

– Твой левый, – шепнул Ааронн. – Мой правый. Зулин, на тебе шаман. Стив...

– Понял... – коротко выдохнул Стив и завозился.

– Стрелять по команде, когда выйдут на свет, – сказал Ааронн.

Гоблины приближались медленно, по шажочку, не издавая ни звука. Иефа заворожено следила, как бесшумно двигаются темные фигуры, и вдруг до нее дошло: "твой левый"! Это ей?! Ей?! Арбалет затрясся и заскакал в руках. "Твой левый", он что, с ума сошел, этот эльф?!

– Готовы, – сказал Ааронн.

Руки сами подняли арбалет, как учил Трор, когда-то очень давно, еще в прошлой жизни... А в мозгу колотилось: нет! Нет, я не могу! Ни за что на свете! Умру, а не выстрелю! Сумасшедшие, все сумасшедшие, мамочки, да куда ж меня понесло, проснуться бы!... Да уйдите, уйдите вы с этой поляны, милые, хорошие, ну что вам, жалко, что ли?! Нога "твоего левого" переступила невидимую линию, прочерченную отблесками угасающего костра, и весь он словно проявился – вышел на свет. Не смогу!

– Пли, – сказал Ааронн. Тренькнула справа тетива лука, Иефа зажмурилась и нажала спусковой крючок. Стало тихо-тихо, а потом мир взорвался.

Неведомая страшная сила отшвырнула Иефу далеко в сторону, на хлесткие ветки, что-то грохнуло, и в небо начал ввинчиваться пронзительный, доходящий до ультразвука визг. С диким ревом мимо пронесся Стив, смял в лепешку среднего гоблина и ринулся дальше, рыча и замахиваясь топором. "Твой левый" вертелся волчком, держась за торчащий из живота арбалетный болт, и надсадно визжал, и все не падал, а двигался в сторону Иефы пьяной прыгающей походкой. Из дальних кустов вылетел сгусток огня и взорвался, врезавшись в дуб. Дерево вспыхнуло, дохнуло невыносимым жаром, Иефа отползла и начала слепо шарить в траве, отыскивая арбалет. Страшно ревел Стив где-то впереди, Зулин выкрикивал непонятные слова, нелепо двигал руками и казался демоном в красном свете огня. Из его ладоней вырывались голубоватые вспышки, сплетались в узлы и летели на тот край поляны, и там грохотало и горело, неслись огненные шары, и пахло паленой шерстью. Иефа забыла про арбалет и потянула из ножен меч, и тут он оказался прямо перед ней, "ее левый", с торчащим из живота болтом и покрытой копотью мордой. Он дико скалил зубы и уже не визжал, а хрипел, и пузыри на губах лопались – большие и розовые. Иефа крикнула отчаянно и громко, попыталась заслониться бесполезным мечом, а он вдруг оторвал от живота страшную мокрую руку и потянулся к ней, и начал падать, и повалился на нее всем телом, и что-то горячее потекло Иефе в рукава, и он рывкнул ей прямо в лицо, от запаха помутилось в голове, а потом стало темно и тихо.

* * *

– Вот малохольные-то, – бурчал Стив, оглядываясь поминутно на неподвижные тела Иефы и Зулина и на хлопотавшего возле них Ааронна. – И подраться-то, как положено не дали, а туда же – в обморок! Хороши спутники...

Драка закончилась до неприличия быстро. Того, первого, Стив даже не заметил, а оставшихся в кустах пришлось основательно по этим кустам погонять. Бегать Стив не любил, а потому разъярился до невозможности и все время неприлично ругался. В итоге и бегал-то зря. Только-только поймал одного, только-только на второго нацелился, а тот уже со стрелой в горле кувыркнулся. Занялся было шаманом, бойко пулявившим огненные шары, но тоже опоздал. Прилетела какая-то хрень мажеская – привет от Зулина, от кого же еще! – молниями шамана окутала – и все, и нет шамана, только тушка обугленная валяется. Из кустов на поляну вылез, а там тишь да гладь, гоблины мертвые лежат, дуб горит, Ааронн Зулина на плащ укладывает – сомлел Зулин, утомился. Скука!

Не увидев возле костра Иефы, Стив слегка обеспокоился и пошел шарить по кустам. Полуэльфка довольно быстро нашлась, вернее, нашлись ноги – все остальное скрывалось под мертвым гоблином, как-то уж очень неприлично навалившимся сверху. Стив, пытаясь, оттащил гоблина в сторону и нахмурился: полуэльфка не дышала и вся была залита кровью, и не понятно было, чья это кровь. Ее пальцы судорожно сжимали меч, а на лице застыло какое-то горестное недоумение, как у ребенка, которому пообещали праздник, а потом обманули. Стив подумал, что если она умерла, он не оставит в живых ни одного гоблина, ни одного кобольда в мире. В прочем, если ранена, тоже не оставит. Поднимать Иефу сам Стив побоялся, а потому кликнул Ааронна, и вдвоем они перенесли девушку обратно в лагерь, вернее, в то, что от него осталось. Меча из рук она так и не выпустила.

Ааронн хмурился и недовольно поглядывал на бездыханного Зулина, а на Иефу просто не обращал внимания. Только попросил Стива хворосту собрать и принести воды, из чего дварф сделал вывод, что все с их бардом в порядке, что она просто придуривается и "нервы показывает", и тут же разворчался и разбурбелся до крайности. Носить воду было лень, к тому же, ужасно противно болела обожженная и поцарапанная щека. Не зря же он, Стив, терпеть не мог шаманов и ненавидел бегать по кустам! Основательно политая водой Иефа моментально пришла в себя и тут же выставила перед собой свой смешной мечик, и глаза вытаращила, и вообще, вела себя как полная дура. Потом затряслась, спала с лица и

попыталась снова свалиться в обморок. И свалилась бы, но тут Стив как раз открыл рот, что бы прокомментировать, пигалица зыркнула на него злыми глазами и падать в обморок передумала. Из вредности.

Зулин плавал в мутном киселе и никак не мог выплыть. Он чувствовал, как его трогают и тормозят, кто-то переворачивал планара с боку на бок, а он все плыл и плыл, и так противно было от этого бестолкового плавания, что хотелось... Нет, даже не хотелось уже ничего. Просто не быть. Потом стало полегче, и кисель превратился в туман, а туман – в легкую дымку, в ушах зазвенело, как будто Зулин падал в обморок наоборот, и перед глазами обнаружился Ааронн, слегка помятый и закопченный, но главное – очень сердитый. Эльф поднес к его губам фляжку, и Зулин послушно глотнул. Во рту моментально стало гадко до невозможности, но зато в голове слегка прояснилось. Зулин закашлялся, скроил брезгливую рожу и с трудом приподнялся на локтях.

– Что... Тьфу! Что это за мерзость ты мне дал?

– Если бы кто-то умел управлять своими силами, никакой мерзости не понадобилось бы, – ледяным тоном ответил эльф и сверкнул не менее ледяным взглядом. – О твоих способностях я был более высокого мнения. А такой расход энергии можно объяснить либо кошмарной безалаберностью, либо совершенным незнанием. Ты теперь неделю не встанешь – и это все ради одной единственной сети из молний?! Никакие мои травы тебе не помогут, только живая энергия. Где прикажешь ее брать?

– Но я же... – опешил от такого натиска Зулин и мысленно помянул незлым тихим словом старикашку Мо.

– Я же! – воскликнул эльф, достал из рюкзака полотенце, смочил его какой-то настойкой и начал энергично вытирать лицо. – Он же! Мы же, как же!

– Ааронн, не кричи, пожалуйста, – слабым голосом попросила Иефа, – голова болит.

– Послушай, друг мой, – осторожно поинтересовался Зулин. – А что если взять немного энергии у леса? Ну, совсем чуть-чуть?

– Ну да, – согласился Ааронн и насмешливо поглядел на мага. – Ну да, конечно. Загубим пару лопухов, один одуванчик. Ну, в крайнем случае, вот этот куст черемухи следующей весной не зацветет. И все ради того, чтобы один маг-недоучка мог и дальше измываться над собой, варварски расходуя энергию. – Эльф повернулся к планару всем телом и решительно отбросил полотенце в сторону. – Зулин, ты кому это предлагаешь? Мне – эльфу? Мне – друиду?!

– Может, я попробую? – Иефа неуклюже поднялась на ноги и чуть-чуть постояла, неуверенно покачиваясь. Потом справилась с собой и решительно шагнула к магу.

– Иефа, перестань, – досадливо отмахнулся Зулин. – Хватит с нас одного лекаря с его лекциями, тебя еще не хватало.

– Но я умею, – упрямо возразила полуэльфка и наклонилась за лютней. – Я никогда не пробовала восстанавливать энергию, только легкие раны...

– Да помню, помню, удары кнута и все такое!

– ...но попытаться все-таки стоит, – побледнев, закончила Иефа.

– Барышня, милая, займитесь чем-нибудь полезным – умойтесь, например! – раздраженно воскликнул Зулин, злясь на самого себя.

– Зулин, не дури, – Иефа перевела дыхание и взяла себя в руки. – Нам нужно что-то решать, и поскорее, а ты валяешься, как мешок с соломой. С тебя корона упадет, если я попробую? Даже если не получится, будет всего лишь еще один повод посмеяться над глупой полукровкой. Так что закрой рот и не отвлекай меня, господин начальник.

– Как ты нелюбезна сегодня, однако, – пробормотал Зулин, но дальше спорить не стал. Хочется ей выставить себя душой, пусть выставляет. Хотя ему, Зулину, мысль об увядших лопухах была как-то ближе и приятней.

Иефа устроилась рядом с магом, положила ему руку на лоб и сосредоточилась. Лютня лежала у нее на коленях и едва заметно подрагивала усиками струн, как будто тоже готовилась. Полуэльфка закрыла глаза, глубоко вздохнула и второй рукой легонько тронула

струну. Лютня запела неожиданно звучно, все набирая силу, одинокая нота словно сгустилась в воздухе маленьким невидимым облачком, лицо у Иефы стало совсем отрешенным, и вдруг она подхватила ноту, вплела в нее свой голос. Лютня стала утихать, и когда звук совсем исчез, Иефа спустилась на тон ниже, потом повела голос вверх, тихо-тихо, очень осторожно, и Зулин с изумлением почувствовал, как наливается силой, совсем чуть-чуть, совсем немного, но постепенно эта сила увеличивается, увеличивается... Иефа сильно побледнела, рука ее, лежащая на лбу планара, стала ледяной, а голос задрожал. Она продержалась еще несколько секунд, и голос оборвался. Иефа резко выдохнула, будто тяжеленную гирию бросила, и открыла глаза.

– Все, я больше не могу, – сказала она и убрала руку со лба мага. Пальцы заметно дрожали. – Как ты себя чувствуешь?

– Я... – Зулин сел и неуверенно повел плечами. – Не то, чтобы очень бодро...

– А я и не обещала тебе, что ты моментально пустишься в пляс! – неожиданно тонким голосом крикнула Иефа, и у нее задрожал подбородок. – Я не друид и не целительница! Я бард! – она засуетилась, попыталась вскочить на ноги, но коленки заметно тряслись, и тогда полуэльфка сделала то, чего Зулин от нее ожидал в последнюю очередь, а точнее, не ожидал вовсе – разревелась. Слезы горошинами катились по грязным щекам, а "не друид и не целительница" кулаком размазывала их по лицу, и в итоге стала похожа вообще черт знает на кого, и всхлипывала, и губы кривила, и даже подвывала немножко – очень тоненько и жалобно – в общем, делала все то, что делают маленькие дети, которых ужасно обидели. Именно маленькие дети, потому что Зулин ни за что в жизни не поверил бы, что так могут плакать взрослые женщины.

На поляну вышел Стив и замер, обнаружив ревущую полуэльфку, ошалевшего Зулина и хмурого Ааронна. Он аккуратно поставил на землю фляги с водой, распрямился и упер руки в бока.

– Так... – сказал Стив внушительно, прикидывая, кого удавить первым, Зулина или Ааронна. Посторонних живых гоблинов поблизости не наблюдалось, и Стив сделал вполне логичный вывод, что "пигалицу" до смерти обидел кто-то из своих. – И что это здесь за сопли, хотел бы я знать? – он шагнул к Иефе, намереваясь как-нибудь ее приободрить, но залитая слезами полуэльфка повела себя чрезвычайно странно. Она вскочила на ноги, как ужаленная, и сжала грязные кулаки, и подбородок вперед выставила, и даже как будто еще больше расстроилась.

– Ты! Ты еще! Да, как же ты такое пропустишь! Слово только посмей сказать, я от тебя мокрого места не оставлю, дубина ты стоеросовая! Я тебе такие сопли устрою, мало не покажется! Только попробуйте кто-то ко мне подойти – я вас на котлеты разделаю, как этого, который... которого я... – тут Иефа вдруг задохнулась, стала зеленого цвета и умчалась к ближайшим кустам, где ее немедленно вырвало. "Вот тебе и приободрилась", – с недоумением и обидой подумал Стив. Зулин, кряхтя, поднялся на ноги и задумчиво почесал свой молочный затылок.

– И не надо на меня так смотреть, – сказал он в пространство. – Я не знаю, что с ней такое.

* * *

Пожитки у гоблинов оказались до безобразия скудными. Зулин остервенело рылся в грязных котомках, как городская крыса в отбросах, и все больше выходил из себя. Еще несколько часов назад, сплетая сеть из молний, вычерпывая из себя силу и зная, что получится только один раз, что потом он уже не встанет, маг ощущал невероятный прилив вдохновения. Непокколебимая уверенность в том, что разгром этой группы означает успешное завершение операции, наполняла Зулина гордостью до самой макушки. Ведь вот как здорово у него получается: хитрости со следами разгадали, похитителей догнали, ночное

нападение предусмотрели, бой уже практически провели, потерь никаких, еще несколько дней, чтобы вернуться, – и, пожалуйста, прыгающий от восторга Натан и всеобщее признание. А главное – никакой утечки информации, все тихо и строго секретно, и даже его строптивая команда ничего не смогла испортить. Даже когда Иефа усакала лить слезы в заросли черемухи, настроение у Зулина не испортилось. Оставалось всего лишь внимательно осмотреть трупы и котомки, и, считай, дело в шляпе. К осмотру тел маг отнесся с полным равнодушием, и даже вспоротый Иефой гоблин не произвел на него особого впечатления. Зулин только усмехнулся снисходительно – понятно теперь, отчего девица истерики катает. Не привыкла, бедолага. Трупы Зулин обыскивал сам, чтобы избежать ненужных вопросов. Другое дело, что никто, кроме полуэльфки, вопросов не задавал, и тут маг даже порадовался, что она несколько занята своими душевными переживаниями. Меньше будет совать нос, куда не надо. Но искомое не нашлось ни на поляне, ни в тощих гоблинских сумках, ни в солидном мешке шамана. То есть совсем ничего. Даже следов не было. Зулин злился в пространство, не имея сил, чтобы злиться на себя, и повода, чтобы злиться на других. Потом он вспомнил, что это Ааронн направил команду по ложному следу, и стал злиться с удвоенной силой на эльфа, а потом на дварфа, за его скверный характер, и на барда, за ее несговорчивость и истеричность. Перезлившись на всех по очереди, Зулин вспомнил про Зверя и попытался позлиться и на него тоже, но получил мощный телепатический тумак и попытки прекратил.

Лагерь перенесли на соседнюю поляну, подальше от трупов, которые Зулин и Стив хоронить отказались на отрез. Ааронн пожал плечами, стащил тела в одно место и прикрыл чьим-то плащом. Иефа к трупам не подходила вовсе. Она справилась с собой и перестала поминутно шмыгать носом, но теперь с огромным подозрением следила за своими спутниками, ожидая насмешек. Насмехаться, правда, никто не спешил, но вот Ааронн как-то уж чересчур внимательно поглядывал на полуэльфку, когда она отворачивалась. К полудню все основательно умаялись и собрались, наконец, у костерка, над которым булькал и благоухал похлебкой едва не почивший смертью храбрых казанок. Зулин хмуро обвел взглядом свою команду и решительно отложил в сторону ложку. Нужно было что-то решать. А так не хотелось!

– Итак, други мои, подведем итоги. Кто хочет высказаться?

– Никто не хочет, – сказала Иефа и подула на свою ложку.

– Иефочка, говори, пожалуйста, только за себя, – нахмурился Зулин.

– Постараюсь, господин начальник.

– Так, – веско произнес планар, впадая, по своему обыкновению, в тихое бешенство. – Понятно. Ну, раз никто не хочет высказаться, может у кого-нибудь какие-нибудь вопросы есть?

– Есть, – немедленно откликнулась Иефа. – Ты нашел то, не знаю, что?

– То есть – что? – прикинулся дурачком Зулин.

– То, что нужно было найти, – любезно пояснила Иефа. – То, что может незаметно унести один гоблин, как сказал наш чудесный проводник, хотя, вне всяких сомнений, он и понятия не имеет, о чем идет речь. Ты это нашел?

– Я смотрю, Иефочка, ты уже вполне пришла в себя.

– Я, Зулинька, из себя и не выходила. А ты не уходи от ответа. Нашел или нет?

– Нет.

– Тогда еще один вполне логичный вопрос: что будем делать дальше?

Зулин раздраженно передернул плечами и минуту помолчал, сдерживая горячее желание объяснить Иефе, что дальше делать конкретно ей. Пауза затягивалась.

– Насколько я помню, было три следа, – подал голос Ааронн. – Один мы уже отработали. Остается два.

– Это что же – возвращаться? – возмутился Стив. – Опять до большака топать, а потом все заново начинать? За каким Мораддином мы вообще пошли на север, если нужно было идти в другую сторону?

– За таким, что след на северо-восток был слишком явным. Мы сами себя перехитрили. А возвращаться совсем не обязательно. – Ааронн взял в руки веточку и стал чертить на земле. – Вот Бристоль. Это большак, вот здесь мы нашли следы. Можно, конечно вернуться к этой точке, но тогда мы потратим впустую около двух недель: три дня, пока дойдем обратно, и еще дней десять, пока догоним по следу второй отряд.

– Почему так много? – удивился Зулин, забыв о раздражении.

– Ну, – рассудительно заметил эльф, – гоблины ведь все это время не стоят на месте. Мы и этих-то догнали только потому, что они никуда не спешили.

– Нет, – решительно сказал Зулин. – Две недели – это никуда не годится. Мы и так потратили слишком много времени. Какое сегодня число?

– Шестнадцатое.

– Задание мы получили девятого, и на все про все нам отпущено две недели. Максимум – две с половиной. Неделю мы уже потратили, гоняясь за отрядом, который нам был совершенно не нужен.

– Я всегда говорил Натану, – улыбнулся Ааронн, – что он не дружит со временем. Две недели – надо же... Очень смешно.

– Как бы там ни было, возвращаться мы не будем, я так решил. Надеюсь, никто не возражает?

Зулин обвел суровым взглядом партию, но ответа не дождался. Ааронн снова усмехнулся, пробормотал что-то про наивных городских жителей и вернулся к своей земляной карте.

– В таком случае, мы можем сделать по-другому. Смотрите, вот мы, вот большак, а вот предполагаемый след, если, конечно, они никуда не свернули. Мы можем замкнуть этот треугольник и потратить дня четыре, срезав угол. Таким образом, сэкономим полторы недели.

– Это если они не свернули, – тихо сказала Иефа. – А если свернули?

– Если свернули, можно вообще ни о чем не беспокоиться – в любом случае, в сроки мы не укладываемся.

– Будем голосовать, – хмуро сказал Зулин, которому ужасно не понравились слова про сроки и неразделенная ни с кем ответственность. – Стив, что скажешь?

– Мне все равно, где гоблинов бить, на севере или на востоке.

– О боги... Будем считать, что ты за срезанный угол. Ааронн?

– Я считаю, нужно срезать.

– Иефа?

– Надо же, все-таки спросили. Я за восточное направление.

– Хорошо, договорились, – Зулин поднялся на ноги и спихнул на землю задремавшего было у него на коленях Зверя. – Сворачиваем лагерь и идем на восток.

– Может, сперва все же позавтракаем? – недовольно пробурчал Стив.

Глава 10

– Ааронн, пожалуйста, ну, прошу тебя, оставь меня в покое. Я устала, я спать хочу, а мне еще дежурить под утро.

– Иефа, это нужно не только тебе. Если я выясню, как тебе удалось поднять Зулина на ноги, у нас в отряде станет на одного целителя больше. Сосредоточься. Итак, ты взяла ноту. Это какая-то конкретная нота, или первая попавшаяся?

– Я не знаю.

– Хорошо, будем пробовать. Давай, сконцентрируйся. Нота. Хорошо. Устанавливай связь. Голос. Иефа, что ты делаешь?! Иефа! Иефа, очнись!

– Нечисть, нечисть!

– Чертов эльф, твои штучки?!

– Стив успокойся, не кричи!

– На кой ляд вы болотные огни наколдовали?!
 – Зулин, тише, вы ее испугаете!
 – Да выведи ты ее из транса, а то на лагерь скоро упыри полезут!
 – Может, лютню сломать?
 – Иефа, ты меня слышишь? Иефа! Очнись!
 – Я слышу. Он хочет сломать мою лютню.
 – Иефа!
 – Аааааа! Яйца Мораддиновы!
 – Иефа, очнись! Прекрати, что ты делаешь?!
 – Я ничего не вижу! Ведьма недоделанная, полукровка чертова! Я ослеп!
 – Стив, заткнись, прозреешь минут через десять. Надо вывести ее...
 – Он хочет сломать мою лютню.
 – Иефа!!!

– Элена!!!
 – *Он хотел сломать мою лютню!*
 – *Это не важно, что он хотел сделать, он живой человек, так нельзя!*
 – *Я никому не позволю себя обижать, и тебя обижать не позволю тоже. Я им всем покажу! Ты меня научишь огневики метать, научишь, правда?*
 – *Нет! Ты жестокая и злая соплячка! Я очень жалею, что вообще открыл тебе свой секрет! Ты не умеешь сдерживать свои чувства, ты взбалмошная, легкомысленная, недалёковидная, глупая и...*
 – *Ну, братик, ну, миленький, ну что ты ругаешься. Я же знаю, ты это все не серьезно. На самом деле ты так не думаешь?*
 – *Элена, повторяю, то, что ты сделала – это не просто глупый и жестокий поступок. Это преступление, понимаешь?*
 – *Он хотел сломать мою лютню, как ты не понимаешь?! Он протягивал ко мне свои жирные ручки, он бы и меня сломал пополам, если бы успел! Я защищалась!*
 – *Элена, запомни, ни одна лютня не стоит человеческой жизни!*
 – *Братец, запомни, ни одна человеческая жизнь не стоит моей лютни. Никто не смеет нас обижать. Потому что мы – не такие, как все.*
 – *Элена... Что за ужасные вещи ты говоришь... Тебе всего одиннадцать! Ты еще мала для такой гордыни!*
 – *Мала? Братец, когда ты впервые показал мне Книги, мне было семь. А теперь уже поздно вспоминать о моем возрасте. Слишком поздно.*
 – *Я тебя не узнаю. Боже мой, я тебя не узнаю.*
 – *А я тебя люблю. Только не рассказывай мне опять о правилах хорошего тона. Ты же сам говоришь – я ведьма..."*

– Иефа, давай попробуем еще раз.
 – Ааронн, тебе не надоело? По-моему, это просто опасно. Я не умею этим управлять, оно случается помимо меня, понимаешь? Я никогда не умела этим управлять!
 – А у тебя что, раньше уже получалось?
 – Н-ну... да. Можно и так сказать.
 – Как это было? Когда? Что именно у тебя получилось?
 – Ааронн! Я же не спрашиваю у тебя, скольких женщин ты соблазнил за свою бурную друидскую жизнь!
 – А тебя это интересует?
 – Ни капельки!
 – Тогда займемся твоими загадочными способностями. Что у тебя получалось?
 – Болотные огни получались. Крики потусторонние тоже получались. Вспышки. Столбняк чтобы на человека нашел – как-то раз очень удачно получилось. Вот Стива

ослепила – он до сих пор дуется. Чаще всего получалось лечить, на себе пробовала. Но я никогда никого не пыталась лечить сознательно, понимаешь? Зулин первый, и я понятия не имею, как это у меня вышло. Когда нужно было залечить свои...хм... повреждения, все выходило как-то само собой. Я даже не думала о том, что надо вырабатывать какую-то там технологию. Это нелепо!

– Нелепо иметь способности и не пытаться их развить. Вот это действительно нелепо. Если ты боишься или тебе просто лень, так и скажи, и не будем тратить время.

– Лучше бы ты научил меня с оружием управляться – вот это действительно вполне может пригодиться.

– Иефа, ты когда-нибудь дралась на мечях?

– Нет.

– А из арбалета стреляла?

– Нет.

– Нельзя научиться фехтовать и стрелять без промаха за несколько дней – это миф. Долгие изнуряющие тренировки, а главное – способности, вот что нужно в первую очередь. Мы не располагаем ни временем, ни хорошим преподавателем. Поэтому забудь о ратной славе.

– В таком случае, почему ты решил, что за несколько дней я научусь магическим штучкам? Для этого что, тренировки не нужны? Это так легко?

– Иефа не цепляйся к словам. Это трудно, и я не собираюсь тебя ничему учить. Дело в том, что все это ты уже умеешь. Я просто хочу помочь тебе понять, как это у тебя получается, чтобы тратить меньше сил и получать максимальный результат. Ну что, ты готова?

" – Я готова.

– Елена, я сказал – нет. Еще рано.

– Я же сказала, что я готова! Почему ты мне не веришь? Мне уже четырнадцать, я взрослая! Я взрослее любой безмозглой курицы из высшего света, которым так стремится соответствовать наша драгоценная матушка!

– Возраст здесь ни при чем.

– Это не честно! Ты мне не доверяешь? Сомневаешься во мне, да? Так вот, я справлюсь и без тебя! Ты старше, но это еще не значит, что ты умнее и что я буду всю жизнь тебя слушаться! Ты учился сам, ты говорил, что главное – наличие способностей, а они у меня есть! И если ты смог разобраться в магии без посторонней помощи, то и я тоже смогу! Не хочешь меня учить – и не надо, как-нибудь обойдусь! Только дороги наши в таком случае расходятся!

– Елена, не кричи, услышат.

– Ты просто боишься!

– Конечно, боюсь. Я твой брат, я за тебя отвечаю. Знаешь, что с тобой сделает церковь? Ты думаешь, служители Единого тебя не тронут только потому, что ты дочь своего отца? Ты ошибаешься. Умирать придется долго и мучительно. Тебя не спасет ни магия, ни происхождение, ни красота, ни ум. Даже я тебя не спасу. Таким, как мы с тобой, не место в Железной империи. Пока мы здесь, каждый наш шаг – шаг над пропастью. И больше всего на свете мне не хочется, чтобы ты в эту пропасть упала, потому что я очень тебя люблю.

– Тогда научи меня. И мы будем равны, будем вместе, всегда-всегда, вопреки всему. Себ, пожалуйста. Пожалуйста...

– Елена, прекрати. Слышишь? Я твой брат, не забывай об этом. Елена! Хорошо, хорошо, я научу тебя. Только обещаю тебе, поклянись, что будешь осторожна, что не дашь никому повода заподозрить нас...Нет, пожалуйста, послушай меня. Это очень серьезно. Елена, послушай. Ну что ты делаешь...

– Братик, ты знаешь, как я тебя люблю? ..."

– Иефа, что ты делаешь? Вернее, что ты пытаешься сделать?
– А что?
– Ты еще и в любовной магии подвизалась?
– В КАКОЙ магии?!
– В ТАКОЙ! Зачем ты сейчас пыталась меня зачаровать?
– Что я пыталась сделать?!
– Зачаровать. Что-то среднее между гипнозом и соблазнением, другими словами, очаровать и подчинить своей воле на какое-то время. И не говори, что ты не понимаешь, о чем речь.
– Ааронн, но я, правда, честное слово, я никогда...
– Хорошо, допустим, ты об этом ничего не знаешь. Но ведь мы пытались отработать вызов болотных огней, а ты почему-то... Причем я ощутил очень сильное внушение. Что произошло?
– Я задумалась просто...
– Задумалась? Интересно, о чем... Хм... Ладно, не красней, главное, запомни – мысль материальна вообще, а твоя мысль – в особенности. Кажется, я наконец понял, как это у тебя получается.
– Ааронн, но я действительно... Ты пойми, я...
– Прекрати переживать, тебе не десять лет. В твоем возрасте нормально думать о мужчинах. Кстати, обо мне думать – тоже нормально, правда, совершенно бессмысленно.
– Я о тебе не думала!!
– Ну конечно.
– Ааронн, я тебя терпеть не могу, ты надменный, самовлюбленный, надутый сноб!
– Иефа, контролируй эмоции, займись лучше болотными огнями. Иефа, я сказал – болотными огнями! Иефа, прекрати! Иефа! ИЕФА!!!

– Иефочка, а что такое произошло с нашим достойным проводником? Почему он стоит, как статуя, и не двигается? У него что – столбняк?
– Столбняк.
– Твоя работа?
– Моя.
– Надо же, а я думал, никакого толку от этих тренировок не будет. Похвально, но ведь Ааронну, скорее всего, не очень удобно.
– Зулин, ну должна же я на ком-то тренироваться. Могу на тебе, жалостливый ты мой.

"- Себ, я со смеху умру! Себ, ну послушай! Ты знаешь этого – с Белых холмов, противный такой мужичишка, плюгавенький, глазки хитрые, у него еще, кажется, малюсенькое поместье где-то возле меловых штолен имеется...Как же его...Вот, вспомнила! Этьен. Этьен Монблан. Смешное имя, правда?
– Тебя его имя так развеселило?
– Фу, Себ, какой ты скучный... Тебе совсем-совсем неинтересно?
– Ну, рассказывай. Хотя нет, дай я сам догадаюсь. Ты собирала цветы на лугу, а он ехал мимо и, разумеется, свалился с лошади, пораженный твоей неземной красотой. Я прав?

– Почти, хотя недостаток воображения сказывается. Вот, обними меня и слушай. Я собирала цветы на лугу, на том, дальнем, помнишь, там такие чудесные флоксы растут? А он действительно ехал мимо и действительно чуть не свалился с лошади. Представляешь – подходит ко мне: шляпа на ухо съехала, лицо пунцовое, носом сопит, а нос весь в пыли, и глаза старательно так таращит. Я на него смотрю – ты же знаешь, как я иногда умею смотреть – и говорю, мол, сударь, не ушиблись ли вы ненароком? А он слюну сглотнул и понес какую-то околесицу, что теперь сердце его разбито на веки вечные, что нет ему

теперь ни сна, ни покоя, любовь, морковь и незатейливые утехы на сеновале. А я ему говорю, мол, не по себе птицу выбрали, сударь. А он – мол, не смею и надеяться на что-то серьезное, но, может, прекрасная дама воспримет его как забавное и полезное с точки зрения любовного опыта приключение... Руки ко мне тянет, представляешь, нахал какой! Кто он, а кто я! Я ему говорю, мол, сударь, вы себя в зеркале видели хоть раз?! А он мне – в мужчине внешность – не главное, с годами я это пойму, а время, проведенное с ним, буду вспоминать с удовольствием, не сойти ему с этого места. Ах, говорю, вот как? Сейчас проверим. Он разохотился, штаны уже спустил, хихикает, ловить меня собрался... Ой, не могу... Я рукой шевельнула, незаметно так, замораживающее заклинание шепнула... Представляешь, стоит посреди луга без штанов, все торчком, глаза вытаращил, а сказать ничего не может... Вот, говорю, сударь, Единый все видит, вы меня обмануть хотели, а он вашу клятву услышал и невинную мою особу спас. Ручкой помахала и ушла. А он так и остался. Интересно, видел его кто-нибудь или нет? А, Себ? Как ты думаешь, братик? Себ? Почему ты молчишь? Себ?

– Элена, уйди.

– Но почему, Себ? Ты что, злишься?

– Элена, уйди, пока я еще держу себя в руках. Уйди, иначе мы поссоримся надолго.

– Я не понимаю тебя. Я думала, ты посмеешься со мной, а ты...

– А я не вижу ничего смешного! Ты повела себя, как круглая дура! Шутка, достойная блядовитой посудомойки! И если бы это было просто глупо! Нет, это просто немыслимо!

– Себ, не кричи. Я не понимаю...

– Не понимаешь! Ты зациклилась на своей исключительности, неотразимости и неповторимости! Ты не видишь дальше своего носа! Этот Этьен сдаст нас с потрохами первому же жрецу, за то, что ты над ним посмеялась! Оглянись вокруг – этот мир населяют не только слуги и служанки, готовые выполнять любой твой каприз! Сотни тысяч людей ждут одного только слова, сказанного невпопад, одного только жеста, сделанного не вовремя, и мы пойдем на костер просто потому, что богаты и знатны! Дать в руки этому недоноску такое оружие! Элена, мир страшен! А мы еще ничего толком не умеем!

– Себ,пусти! Ты сошел с ума! Мне больно, больно!

– Нет, дорогая, тебе еще будет по-настоящему больно, когда тебя будут растягивать на дыбе в темных застенках! Тебе будет больно, когда тебя будут насиловать твои тюремщики, когда нашего отца отправят на плаху, мать – в острог, а нас – на костер! Вот тогда тебе будет больно!"

– Больно, больно!

– Иефа, проснись.

– На костер!

– Иефа, проснись, ты разбудишь всех! Иефа!

– А? Что? Что случилось?

– Ты опять кричала во сне. Очень вредное свойство, между прочим. Вставай, иначе мы не успеем потренироваться.

– О боги, Ааронн, опять ты... Когда ты оставишь меня в покое?

– Никогда. Особенно, если ты и дальше будешь испытывать на мне свои способности.

– Замораживающее заклинание шепнула...

– Что?

– Нет-нет, ничего. Приснилось.

– Кстати, твои сны меня беспокоят.

– Отчего же? Если ты за себя беспокоишься, то зря. В томных видениях ты мне не являешься.

– Просто не знаю, как я это переживу.

– Как-нибудь без меня, ладно? Нам еще целый день идти, а спать хочется ужасно.

Сколько до рассвета?

- Часа два.
- Вот и славно. Двух часов мне как раз хватит, чтобы выспаться хоть немного.
- Иефа...
- А будешь приставать, я тебя опять заморожу.
- Иефа, откуда этот термин?
- О боги, я спать хочу! Какой термин?
- Ты сказала – замораживающее заклинание, заморожу. Откуда ты это взяла?
- Не знаю. Так просто в голову пришло. Придумалось – и все.
- Нет, погоди, не спи. Подумай, как следует, откуда ты взяла эти слова? Иефа!
- Эй вы, чародеи хреновы! Дайте поспать, что ли!
- Ааронн, оставь меня в покое. Ты видишь, я с утра не соображаю ничего. Иди себе, сторожи в свое удовольствие. Иди, перебудуешь всех к монахам. Вон Стив уже ругается.
- Други мои, не могли бы вы разобраться где-нибудь в другом месте?
- Ну вот, так и есть, весь лагерь перебудил!
- Иефа...
- Да ладно уже, иду. Вот, смотрю, ты без меня жить просто не можешь. Ты учти, я девушка честная, первому встречному эльфийскому принцу на шею не бросаюсь, потому как боюсь чистоту рода своим ублюдочным происхождением оскорбить. Принцы, они, знаешь ли, трепетные. Ты вон как трепетал, когда меня в похабных замыслах против своей эльфийской персоны заподозрил. Так ты уж не волнуйся. Если я решу совратить кого-нибудь, то уж лучше Стива, он попроще будет, хотя тоже с закидонами. Золото у него, опять же водится... А барды, они вообще все ребята корыстные – дальше некуда. Вот не боишься, что заморожу тебя, денежки из карманов повытаскиваю, а сама через леса в Бристоль обратно подамся? И не докажешь ничего. Хотя, нет, что это я, ты ж у нас не только боец отменный и мужчина видный, ты еще и маг первостепенный, мои жалкие полуэльфийские потуги тебе, как быку мухи, – неприятно, но терпимо. Так что бояться действительно нечего. А как намаялся ты со мной, бедный! И непутевая-то, и глупая, и все мне в голову пошлятина одна лезет, и сны дурацкие снятся, и тренироваться я в четыре часа утра, когда самый сон, почему-то ленюсь, и вредная-то, и языкатая-то без меры, и вести себя не умею – какое ж воспитание-то на большой дороге получить можно, ясный пень – никакого! А у тебя натура тонкая, друидская, ты на меня силы тратишь, время свое бесценное, хоть, к слову, и не просил никто, а я – ни тебе спасибо, ни тебе пожалуйста, тварь грубая, девка неблагодарная, пейзажка бесчувственная, высоких материй не понимающая... Ааронн, куда же ты? Так что – тренироваться не будем? Можно поспать? Странный ты, Ааронн, весь такой противоречивый...
- Иефа.
- Да, Стив.
- А ты и впрямь меня совращать задумала?
- Стив, иди к монахам.
- Ты если вдруг соберешься, предупреди.
- Зачем? Доспехи попрочнее наденешь?
- Не, я тогда сразу удавлюсь, заранее.
- Договорились. Спи.
- Иефа...
- Оооо... Да что ж такое, дадут мне поспать или нет?! Ты-то чего от меня хочешь?
- А ежели меня понос одолеет, ты меня вылечишь?
- Нет, конечно.
- Почему?
- А у меня диарея ни с чем не рифмуется. Спи.

"Были у бабушки черные когти – вот как, вот как, руки не мыла... Тыфу, ты, демон Баатора! Придет же в голову. Лес, лес, лес... Когда же он кончится, этот лес? Когда кончится этот лес и начнется след?! Когда, в конце концов, начнутся события? И как, хотелось бы знать, я должен поддерживать порядок в партии, если мне совершенно нечем их занять?..." За четыре дня, потраченные на срезание угла, Зулин весь извелся, наблюдая, как грызутся между собой его подчиненные. По утрам неугомонный Ааронн будил Иефу раньше положенного, и тогда Иефа ругалась с Ааронном. Иногда эльф уходил сразу, а иногда проявлял завидное упорство, будил Стива, и тогда Иефа сначала ругалась с Ааронном, потом со Стивом, а потом эльф и дварф ругались между собой. Чаще всего разбуженная в неурочное время Иефа в конце концов сдавалась, Ааронн отводил ее подальше от лагеря и там начинал "измываться". С утра полуэльфка соображала туго, а потому тренировки неизменно приводили к появлению в лагере какой-нибудь гадости: в лучшем случае, под теплые плащи начинала забираться невесть откуда взявшаяся болотная сырость, а над головой плясали блуждающие огни унылого вида. Но бывало и так, что над самым ухом Зулина раздавались зловещие потусторонние завывания, планар вскакивал, как ошпаренный, будил Стива, получал телепатическую оплеуху от Зверя, и тогда уж партия ругалась хором. Иногда Зулину казалось, что взаимного уничтожения не избежать, но каждый раз как-то обходилось. Срезая угол, партия пересекла тракт, Ааронн стал задумчив и хмур, искомый след все не появлялся, и Зулину все чаще слышалось настырное тиканье часов, отмеряющих потраченное впустую время. И все чаще возникал вопрос: долго ли еще они будут идти на восток? И что делать, если след так и не отыщется? Задумываясь над этим, Зулин впадал в черную меланхолию и обещал сам себе, что скорее повесится на ближайшей осине, но в Бристоль с позором не вернется.

К вечеру Зулин собрался с духом, решительно посчитал на пальцах и ужаснулся: двадцатое августа на исходе! Поход планировалось закончить к двадцать третьему. При самых плохих обстоятельствах – к двадцать седьмому. Под "самыми плохими" обстоятельствами Зулин подразумевал изуверскую гибель всей партии, включая себя самого. При "самых плохих" обстоятельствах в Бристоль должен был приковылять изможденный фамилляр, из последних сил неся в зубах котомку с драгоценной ношей и предсмертное послание Зулина, адресованное Натану и написанное, разумеется, собственной кровью. В мрачных мечтах планара на главной площади Бристоля под траурный плач скрипок воздвигали памятник из чистейшей бронзы, и преданный Зверь выпускал дух, припав к бронзовой поле хозяйского балахона. В картину не вписывалось то незначительное обстоятельство, что фамилляры обычно имели привычку погибать одновременно со своими хозяевами, но Зулин об этом как-то позабыл. Нет! Не приползет на подгибающихся лапах в Бристоль кот-переросток, и не поставят памятник на главной площади... Не будет ничего этого. Будет ограбленная магическая гильдия, будет сиротливый Натаниэль Сильван и четыре унылых трупа на северо-востоке. И все.

Располагались на ночлег в грозном молчании. Зулин открыл было рот, собираясь распределить дежурства – хандра хандрой, а без часовых нельзя – но не успел.

– Я буду дежурить первым, – сказал Ааронн, ни на кого не глядя.

– Интересно, почему, – скучным голосом отозвалась Иефа. – Хотя, я, кажется, знаю. Опять собираешься поднять меня ни свет, ни заря. Конечно, в таком случае, стоит взять себе дежурство полегче...

– Иефа! – строго сказал Зулин.

– А что, она дело говорит, – неожиданно вступился за барда Стив. – Ааронн прошлой ночью первым дежурил, а потом в самую мряку спать ей не давал, все какие-то фокусы делать заставлял. Конечно, оно сподручней – выспамшись-то! А только у нас бард не чугуневый, когда-нибудь да кончится!

– Какое трогательное единение, – Ааронн подкинул хвороста в костер и обвел взглядом

лагерь. На спутников он по-прежнему не глядел. – Я буду дежурить первым, потому что у меня есть на это причины. Я буду дежурить первым еще и потому, что я так сказал. И я не вижу основания для склоки. Что же касается наших предрассветных бдений, госпожа Иефа, то вам стоит только пожелать, и я прекращу их немедленно. Я всей душой разделяю ваше стремление во всем разобраться самостоятельно и ни в коем случае не сомневаюсь, что у вас это получится. Обязательно. Лет через пять. Если возникла такая острая необходимость выспаться, я могу ваше дежурство тоже взять на себя – в конце концов, творческие люди... эльфы... творческие личности! Так вот – творческие личности, несомненно, заслуживают особых привилегий.

– О-о-о-о-о... – Иефа медленно поднялась на ноги и подошла к проводнику вплотную. – Господин Сильван, полегче на оборотах. А то, знаете ли, ваша чрезмерная учтивость слишком смахивает на утонченное хамство. А я очень не люблю, когда мне хамят, даже когда это делают эльфийские принцы. Такая уж я уродилась – чувствительная. Поэтому запомните: впредь не стоит высказывать свое мнение о моих способностях, моей фигуре, моих душевных качествах и моем происхождении, пока я этим мнением не поинтересовалась. И даже если поинтересовалась – следует быть очень осторожным в выборе тона и формулировок.

– А то что? – Ааронн отступил на шаг и смерил полуэльфку чрезвычайно насмешливым взглядом. В прочем, Иефа не осталась в долгу.

– Этот вопрос был бы уместен, если бы я собиралась вам угрожать, уважаемый господин Ааронн. А я не собираюсь. Не так воспитана.

– Ну, пошло-поехало, – тоскливо пробормотал Зулин, а предусмотрительный Зверь сел подальше от половника. – Нет, дружище, с ним она на кухонной утвари драться не будет. Послушайте, други мои! – добавил он уже громче. – Может, оставим все это и поговорим спокойно? Иефа, ну чего ты сразу на дыбы встала? Как маленькая, честное слово! Ааронн, ты тоже хорош – "я сказал" да "я решил", да "справляйтесь без меня"... Ты мне лучше скажи, что у нас со следами? А то идем, идем, идем, а куда идем, долго ли еще будем идти... Ты ж у нас проводник, в конце-то концов! Ааронн, ты меня слышишь? Мы вообще зачем в лес пришли, смотреть, как ты с Иефой в гляделки играешь? Ааронн!

– А это он ее клеит, – авторитетно заявил Стив. – Я давно уже подметил, что он на нашего барда глаз положил.

Ааронн изумленно вскинул брови, поперхнулся ответной репликой и начал хохотать. Он хохотал так искренне, так неудержимо и так долго, что слезы выступили и покатались по аскетичным эльфийским щекам. Пока Ааронн смеялся, Иефа успела покраснеть, побледнеть, пойти пятнами, возненавидеть партию смертной ненавистью, резко развернуться и исчезнуть в темноте, оставив на поляне лютню. Она вернулась минут через десять, молча заняла свое место у костра и стала тихо перебирать струны, глядя на пламя. "Обиделась, – подумал Стив. – Как пить дать, плакать ходила. Ох уж мне эти бабские штучки..."

Иефа перебирала струны и думала... В прочем, о чем она могла думать, кроме своих острых ушей? "Лучше бы он меня ударил. Лучше бы он назвал меня полукровкой, ублюдком человеческим или как-нибудь еще. Лучше бы..." Ааронн, видимо, исчерпав запас веселья на неделю вперед, с мрачным видом перебирал какие-то сухие травы, в изобилии водившиеся на дне его сумки. Иефа поглядывала на эльфа украдкой, гадая, продолжает ли он еще смеяться над ней или просто выбросил все из головы. Понять было сложно.

С дежурствами все решилось как-то само собой. С наступлением темноты Ааронн поднялся на ноги и двинулся мягким кошачьим шагом вокруг лагеря. "И кого, интересно, он разбудит ночью?" – спросил Стив, проводив эльфа неодобрительным взглядом. "Кого разбудит, того разбудит, – философски пожал плечами Зулин, – я самоустраняюсь до завтрашнего утра. Решайте все без меня". После чего планар завернулся поплотнее в плащ и демонстративно захрапел. Стив поворчал-поворчал, поглядел выжидательно на полуэльфку, но ответной реакции не дождался и тоже отправился на боковую.

Иефа плакала. Она плакала молча, занавесившись пшеничными волосами,

отгородившись от мира темнотой и звуками лютни. И рада была бы перестать, но не получалось. Иефа крепко жмурила глаза, и от этого слезы собирались на кончике носа, а потом большой горькой каплей шлепались на полированный бок лютни, стекали по гладкому темному дереву и исчезали в складке плаща. Этим слезам не было ни названия, ни имени, и лица у этих слез тоже не было, они просто текли и текли, а Иефа мужественно не шмыгала носом и старалась разозлиться на себя, потому что иначе... "Ну и ладно, – подумала она как-то уж совсем по-детски, когда тоска перелилась через край. – Все равно у него не ореховые глаза..."

Полуэльфа одела лютню в чехол, длинно, устало вздохнула и поднялась на ноги. Спать решительно расхотелось. Иефа постояла с минуту, размышляя, не решит ли Ааронн, если встретит ее неожиданно в лесу, что она пошла специально его искать, а потом плюнула, махнула рукой и даже плечиком дернула, убеждая себя, что вот уж это ей совершенно не интересно, и отправилась нагуливать сон.

Опасаясь все-таки наткнуться на проводника, полуэльфа ступала бесшумно и внимательно смотрела по сторонам, про себя решив, что успеет спрятаться раньше, чем коварный Ааронн сможет ее заметить. Конечно, если он вообще ей попадетсЯ. Таким образом, Иефа успела отойти на довольно приличное расстояние и решила, что теперь-то уж встречи с Ааронном можно не бояться, и расслабилась, и, конечно, тут же увидела его, стоящего посреди поляны. Полуэльфа сдавленно ругнулась и стала осторожно отступать назад, стараясь не наступить на какую-нибудь сухую ветку, которые – а это известно всем – имеют привычку попадаться под ноги именно в такие моменты. Шаг за шагом, бережно отводя в сторону ветви, чтобы ни листочком, ни росточком...

Кусты справа от эльфа легко качнулись, и Иефа застыла, стараясь не дышать. Она вглядывалась в темноту до боли в глазах и, прежде чем окончательно перепугалась, успела заметить еще четыре тени в разных концах поляны. Ааронн стоял неподвижно, не оглядываясь по сторонам, так похожий на статую, что Иефе на секунду показалось, что она спит и все это ей снится. И совсем как во сне, острое чувство бессилия, когда нужно что-то сделать, крикнуть, предупредить, куда-то бежать, с кем-то сражаться, а ноги ватные и голос пропал. Иефа моргнула и даже головой помотала, отгоняя морок.

Ааронн стоял соляным столбом посреди поляны, а серые четвероногие тени приближались к нему, стягивая кольцо. В голове у барда завертелся водоворот, и где-то на поверхности мелькнула мысль, что никогда, больше никогда не отойдет она от лагеря без арбалета. Полуэльфа открыла рот, чтобы крикнуть, и даже подалась вся вперед, готовясь бежать и спасать, как вдруг почувствовала движение в трех шагах от себя, движение и тяжелый пристальный взгляд, от которого волосы на затылке начали шевелиться, а по спине побежали мурашки. Крик застрял в горле, Иефа медленно повернула голову и встретила глазами с матерым мускулистым зверем. Волк оскалился, вздыбив шерсть на загривке, переступил лапами, и Иефа даже не услышала, а скорее почувствовала глухое грозное рычание, отозвавшееся мелкой дрожью в позвоночнике. Волк смотрел, и в его взгляде виделась незатейливая полуэльфийская смерть – разорванное горло и пустые стеклянные глаза, распахнутые в ночное небо.

– Ааронн... – одними губами произнесла Иефа.

Волк коротко рывкнул и прыгнул. Моментально взмокая от ужаса полуэльфа отскочила назад, закрываясь рукой и пронзительно выкрикивая Слова, и воздух полыхнул белым огнем, больно резанув по глазам. Полуослепший зверь запнулся в прыжке и рухнул на землю, мотая головой и скребя лапами морду, его собратья на поляне повернули головы и оскалились, Иефа споткнулась, упала на спину и поползла, и тут Ааронн, наконец, ожил. Он вздрогнул, повернулся к полуэльфке лицом, вскинул правую руку и что-то крикнул. Волки опустили головы, поджали хвосты, попятились и растворились в ночной темноте, не издав ни звука. Ааронн подошел к их пострадавшему собрату, положил узкую ладонь на лобастую волчью голову. Волк дернулся, но рычать перестал. Через несколько мгновений эльф убрал руку с серого лба, и волк исчез вслед за своей стаей.

Иефа сидела, привалившись спиной к стволу дерева, и во все глаза смотрела на проводника. Ааронн молчал, и чем дольше он молчал, тем сильнее становилась уверенность в том, что спасибо за чудесное спасение от волчьей стаи он не скажет, а вовсе даже наоборот. Иефа сидела и лихорадочно пыталась придумать, как бы так улизнуть по-тихому, пока эльф не пришел в себя и не всыпал ей по первое число. Но стоило барду пошевелиться, как проводник повернулся и коротко глянул ей прямо в глаза, отчего Иефе сразу захотелось упасть в обморок или провалиться сквозь землю, в общем, просто не быть. Не быть, потому что лучше уж подтвердить репутацию "кисейной барышни", чем видеть желтые волчьи глаза на бесстрастном эльфийском лице, и убеждать себя, что это показалось, и прекрасно понимать, что все наяву. "Загрызет, – тоскливо подумала полуэльфка. – Вне всяких сомнений. Загрызет и не подавится". И тут Ааронн заговорил.

– Ты что, идиотка? – спросил он таким сварливым голосом, что Иефа чуть не расплакалась от облегчения. Эльфы с волчьими глазами таким голосом говорить не могут просто по определению. – Какого дьявола ты поперлась за мной на эту поляну? Тебе жить надоело? Или давно не испытывала острых ощущений?

– Я не за тобой... – промямлила Иефа, внутренне возликовав. Хвала богам, раз ругается, значит, уже совсем в себе. А может, про волчьи глаза действительно показалось?

– Ну конечно, не за мной. Где твоя голова была? Ты думаешь, мне легко было контролировать целую стаю? Сама чуть не погибла и меня за одно угробить попыталась. Чего тебе вздумалось бродить по ночам? Неужели я неясно сказал, что буду дежурить первым, потому что у меня на это есть свои причины? Так сложно было хоть раз не совать нос не в свои дела?

– Я, между прочим, тебя спасти пыталась! – Иефа перестала ликовать и надулась. – Для того чтобы тебе не мешали, стоит сообщать, чем ты намерен заняться. Сложно разве было сказать: ребята, я тут собираюсь на свидание со стаей волков, так вы уж, будьте добры, нам не мешайте. Сложно? Зачем ты вообще все это устроил? А если бы Стив в кусты собрался и из скромности подальше от лагеря решил бы отойти? Он бы всех твоих друзей в капусту пошинковал! И я еще виновата!

– Иефа...

– И вообще – что это за сборища такие – тайком от партии?! – разошлась полуэльфка. – Ты что, нас лесному зверью скормить собирался, а этих сюда вызвал, чтобы меню обсудить? Интересно, каким блюдом я шла – первым, вторым или третьим?

– Иефа!

– Что – "Иефа"?! Да если бы не вспышка, я бы тут уже с разорванной глоткой валялась!

– Кстати, хотел бы я знать, как это у тебя получилось?

– От страха это у меня получилось – доволен?

– Да я понимаю, что от страха, ты и меня вон до сих пор боишься, – главное, как? Я не вижу тут лютни. Да и пением твои вопли можно было назвать с огромной натяжкой...

– Ну, знаешь... – Иефа задохнулась от возмущения и вскочила на ноги. – Не морочь мне голову! Мы сейчас все вместе живо разберемся, какого лешего ты тут волчьи посиделки устроил!

– Иефа, сядь! – яростно рявкнул Ааронн и сверкнул глазами. Иефа захлопнула со стуком рот, шумно выдохнула и плюхнулась опять на землю. – Я не мог найти след. Понимаешь, я сам его найти не мог! Очень не хотелось терять время. А волки... Даже самый старый друид не сможет стать лучшим следопытом, чем серый охотник. И я попросил, не потребовал, понимаешь, а попросил, как равный, а тут ты... Все испортила!

– Совсем все?

– Не знаю. Утром увидим. – Ааронн помолчал немного, помялся и добавил. – Нашим об этом знать совершенно необязательно.

– Я смотрю, в этом походе вообще никому ни о чем знать не нужно! – Иефа раздраженно отмахнулась от одинокого комара и поднялась на ноги. – Идем обратно, а то заметят, что нас нет – невеста что подумают.

Ааронн хмыкнул насмешливо, встал, отряхнул штаны и собрался было что-то сказать, но не успел. Раздался чудовищный треск, как будто через заросли ломился медведь. Иефа в очередной раз вспомнила об оставленном в лагере арбалете и спряталась за эльфа, готовясь к новым неприятностям, но Ааронн повел себя странно. Вместо того чтобы готовиться к неравной схватке, или (что было бы, конечно, разумней в данной ситуации) дать стрелача, проводник выудил Иефу из-за своей спины, сгреб в охапку и изобразил на лице крайнюю степень восхищения. У Иефы от изумления дар речи пропал – она слабо трепыхалась в цепких объятиях эльфа, с ужасом прислушиваясь к приближающемуся треску сучьев, и нервно оглядывалась по сторонам, пытаясь понять, на каком этапе этой ночной прогулки Ааронн сошел с ума: еще на поляне с волками или уже после? Ааронн не только не собирался ее отпускать, но еще и повернулся спиной к источнику звука, изо всех сил делая вид, что ничего не слышит. Болезненно охнула, сломалась и повалилась на землю молодая березка, и на поляну выскочил дварф в самом боевом настроении, с топором наизготовку. Вслед за ним появился Зулин, перед которым в воздухе плыл внушительных размеров светляк явно магического происхождения. Эту всклокоченную процессию замыкал Зверь, устрашающе сверкая глазами и ругаясь на свой кошачий манер. Стив пробежал еще несколько шагов, заметил скульптурную композицию "Полузадушенная полуэльфка в полуобъятиях полубезумного друида" и замер. Иефа пискнула что-то невразумительное, дернулась разочек и тоже замерла. Стив опустил топор, обернулся к растерявшемуся магу и выдал яростную матерную тираду на дварфском, которую закончил громогласным:

– Я ж говорил, что они на свиданку пошли!

* * *

Справедливости в мире нет! Это было ясно с самого начала, еще с рождения, но что-то мешало поверить окончательно. Давно пора признать, что это "что-то" называется глупость. Иефа пыталась заснуть, изо всех сил жмурила глаза, даже овец считала, но тщетно. Перед мысленным взором полуэльфки плясала вереница насмешливых лиц, и все они кричали, хохотали, презрительно кривили губы, недовольно хмурили брови. Ей никогда никто не поверит – и это самое обидное. Что стоит слово бродячей полукровки против слова эльфийского принца, друида, следопыта и черт его знает еще кого? Ответ очевиден. Можно все. Можно кричать, доказывая свою правоту, можно плакать, можно на поединок, елки-моталки, вызвать! А всем плевать. Ну и что, ну и пусть себе трепыхается. Мало ли, что она там бормочет. Побормочет и перестанет. А мы выговор сделаем, чтоб впредь неповадно было. А мы теперь пальцем тыкать будем до конца похода. А мы отвернемся равнодушно и сделаем вид, что полукровки вообще разговаривать не умеют. Ах, умеют? Что вы такое говорите? Нет, это вам показалось. Верьте слову! "Господи, зачем я в это ввязалась?" – думала Иефа, кутаясь в плащ, ворочалась, краснела и мучалась от воспоминаний. Вернувшись в лагерь, Зулин первым делом устроил чтение нотации О Приличном Поведении Во Время Тайных Походов, а также О Соблюдении Субординации Во Время Выполнения Задания. (*"Иефочка, милая, запомни раз и навсегда: я не ханжа, но, тем не менее, требую, чтобы свои интимные отношения с Ааронном ты отложила на после завершения операции. И вот еще что: служебные романы еще никогда ни к чему хорошему не приводили"*) Иефа топала от возмущения ногами, сверкала глазами почище, чем волки в лесу, и требовала, чтобы ее, наконец, выслушали, и пусть Ааронн подтвердит, если ее, Иефы, слова не достаточно. Но Ааронн скромно молчал, загадочно улыбался и явно не собирался ничего подтверждать, и уж тем более ничего не отрицал, чем окончательно убедил Зулина. Стив ворчал и плевался, хмуро поглядывая то на Иефу, то на Ааронна, и вообще всячески выражал презрение. Полуэльфка побушевала-побушевала, а потом выдохлась и замолчала, и повернулась ко всем спиной, и обиделась на весь мир, твердо решив про себя, что вот теперь они точно не дождутся от нее ни одного лишнего слова, не говоря уже об утренних

тренировках. И когда Зулин командным голосом объявил, что следующее дежурство будет ее, Иефа даже не съязвила ни разу, а только сказала, что дежурить отказывается, потому что свое уже сегодня отдежурила. Весь эффект, правда, испортил Стив, пробормотав: "Знаем мы, что это за дежурства такие утомительные. Видели, небось". Нет в мире справедливости!

Насмешливые лица кружились, кружились и кружились в бесконечном хороводе, и менялись, и Зулин уже перестал быть похожим на Зулина, и Стив перестал быть Стивом, и марево вокруг Иефы заговорило и зашептало на разные голоса. Иефа превратилась в лесную грустную птицу и полетела над верхушками деревьев, задевая крыльями мягкие зеленые маковки, и была ночь, и луна смотрела ей в спину, и от этого лес был уже не зеленым, а черным, изрезанным серебристыми полосами света. Луна летела вслед за Иефой и никак не могла догнать, и от этого бесконечного, ненасытного преследования становилось очень жутко. Иефа махнула крылом и ринулась вниз, прячась от луны, и теперь летела медленно, уворачиваясь от черных цепких веток. Стало немного легче, не так страшно, и запахло водой. Иефа опустила на четыре серые лапы и потрусила на запах, поглядывая по сторонам, а ночь кричала тысячью голосов, и где-то среди них слышался один главный голос – пронзительный и звучный голос волчьего голода. Иефа втянула носом сырой воздух и вздыбила шерсть на загривке. Впереди больше не пахло водой. Вернее, нет, не так. Вода впереди больше не пахла, как должна пахнуть вода. Теперь у нее был запах жадности и смерти. Плохая вода. Иефа понялась и даже заскулила, поддавшись тоскливому ужасу этого запаха, и тут лес за ее спиной вспыхнул, и ненавистное желтое, как Иефины глаза, пламя опалило шерсть. Иефа шарахнулась в сторону и вспорхнула вверх, спеша подняться выше деревьев, но ветки превращались в руки, хватали ее за крылья и швыряли вниз, и едва хватало сил, чтобы спружинить на четырех лапах, прыгнуть и снова взлететь. Огонь гнал ее вперед, к страшному запаху, воздух раскалился, едкий дым забивался в горло, щипал глаза. Иефа закашлялась, упала, разодрала коленку и ладонь, и еще успела подумать, что играть теперь сможет нескоро, когда слева и сзади стали валиться пылающие деревья. Оставалось только сгруппироваться и последним отчаянным прыжком одолеть расстояние между буераком и спасительной пустошью. Иефа прыгнула, трансформируясь на лету, поскользнулась на жухлой траве и с диким криком свалилась в воду, и вода поглотила ее. И уже опускаясь на дно, чувствуя на горле стальные жадные пальцы, Иефа отчаянно дернулась, оскалила волчью пасть, забила слабеющими крыльями и тогда увидела перед собой безумные-безумные глаза мертвого озера.

На рассвете Стив проснулся, чувствуя, как по хребту галопом скачет озноб. Дварф открыл глаза и прислушался, пытаясь понять, откуда доносятся так напугавшие его звуки. Где-то совсем близко. Стив сел, повернулся на звук и оторопел. Иефа, дугой выгнувшись в бессильной муке, надсадно кашляла и по-звериному скалилась, словно норовя укусить кого-то. Стив схватил топор, глянул на него, досадливо плюнул, отбросил в сторону и на четвереньках подобрался к полуэльфке, настороженно следя за каждым ее движением. Иефа замерла на мгновение и вдруг пронзительно взвыла, как волк, попавший в капкан. Проснулся и подскочил Зулин, задремавший на часах, вскинулся Ааронн. Иефа забилась, захрипела, пытаясь оторвать от горла невидимые пальцы, и начала задыхаться.

– Буди! – не своим голосом закричал Ааронн. Стив вздрогнул, схватил барда за плечи и сильно встряхнул несколько раз, зовя по имени. Подлетел бледный эльф, плеснул полуэльфке в лицо водой, схватил ее руки и начал растирать их, бормоча себе под нос что-то непонятное. Стив тряс Иефу и отворачивался, потому что не мог смотреть, как ее голова безвольно мотается на неожиданно худой белой шее, как синие тени все четче проступают под ее глазами. Ааронн перестал растирать руки Иефы, прижал ее ладонь к своему лбу и крепко зажмурился. На бледном эльфийском виске выступил пот и вздулась вена. Ааронн закричал зубами и весь подался назад, увлекая за собой тело девушки, и Стив готов был поклясться, что невидимая сила несколько секунд удерживала барда, а потом Иефа дернулась, распахнула круглые от ужаса глаза и закричала:

– Вода! Вода!

Ааронн выдохнул и обмяк, опершись рукой о землю. Стив схватил плащ, укутал трясущуюся полуэльфку и посмотрел на Зулина. Планар наблюдал за сценой с видимым интересом, но на помощь не спешил, и вообще, выражение лица у него было такое, что дварфу немедленно захотелось стукнуть его по голове чем-то тяжелым. Из-под локтя планара высунул недовольную морду Зверь, фыркнул и подергал усами, явно не одобряя всю эту суету.

– Чего смотришь, маг недоделанный! – рявкнул Стив, отчего полуэльфка затряслась с удвоенной силой. – Тебе тут не балаган! Поддай одеяло, не сиди пень пнем! Вытаращился, итить твою налево!

Зулин вздрогнул, моргнул и снова стал похож на себя. Он засуетился, принес одеяло, начал бестолково совать ошалевшей Иефе флягу. Полуэльфка брыкалась, отпихивая его руки, и в панике пыталась отползти. Стив почувствовал, что звереет, вырвал у Зулина флягу, отшвырнул ее подальше и снова встряхнул барда, да так, что челюсти клацнули громко и неприятно. Иефа ойкнула и затихла.

– А теперь объясни, если можешь, что произошло, – устало сказал Ааронн и пристально посмотрел на барда.

– Они взяли след, – хрипло сказала Иефа и зябко передернула плечами. – Но даже если бы не взяли, я знаю, куда мы должны идти. Как раз туда, куда идти совсем не надо.

– Что за бред? – строго спросил Зулин. – Иефа, ты уверена, что уже пришла в себя?

– Плохая вода, – пробормотала полуэльфка и подняла на планара перепуганные глаза. – И я теперь боюсь спать.

Зулин промолчал, а про себя подумал, что более провальной операции еще не видел. Конечно, чего ожидать от партии, которая состоит сплошь из неудачников, дураков и сумасшедших... Он уже почти додумал эту печальную мысль до конца, когда с северо-востока ветер донес заунывный вой вышедшей на охоту волчьей стаи. Ааронн вскочил на ноги.

– Они взяли след, – сказал он дрогнувшим голосом и повторил почти шепотом: – Они взяли след.

Глава 11

Болото было серым и жадным. Оно хватало за ноги и тянуло вниз, внутрь себя, боролось изо всех сил и, в конце концов, отпускало с хлюпающим вздохом разочарования, а потом снова хватало. Дождь лил почти сутки, и казалось, что небо намертво прибито к земле холодными мокрыми нитками, и не будет этому тоскливому вышиванию конца, а только одна сплошная беспросветная середина. И становилось яснее ясного, что лето – это сущие выдумки, что август – пусть и его последние дни – всего лишь нелепое сочетание звуков, а существуют на самом деле только этот дождь, пронизывающая сырость, струйки, текущие за ворот и жадное серое болото под ногами. Иефу, трясущуюся под мокрым плащом, преследовало ощущение, что кто-то все время половинит ее жизнь на "до" и "после", причем половинит не очень умело. Путешествие до памятного рассвета с волками казалось теперь барду абрикосовым пудингом с розочками из сливочного крема. Солнце, ленивые свары со Стивом, нелепые тренировки в четыре часа утра... Все это было так давно, так невероятно давно... Целых два дня назад.

Новая жизнь началась под заунывную песню волчьей стаи и понеслась стремительно. С натугой вытаскивая ноги из чавкающей жижи, Иефа шалела от мыслей и проносящихся мимо событий. Вот Ааронн остервенело собирает пожитки и мчит, ни слова не сказав, через лес, согнувшись почти пополам, и полуэльфке все время кажется, что сейчас он покроется серой шерстью и опустится на четыре лапы, чтобы легче было нюхать землю. Иефа бежит за ним, а где-то далеко за спиной пыхтит и чертыхается Стив, ругается Зулин, и только одна мысль пугает и дразнит – как бы не упустить, вот уже Стив выдохся и бережет

дыхание; в кустах мелькает черная шкура Зверя, который явно наслаждается гонкой и думать забыл про своего хозяина; Зулин на бегу пытается призвать всех к порядку и выяснить, что происходит, но вот замолчал и он, а Иефа все бежит, бежит...

Солнце тоже бежит где-то над головой, но так и не успевает как следует взойти – и его затягивает, затягивает, затягивает серое болото туч, и весь мир превращается в болото, и к вечеру оказывается, что они уже не бегут, а бредут, пошатываясь, по этой бесконечной чертовой топи, и все вокруг серое, даже Ааронн посерел лицом, ссутулился и, кажется, чего-то боится. А к ночи начинается дождь, и появляются волки. Они мелькают неслышно то тут, то там, все ближе и ближе, кажется, стягивают кольцо, но Иефа так устала, что ей уже не страшно. Зулин нервничает и шарахается, Стив поминутно хватается за топор, но все это как-то вяло, бессмысленно, и полуэльфка даже знает – почему.

Ааронн уводит партию в сторону, находит относительно сухой пятачок под скрюченной ивой, солнце садится, и Зулин раздражается грандиозной истерикой. Он сжимает кулаки, выпихивает из-под плаща мокрого Зверя и кричит, что никогда не видел таких бездарей и неудачников. Что задание провалено, и можно теперь вообще не возвращаться в Бристоль, потому что они – никто, потому что... Он еще что-то такое говорит – гневное и обличающее – и Стив начинает возражать, и ссора разгорается, а Иефа выходит под дождь и, собрав последние силы, приказывает себе встряхнуться, потому что за спиной топчется нетерпеливо этот ужасный сон – стоит только закрыть глаза...

В темноте светятся волчьи глаза, шуршит дождь, и ругаются сопартийцы. В полуэльфке из последних сил поднимает голову бард и робко говорит, что надо бы проверить лютню – не прохудился ли чехол, не отсырела ли... Иефа криво усмехается и садится на замшелую кочку. Сидеть мокро, холодно и грязно. Иефа ежится, кутается плащ, баюкает свой страх и почти засыпает, когда красный от злости Стив молча хватается за ее охапку и относит к костру. Все угрюмо молчат, а Иефа уже спит, и снова, снова, снова...

- Иефа, смотри под ноги.
- Что? А... Да. Спасибо, Стив.
- Надо же, благодарности сподобился.
- Да пошел ты...
- Вот, вот! Это то, о чем я вчера говорил! Партия, в которой все между собой грызутся, нежизнеспособна!
- Зулин, ты иди туда же.
- Ага, ты для полного комплекта еще и Ааронна пошли!
- Как скажешь. Ааронн...
- Иефа, я уже все понял.

"Дождь льет за шиворот. Действительно, партия нежизнеспособна. Слово-то какое казенное. Нахватался Зулин протоколизмов, интересно, только, где. Интересно, откуда он вообще такой взялся, что он за существо. Интересно, где пропадали Натан и Ааронн, кто их так здорово отделал. Интересно также, что произошло со Стивом, и кто, в конце концов, следил за нами в Бристолле. Слишком много совпадений. Интересно, почему Ааронн играет молчаливого рыцаря. Интересно, что у Стива в мешке. Интересно, наконец, что же все-таки украли из гильдии: если что-то важное, то почему не собрали команду крепких вояк, а если пустяковину, то к чему такая спешка. И что за странный срок – две недели? Почему именно две? Почему не три или не полторы? И самый главный вопрос: зачем я во все это ввязалась? Это болото никогда не закончится, зато еда закончилась еще вчера. Ааронн потерял след, и никакие волки тут уже не помогут – слишком много воды кругом. И сны. Никогда раньше мне не снилось столько кошмарных снов. Самое страшное в них то, что они абсолютно реальны – в этом даже Зулин не сомневается, я же вижу, хоть и окрестил меня мнительной истеричкой. Туда, куда мы идем, идти нельзя. Я чувствую, нет, я просто знаю, всем своим нутром знаю! Черт возьми, куда мы лезем..."

– Ааронн, темнеет.

– Я заметил.

"Еще одна ночь под дождем. Никто даже не спрашивает его про след, потому что и так всем все ясно. Как же хочется есть. И все-таки непонятно с волками: ведут они нас или преследуют. Вон опять серая тень за кочкой, и Ааронн сразу сворачивает, как будто его кто-то в бок толкнул. Нет, пожалуй, все-таки ведут. Как нелепо идти и не знать, куда ты в конце концов выйдешь. И выйдешь ли?..."

В сгущающихся сумерках Ааронн казался болотным духом. Он шагал, почти не глядя под ноги, по какому-то непостижимому наитию выбирая безопасный путь, и только прислушивался, все время прислушивался к чему-то. Партия покорно брела за проводником, стараясь не поднимать глаз, чтобы не видеть серых мшистых кочек. Иефа хлюпала носом, у Стива громко урчало в животе. Зулин шел и размышлял о том, водятся ли на болотах какие-нибудь съедобные твари, и если водятся, то трудно ли их поймать. Трясущийся за пазухой Зверь горестно телепал про сочные бифштексы и миски парного молока.

К ночи дождь закончился, и болото немедленно заволокло густым туманом. Ааронн остановился, запрокинул голову и шумно втянул носом воздух. Иефа готова была поклясться, что он сейчас завоюет. Молочно-белые пряди тумана затейливо извивались вокруг худой фигуры эльфа, то окутывая его полностью, то спускаясь к его коленям – белое марево словно кланялось господину. "А ведь это он нас сюда завел. И волки..." – мелькнула в голове барда трусливая мыслишка, и Иефа моментально разозлилась.

– Ааронн! – эльф вздрогнул, пришел в себя и обернулся.

– Подождите, еще немного. Где-то здесь должен быть холм – если найдем, значит, почти выбрались.

– Это тебе кто сказал – дружбаны твои ушастые? – Стив отжал бороду и остервенело встряхнулся. – Ты думаешь, я не видел, как они вокруг нас круги наворачивают?

– погоди, Стив. – Иефа подошла к дварфу и даже руку ему на плечо положила, для вящей убедительности. – В конце концов, Ааронн – следопыт, друид, ему положено со всяким зверьем общаться. Ну, подумаешь, волки. Невидаль какая! Не знала бы тебя, Стив, решила бы, что ты испугался.

– Держи карман шире! – дварф сердито дернул плечом. – А ты, я смотрю, что-то уж чересчур его защищаешь. Он тебя, ненароком, не покусал той ночью – в порыве страсти, а?

– Ну, знаешь! – Иефа фыркнула и удовлетворенно подумала, что вот теперь вполне взбодрилась. – Если тебе за каждой кочкой мерещится вселенский заговор, могу тебе только посочувствовать.

– Дура сопатая.

– Болван.

– Вы закончили? – Зулин попытался выдворить из-под плаща фамильяра, но не справился. – Может, пойдем дальше?

Холм действительно обнаружился минут через десять, хотя, если быть честными, холмом его назвать можно было с большой натяжкой. Партия из последних сил поднялась на скромное лысое возвышение, покрытое небольшими поросшими мхом валунами, и начала вяло располагаться на ночлег. Ужин не предвиделся, костер – тоже, а лежать на мокрой земле, прислонившись к холодному камню, в обнимку с туманом никому не хотелось. Иефа порылась в рюкзаке, выудила относительно сухую рубаху и призадумалась. Зулин с завистью следил за ней, пытаясь отодрать от себя мокрого кота, но Зверь сопротивлялся изо всех сил, доказывая хозяину, что вдвоем теплее. Иефа подняла голову.

– Послушай-ка, Зулин, – задумчиво проговорила она, стягивая мокрую одежду и ежась. – А ты ведь у нас маг...

– Ну, маг, – Зулин прекратил бороться с фамильяром и шумно выдохнул.

– А чего мы тогда, собственно, мучаемся? Наколдуй костер – и все дела! Ты ведь можешь?

– Ну... – планар пожал плечами. – Теоретически, конечно...

– Да на хрена нам теоретически! – Стив оторвал замороженный взгляд от полуэльфки и встряхнулся. – Ты практически давай, а то у меня скоро борода мхом порастет!

– А вдруг тебе зеленый цвет идет? – оживилась Иефа. – Ох, жалко, что я свой изумрудный шелковый шарфик не взяла – примерили бы... Ладно, не пыхти. Зулин, так что у нас с костром?

– Эээ... – планар почесал в затылке и с надеждой посмотрел на Ааронна, но тот притворился деталью пейзажа. – Мне нужен хворост, желательно сухой...

– Нууу, – разочарованно протянул Стив. – С сухим-то хворостом любой дурак костер разведет. Где мы тебе сухой хворост на болоте после дождя возьмем?

– Там же, где вы его взяли на прошлой ночевке.

– Ты предлагаешь вернуться к той кривой иве? Смешно.

– Я ничего не предлагаю. Неужели непонятно, что костер нельзя развести из пустоты. Нет сухого топлива, давайте мокрое, но шансов мало. Что ты сидишь, Стив? Займись!

– Все Стив да Стив, заладили! – дварф спустился с холмика и тут же растворился в тумане. – Лесоруб я, что ли! – раздалось из белого марева его гневное ворчание. – Я воином нанимался! Я не цапля, чтобы на болоте дрянью всякую выискивать! – послышался громкий плеск, хлюпанье, тяжелый торфяной вздох – и из тумана появился Стив, нагруженный чем-то невразумительным, что напоминало одновременно еще одного дварфа, дикого кабана в обмороке и разжиревшего осьминога внушительных размеров. – На! Мокрее не бывает! – Стив крикнул и грянул оземь здоровенную корягу. В разные стороны полетели ошметки водорослей, ил и затхлая болотная вода. Дварф подбоченился и залюбовался работой: – Хороша деревяшка! А главное, далеко ходить не пришлось. Ну, Зулин, тебе и кирку в руки – давай, колдуй, не стесняйся! Если хочешь, мы даже отвернемся.

– Нет, почему же, – Ааронн перестал притворяться валуном и подошел поближе. – Мне, например, было бы весьма любопытно изучить технологию... Разведение костра магическим способом при наличии гнилой болотной коряги в качестве топлива... Как ты собираешься это сделать? Обрисуй вкратце.

– Как-как, – Зулин нахмурился и обреченно вздохнул. – Огневином в нее швырну... Маленьким. Ну... То есть, совсем крохотным.

– Слышь, Стив, – Иефа толкнула локтем дварфа и доверительно наклонилась к его уху.

– Мне кажется, нам стоит найти себе какое-нибудь безопасное местечко за камнями.

– Зачем? – Стив так удивился, что даже перестал выпутывать водоросли из бороды.

– Ну, будет какая-никакая гарантия, что хотя бы двое из отряда выживут.

– Шутники... – Зулин гордо вскинул подбородок и смерил Иефу презрительным взглядом. – Давайте, прячьтесь. А я...

– А ты пока разнесешь тут все к монахам своими огнявками, или как они там называются.

– Пойдемте, друзья мои, – Ааронн поднялся на ноги и подтолкнул сопатийцев к валунам. – Не будем мешать мастеру.

– Но мне же интересно! – заартачился Стив.

– Пойдем-пойдем, – Иефа потянула дварфа за рукав. – Тебе оттуда все будет прекрасно видно.

– Шутники, – с горечью повторил Зулин, глядя в удаляющиеся спины, и закатал рукава. Зверь испуганно мяукнул откуда-то из темноты. – И ты туда же...

Макушка холма опустела. Зулин тяжело вздохнул, помянул незлым тихим словом Баламута, с ненавистью посмотрел на мокрую корягу и сосредоточился.

После недолгой тишины, прерываемой невнятным бормотанием, сидевшие за валунами слышали душераздирающий треск, грохот и отборный магический мат, после чего Ааронн гаркнул что было мочи "Ложись!", бросился плашмя на землю и накрылся с головой плащом. Иефа и Стив не успели даже переглянуться, как водопад щепок, гнилой трухи, водорослей и комьев земли окатил их душной вонючей волной с головы до ног. Иефа с трудом разлепила

веки. Где-то истерически чихал фамилляр. Стив тряхнул головой, отплеываясь, поднялся на ноги, перехватил поудобнее топор и полез через валун, бормоча что-то угрожающее. Иефа дернулась было за ним, но предусмотрительный эльф удержал ее, схватив за лодыжку.

– Подожди, – сказал Ааронн, вылезая из-под плаща. – Еще не все. Сейчас. Вот сейчас...

"Это костер?! Я тебя спрашиваю – это такой костер, задница Моррадинова?!" – раздался яростный рев дварфа. Послышалось слабое бормотание Зулина, drobный топот и глухие удары, после чего наступила тишина.

– Вот теперь все.

* * *

– Плохая вода! Плохая вода!

– Иефа, проснись!

– Нееееееет!

– Иефа! Боги, как ты мне надоела со своими пророческими снами! Иефа! – Зулин украдкой оглянулся на дварфа и не без удовольствия отвесил барду пару звонких пощечин. Иефа дернулась и открыла глаза.

– Ну что? – Зулин ласково посмотрел на девушку и потер руки. – В себя пришла? Или еще добавить? – Иефа растерянно заморгала и попыталась отодвинуться, но уперлась в холодный бок валуна. – Что снилось? Хотя, нет, постой, я сам догадаюсь. Плохая вода, верно? Кто бы мог подумать! – Зулин придвинулся к полуэльфке вплотную и обнаружил в ее глазах страх. "Занятно, – отстраненно подумал планар и пошевелил пальцами. – Что если ее придушить, а потом провести ритуал по вытягиванию силы? А то что-то кушать хочется..." Иефа дернулась, словно услышала его мысли, и попыталась встать. Ее ноги заскользили по влажной земле. Зулин с легким любопытством наблюдал за бардом, лениво размышляя о том, почему она не кричит, если так боится. А ведь боится. Ее круглые от страха глаза по цвету почти сливались с рассветной серостью, и планар подумал, стягивая с головы капюшон, что это, пожалуй, чертовски красиво. Вот смотрит только она как-то странно, как-то мимо него, как будто увидела что-то за его плечом. Старая уловка. Зулин усмехнулся и почувствовал непреодолимое желание ухватить полуэльфку за горло и как следует сдавить, и чтобы она смотрела ему в глаза, и чтобы капли тумана стекали со лба на щеки, как будто она плачет, и чтобы сила уходила, уходила к нему, вливаясь сквозь кончики пальцев и прямо к сердцу. Зулин даже поднял руку, подчиняясь какой-то неведомой тяге, даже пальцы согнул и выпрямил, разминая, а глупая девчонка все смотрела ему за спину, и планар вдруг почувствовал, что боится она уже не его, а кого-то другого, кого-то, кто притаился за спиной. Ниточка порвалась.

– Волки, – прошептала Иефа.

Зулин ощутил покалывание в затекших ногах, понял, что существует, и обернулся. Обрывки тумана стекали с холма, как сметана, и путались в ногах у матерого серого зверя. Волк поднял голову и посмотрел на планара.

– Тот самый, – еле слышно выдохнула Иефа и мертвой хваткой вцепилась Зулину в руку. – Он же меня сейчас...

Зулин лихорадочно вспоминал отпугивающие и останавливающие заклятия, но кроме деструкции, в голову ничего не приходило, и полуэльфка ужасно мешала сосредоточиться. Налетел порыв ветра, туман заволновался, всколыхнулся, и волк растворился в нем, как и не было. Иефа шумно выдохнула и разжала пальцы, и Зулин подумал, что сила у нее не пустяковая – наверняка синяки останутся, и даже хотел сказать ей об этом, разумеется, чтобы подбодрить, но полуэльфки уже рядом не было. Она молнией метнулась к тому месту, где стоял волк, и над болотом понесся ее отчаянный крик:

– Ааронн!

"Демон Баатора! – испугался маг. – Проводника сожрали! Кто же нас теперь поведет?!"

– Иефа, не кричи, – раздался спокойный и слегка насмешливый голос эльфа. – Ну, чего ты так разволновалась? Смотри, это наш завтрак. И солнце встает...

* * *

– Эх, как же я лес люблю!

Иефа не упала в обморок от удивления только потому, что тогда пришлось бы прервать завтрак. А утка была дьявольски хороша! Зажаренная на углях, она сочилась золотистым жирком и дразнила светло-коричневой корочкой, и запах от нее шел такой, что если бы Иефе сейчас предложили все сокровища мира в обмен на эту восхитительную утку, она, не переставая жевать, наверняка послала бы всех куда подальше... Надо же – дварф, и вдруг любит лес. Хотя после болота даже закоренелый житель пустыни порадовался бы зеленой травке и твердой почве под ногами. А ведь все это было так близко! Когда солнце встало окончательно, обнаружилось, что до края болота рукой подать, еще несколько сотен шагов – и вот он, темнеет, замечательный, чудесный, густой, и в нем сколько угодно сухих сучьев, и охапки зеленых веток, на которые можно кинуть плащ и нежиться, как на самой настоящей перине! А еще обнаружился Ааронн, целый и невредимый, а возле него две утки и волчьи следы. Никто уже ничему не удивлялся, а Стив смотрел на уток так, будто готов съесть их сырыми, вместе с перьями, клювами и перепонками; и Зверь все время порывался составить ему конкуренцию. И собрались все на диво быстро; и шагали весело и легко; и на стоянку расположились с удовольствием; и даже Зулин слова никому не сказал.

– Я тоже лес люблю, – Иефа проглотила последний кусок, тщательно облизала пальцы, глотнула воды из фляги и блаженно потянулась. – В лесу не пропадешь. Даже если не вышло найти еды, то хотя бы не замерзнешь. А еще лес живой. Живой и добрый. Болото вот, например, не может быть добрым по определению, потому что оно гнилое. Гниль рождает ненависть к себе и ко всему вокруг. А на ненависть мир обычно отвечает тоже ненавистью. Или равнодушием. Это даже хуже.

– Почему хуже? – Стив закинул руки за голову и вздохнул. – Я вот был бы совсем не против, если бы меня все оставили в покое.

– Ты путаешь... – Иефа обхватила колени руками и задумалась. – Когда ненависть порождает ответную ненависть, она все-таки имеет какой-то выход. Равновесие сохраняется, понимаешь? А когда ненавидишь в пустоту... Представляешь, ты строишь планы мести, ты себя постоянно накручиваешь, чтобы ни капельки этой ненависти не растерять, чтобы все, все досталось тому, кого ненавидишь, – а ему все равно, ты исходишь на нет, а мир этого просто не замечает. А ведь ей надо куда-то деться – ненависти. Слишком много скопилось, слишком ее берегли, лелеяли, подкармливали... И тогда она начинает жрать тебя изнутри, и ты начинаешь гнить, и становишься болотом.

– Эй вы, философы новоиспеченные! – Зулин сердито заворочался на своей подстилке. – Развели тут мудрствования, поспать не даете. Все очень просто: есть плохое и хорошее. Плохое нужно уничтожать, а хорошее не нужно – и точка. Одно из двух: или вы даете мне поспать немного, или мы прямо сейчас сворачиваем лагерь и двигаем дальше. Стив, разбудишь меня через полтора часа.

– Я, кажется, кукушкой не нанимался, – проворчал дварф, и Иефа почувствовала к нему даже что-то вроде симпатии. – Станный он какой-то, этот Зулин, – добавил Стив минут пять спустя, когда планар окончательно уснул.

– Да уж... – Иефа вспомнила свое пробуждение на болоте и зябко поежилась. Сказать или не сказать? Утка подействовала на дварфа явно благотворно, но где гарантия, что через полтора часа он опять не вернется в свое привычное болванское состояние?

Солнце медленно ползло все выше, деревья отбрасывали сетчатую тень, и она, эта тень, шевелилась и двигалась, рябила, и от этого очень хотелось закрыть глаза. "Не буду ничего говорить, – решила Иефа. – Еще решит, что я жалуюсь. И потом, может быть, мне спросонья

померещилось? Мало ли какое у кого лицо будет, когда вокруг туман и болото, и холодно, и дурноватая полукровка орет не своим голосом?" Обозвав себя полукровкой, Иефа усмехнулась и мысленно пожала себе руку. Человек ко всему привыкает. То есть эльф. То есть... А, черт с ним совсем!

Стив нежился на солнышке и тайком наблюдал за бардом. Вот взяла лютню, погладила, подергала за тонкие усы струн, даже вроде как сказала что-то, здороваясь... Чудна я она, эта пигалица сероглазая, и не поймешь ее никак. Вот уж, спасибо Морадину, подобралась компания...

– Стив, а что у тебя в мешке?

– Что?! – застигнутый врасплох дварф сел и даже рукой мешок прикрыл, лихорадочно соображая, как лучше ответить. – В каком мешке?

– Да вот в этом, – Иефа откинула волосы и насмешливо глянула Стиву в глаза. – В который ты вцепился, как в мать родную. Что в нем?

– В нем? Вещь.

– Полезная? Я ни разу не видела, чтобы ты его открывал, этот мешок. В нем сокровища? Или любовные письма? Кстати, Стив, у тебя есть любимая?

– Нету у меня никакой любимой! – рассердился Стив. – Некогда мне шашни разводить!

– Так то шашни, а то – любимая. Чувствуешь разницу? – Иефа вдруг развеселилась. – Неужели твое суровое сердце никогда не пронзала стрела страсти?

– Да какая к Морадиновой заднице страсть! Чего ты пристала-то ко мне?!

– О боги, Стив, да не волнуйся ты так, я вовсе не посягаю на твое целомудрие – ни в коем случае! Так что в мешке?

– В каком мешке?! – взревел в полный голос Стив, окончательно выходя из себя. Проснулся и подскочил на ноги Зулин, приподнялся на локте Ааронн. Все дружно уставились на дварфа. – Да чего вы вылупились-то! Нет у меня никакой любимой!

– Да? – вежливо удивился Ааронн.

– Нет!

– Ты поэтому так расстроился?

– Да не поэтому, яйца Морадиновы!

– А почему?

– Из-за мешка!

– Он потерялся?

– Нет!

– А должен был?

– Что – должен был?!

– Потеряться.

– Кто?!

– Да мешок!

– Какой, к Морадину, мешок?!!

– Ну, тот, из-за которого ты так расстроился.

– Я не расстроился!

– О да, я вижу, – Аарон с чрезвычайно серьезным видом покивал головой. – Ты абсолютно спокоен.

Раздался тихий булькающий звук, и все обернулись. У костра, занавесившись волосами, давилась хохотом полуэльфка.

Часам к десяти из кустов вынырнул слегка запыхавшийся Ааронн и объявил, что след найден. Зулин соорудил начальственную рожу и скомандовал сворачивать лагерь. Солнышко припекало, утка приятно оттягивала животы. Иефа задорно тренькнула лютней, укладывая ее в чехол, и невинным голосом поинтересовалась у Стива, не забыл ли он случайно свой заветный мешок с любовной перепиской, после чего долго пряталась за стволами деревьев. В общем, поход продолжался в непринужденной и дружеской обстановке.

Ближе к полудню Стив окончательно решил, что со своей любовью к лесу явно поторопился. Бесконечные поляны, пролески, буераки и прогалины, кусты, трава, ветки – и бесконечная рябь солнечных лучей, пробивающихся сквозь листья.

Шли молча. Иефа мурлыкала под нос какую-то незатейливую мелодию, и дварф был более чем уверен, что следующий шедевр пигалицы будет называться "Любовные письма дварфа" или того хуже "Страсть в коричневом мешке". А еще Стиву почему-то казалось, что игры в бирюльки закончились. Слишком уж все было спокойно и безмятежно. Такая безмятежность Стива всегда настораживала. Руки чесались от безделья, в затылке свербело, и самое противное, что ведь не скажешь об этом никому – засмеют.

Правда, Зулин, хоть и не ругался и не ныл, но находился, похоже, в таком же состоянии. Во всяком случае, смотрел он мрачнее тучи, и руки потирал, и на кота своего не обращал никакого внимания, так что Зверь в конце концов обиделся и пристроился поближе к Иефе, а уж та на ласку не скупилась. "Змея!" – подумал Зулин. Ах, как здорово было бы обвинить кого-нибудь – да хоть ту же Иефу! – в том, что уже двадцать третье, что до финала, как до луны, что репутация теперь безнадежно испорчена, потому что судят всегда по первым шагам... Во всяком случае, он, Зулин, судил именно так. Да, обвинить и переложить всю ответственность за глупое поведение партии, бестолковые поиски следов и бесконечные ошибки, которых сделано уже столько, что и не перечесать. И ведь яснее ясного, что Ааронн – плохой проводник, Стив – плохой солдат, а Иефа – плохой сборщик информации. А он, Зулин... Плохой руководитель? Плохой маг? "Я хороший руководитель, – упрямо подумал планар. – Просто... Просто они меня не слушаются". "Я тебя тоже не слушаюсь", – протелепал мстительный фамильяр. "Молчи, животное! – мысленно взъярился Зулин. – И не смей подслушивать! А то, знаешь ли, так и до развоплощения довести недолго!" Зверь показал хозяину телепатический язык и фыркнул. Зулин расстроился окончательно.

Когда-то старикашка Мо долго и нудно втолковывал Зулину о пользе кривой. *"Неужели ты не понимаешь, фиолетовый мой, что прямолинейность сродни глухоте? Ты слушаешь, но не слышишь, а это очень важно – очень, очень важно! – слышать, что тебе говорят. Иногда просто интонация – понимаешь? – даже не слово, а именно интонация, да что там интонация – легкое дрожание голоса, хрипотца, или когда металл в гласных... Ты понимаешь? Нет, конечно, ты не понимаешь, не так устроен. Но послушай меня – уж что-что, а послушание у тебя на уровне рефлекса – послушай и запомни: даже просто не совсем правильно сформулированная фраза способна изменить судьбу целого мира! И поверь мне, изменения эти происходят не в лучшую сторону! Гибкость! Ты должен быть гибким! Потому что когда на тропу войны выходит прямолинейность, она уничтожает все. Это самый главный, самый важный урок: ищи изгибы. Если твой собеседник святой, подумай, скольких младенцев он мысленно придушил. Если перед тобой законченный ублюдок, не стоящий даже приличной казни, спроси его – может, когда-то давно он разводил цикламены и спасал от утопления бездомных щенков. И если когда-нибудь тебе покажется, что мир такой же черно-белый, как ты сам, посмотри на себя в зеркало. Даже в тебе не два цвета. У тебя глаза – синие"*.

Старик Баламут взволнованно бегал по комнате и размахивал руками. И голос у него дрожал и срывался – наверное, это была та самая хрипотца, которую так важно было услышать и понять, и Зулин слышал. Слышал, но не понимал, и от этого ужасно раздражался, и внутренне каменел, и даже осмелился возражения какие-то придумать, и даже высказать их собрался, но тут Мо КORTE глянул на него одним из самых безумных своих взглядов, и Зулин промолчал. Потому что очень хотелось жить. И с тех пор пресловутая кривая не давала Зулину покоя, вспоминалась в самые неподходящие моменты. Вот как сейчас.

– Задница Мораддинова! А это что, кладбище?!

Зулин встряхнулся и поднял голову. Партия стояла на краю широченной прогалины, сплошь усеянной ямами. Присмотревшись, планар подумал, что Стив, пожалуй, прав – ямы действительно сильно напоминали могилы, и радости это не прибавляло.

– Если это и кладбище, то оно какое-то неправильное, – тихо сказала Иефа. – Кладбище-перевертыш. Или кто-то собирается в ближайшее время похоронить штук двадцать покойников посреди леса?

– Не знаю, собирается или нет, а вырыли их сравнительно недавно – земля еще свежая. – Ааронн присел на корточки и заглянул в ближайшую яму. Иефа поежилась.

– А что если... – начала она, но осеклась.

– Что если – что? – раздраженно спросил планар, разглядывая прогалину.

– А что если тут не закапывать кого-то собрались, а... А наоборот?

– Что значит – наоборот?

– Ну, то есть их выкопали. Или они сами... выкопались. – Иефа сделала большие глаза и вцепилась в свою лютню. – А давайте уйдем отсюда, а?

– Брось, Иефа, – Зулин поморщился. – Если ты имеешь в виду зомби, то это очень глупо.

– Это сейчас глупо, когда светло, – полуэльфка жалобно посмотрела на спутников. – А вот когда стемнеет...

– Иефа, прекрати! – прикрикнул Зулин. – Ааронн, что ты пытаешься там найти?

Эльф выглянул из третьей по счету ямы и насмешливо посмотрел на планара. Зулин смутился.

– Я думаю, нам стоит исследовать эти ямы, – деловито сообщил проводник, вылезая и отряхиваясь. – Это, конечно, не могилы. Но в них есть немало интересного. Иефа, ты, кажется, равнодушна к зеленому цвету? Держи, тебе должно понравиться.

– Это что? – полуэльфка отступила на шаг и на всякий случай спрятала руки за спину. Вышло это у нее как-то так по-детски, что все умилились, даже Зулин. Стив деловито закинул топор за спину и со знанием дела принялся рассматривать камень, который лежал на эльфской ладони.

– Хороша огранка! – удовлетворенно крикнул дварф и решительно направился к ямам. – Если мы там еще парочку таких камушков найдем, то я с тебя, Зулин, платы за поход не возьму.

– Утешил, – буркнул маг, закатывая рукава балахона.

Иефа стояла на краю прогалины и с неожиданной обидой смотрела на своих спутников. В руке у нее сверкал и переливался на солнце изумруд, очень красивый, холодный и чужой. Почти такой же холодный, как Ааронн, который, снисходительно усмехнувшись, сунул девушке камень и вернулся к исследованию ям. Иефа чувствовала себя... А, черт с ним совсем!

Сопартийцы с мальчишеским азартом копались в "могилках", перекликаясь и балагурия. Они добрались уже до середины прогалины ("Стив, смотри, это по твоей части! Кажется, тоже драгоценный!" "Бросай сюда! Эх, раззява! Как же ты в гоблинов из арбалета попадешь, если даже в такую здоровенную ямищу камнем попасть не можешь!" "Смотрите-ка, а тут золото!" "Ааронн, признавайся, это ты из воровской гильдии добро упер и здесь закопал! А теперь тебя совесть замучила!" "Ну разумеется, Стив, надо же, какой ты у нас проникательный!"), а Иефа все стояла столбом и никак не могла сдвинуться с места. Зверь с выражением крайней преданности на морде устроился у ее ног. Ему эти раскопки тоже пришлось явно не по вкусу.

– Иефа! – полетел над прогалиной зычный голос дварфа. – А ну хорош отлынивать от работы!

– Действительно, Иефа, некрасиво как-то получается! – подхватил маг. – Присоединяйся!

– Ну, просто дети какие-то, – растерянно пробормотала полуэльфка и направилась к своим спутникам, осторожно обходя ямы. Эльфский изумруд она так и держала на раскрытой ладони. Зверь чинно следовал за девушкой, гордо распушив хвост.

– Я монеты нашел, – сообщил Стив, разогнувшись. – Ненашенские. Такие только в Железной империи льют. Интересно, как они сюда попали.

– А здесь кольца! – отозвался из другой ямы Зулин. – Не могу ничего утверждать, но, кажется, это рубины. Золотые кольца с рубинами – три штуки. Кстати, пока не забыл: неплохо было бы сделать опись всего, что мы тут найдем.

– А это для чего?

– Для отчета, – удивился Зулин всеобщей недогадливости.

– Не удивлюсь, если ты ведешь учетные записи – кто, когда спать лег и сколько раз в кусты сходил, – тихо проворчала полуэльфка. – Я надеюсь, мне не надо лезть в эти... углубления? – добавила она уже громче.

– Надо-надо! Очень даже надо! – радостно откликнулся Зулин. – Слушайте, други мои, может тут кто-то клад зарыл?

– Ага, двадцать ям вырыл и по три монетки в них разбросал, да так и не засыпал – и все это для маскировки, – не удержалась Иефа. – Шли бы мы отсюда, а? До ночи далеко, уйти бы успели.

– Меньше слов, больше дела! – менторским тоном сказал Зулин.

– Меньше слов! – Иефа фыркнула и осторожно спустилась в яму. – Это ты барду говоришь? Смешная шутка.

– Ух, какая же ты нудная сегодня! – Зулин выпрямился и приготовился произнести длинную речь о важности беспрекословного выполнения приказов, но передумал. Только зря время тратить. Женщине разве что-то докажешь?

– А сегодня моя очередь! – сварливо отозвалась полуэльфка из своей ямы. – Ты, между прочим, чрезвычайно непоследователен: сначала гонишь всех дальше и дальше, продохнуть не даешь, кричишь, что не успеем, опоздаем, что следы сотрутся... Зато теперь, когда тебе интересно покопаться в земле и поиграть в кладоискателя, мы, оказывается, уже никуда не торопимся! Кто-нибудь объяснит мне, что это за хреновина? – Иефа тщательно отряхнула землю с непонятной формы предмета и подняла его высоко над головой, чтобы все видели.

– Иефа, не стопори процесс! Складывай пока в рюкзак, на привале посмотрим! – рывкнул обозленный Зулин.

Часа полтора возились в земле. Умаялись и перемазались страшно. Стив обливался потом и шепотом ругал все ямы мира, вместе взятые, а заодно август, солнце и того, кто выдумал ходить в походы по такой жаре. А тот, кто выдумал ходить в походы по такой жаре, уныло размышлял о том, что до привала придется идти еще часа три, иначе его авторитет руководителя рухнет окончательно. Настроение неумолимо портилось и вскоре испортилось вовсе. Вдобавок, услышав, что помыться и отдохнуть в ближайшее время возможности не представится, Иефа встала на дыбы и рассказала спутникам, каждому по очереди, что она о них думает, что, естественно, немедленно вызвало яростную грызню.

Привал так и не сделали, и поэтому шли молча, грязные, взмыленные и раздраженные. Когда, ближе к вечеру, на пути попался ручей, Иефа объявила забастовку. На все уговоры партии она популярно объяснила, что как сборщик информации, просто обязана прилично выглядеть, потому что ни одна живая душа ничего не расскажет такому чумазому и воняющему потом пугалу, в какое она, Иефа, превратилась под чутким и, несомненно, талантливым руководством Зулина. И потом, вполне резонно заметила полуэльфка, если присутствие партии в лесу до сих пор не обнаружили по диким крикам, взрывам, вспышкам и попыткам развести костер при помощи магии, то теперь уж точно вычислят – по запаху. Этот последний аргумент пронял всех, даже эльфа. Зулин поспешно скомандовал привал и внеплановый перерыв на купание, Стив отправился за дровами, Иефа отправилась мыться, а проводник отправился неизвестно куда, после чего в лагере наступило затишье.

Солнце золотило верхушки деревьев, жара понемногу спадала. Иефа вылезла из ручья, отжала мокрые волосы и не без самодовольства подумала, что вот сейчас, пожалуй, похожа на какую-нибудь речную нимфу. По традиции, речной нимфе обязательно встречался на берегу прекрасный юноша, который падал к ее ногам, пораженный стрелой любви в самое сердце. Во всяком случае, так пелось в балладах. Иефа с сомнением посмотрела на еще не просохшую после стирки одежду и решила, что в лагере без нее пока обойдутся. Речная

нимфа – надо же...

Полуэльфка удобно устроилась на расстеленном плаще, подставила лицо лучам закатного солнца и усмехнулась. Эх, написать бы балладу, в которой речная нимфа, вместо того, чтобы краснеть и трепетать, залепила бы нагледу звонкую пощечину, чтобы впредь не подглядывал за купающимися девицами, сидя в кустах. А то послушать бардов, так каждая уважающая себя нимфа (или дриада, или русалка) только и мечтает о том, чтобы продемонстрировать свои прелести какому-нибудь идиоту. Иефа представила себе стройные ряды обнаженных нимф, разлегшихся на берегу ручья в ожидании зрителей, и захихикала. Нет, в ее балладе героиня не стала бы дрожать и вспыхивать, и высоким штилем изъясняться бы тоже не стала. Скорее всего – тут полуэльфка совсем развеселилась – взъяренная барышня выудила бы сковородку из-под ближайшего камушка (а что, почему у нимф, да, тем более, речных, не может быть какой-нибудь такой специальной сковородки?) и хорошенько...

Из ближайших кустов послышался громкий хруст, Иефа обернулась и обнаружила пунцового от смущения Стива, который пяtilся, не разбирая дороги и старательно отводил глаза. На долю секунды Иефа застыла с открытым ртом, а потом издала пронзительный визг, от которого с ближайших деревьев снялись и с шумом взлетели вверх галки, а Стив выронил дрова. Не зная, куда деваться от смущения, дварф пыхтел и ползал в кустах, собирая сучья и снова их роняя, и все пытался объяснить, что он не специально, и вовсе ничего такого, а просто так получилось, и, в конце концов, кто ее просил тут голышом расслаиваться!

Иефа металась по берегу, лихорадочно натягивая на себя мокрую одежду, а та не натягивалась, липла к телу и путалась, норовя зацепиться за что-нибудь; и полуэльфке приходилось прыгать на одной ноге, втискивая себя в штаны, и все это время она поливала Стива отборной бранью на всех четырех языках, которые знала, и порой вворачивала такие забористые выражения, что Стив не успевал удивляться и запоминать.

– Однако вы весело проводите время, други мои! – Иефа обернулась на голос и обнаружила у себя за спиной Зулина, с интересом наблюдающего за происходящим. – Только очень громко.

– О боги, здесь что – место какое-то заколдованное, что и тебя сюда принесло в самый неподходящий момент?! Что тебе в лагере не сидится?!

– Просто ты так громко кричала... Мы решили, что на тебя кто-то напал, и отправились спасать, – Ааронн отлепился от дерева и сунул в рот сухую травинку. Иефа едва сдержалась, чтобы не застонать от отчаяния. Эльф саркастически выгнул бровь, чем окончательно добил барда, развернулся и пружинистой походкой направился в лагерь. За ним последовал Зулин, укоризненно покачивая головой. Когда Иефа с ненавистью посмотрела на противоположный берег ручья, Стива в кустах уже не было. Полуэльфка расчесала еще влажные после купания волосы, заплела их в косу и поплелась в сторону лагеря, мрачно обдумывая наиболее эффективные способы самоубийства. В лагере Ааронн невозмутимо разделявал тушу косули, Зулин воспитывал фамилъяра и усиленно делал вид, что ничего не произошло. Стива с дровами ждали долго.

* * *

– Итак, приступим! – Зулин вытер руки об одежду и с удовольствием потянулся.

– Приступим к чему? – Иефа мрачно глянула в сторону дварфа, который пытался стать как можно незаметнее. – Мы уже к стольким вещам приступили, что никак закончить не можем. Выражайся конкретнее, пожалуйста.

– Приступим к изучению находок, – Зулин подавил приступ раздражения и подумал, что барда, в принципе, можно понять. – Насколько я помню, среди прочего в ямах обнаружилось нечто весьма интересное. Давайте-ка по порядку. Начнем с меня. – Зулин расстелил на траве кусочек полотна и вывалил на него содержимое небольшого холщового

мешочка. – У меня тут десять... нет, одиннадцать имперских золотых, три кольца с рубинами и золотая пряжка, кажется, тоже имперского происхождения. Стив, что у тебя?

– Негусто. – Стив встал, пробрался к полотну, далеко обходя полуэльфку, и выложил два массивных серебряных перстня, витой браслет с инкрустацией и золотую вилку. Зулин повертел в руках браслет и разочарованно швырнул его обратно.

– Ааронн?

– Я надеюсь, никто не расстроится, если я скажу, что не стал собирать всю эту драгоценную дребедень? Я оставил только одну вещь, которая меня заинтересовала. – Эльф достал из сумки багровый камень величиной с кулак. – Я, конечно, не знаток драгоценных камней, но этот совсем уж ни на что не похож. Стив, взгляни.

– Может, это такой рубин? – встрял Зулин.

– Скажешь тоже, – буркнул Стив презрительно. – Что ж я, по-твоему, не отличу рубин от... от...

– Ну, от чего?

– От... Мораддин его знает, я такого еще не видел. – Стив озадаченно почесал в затылке, рассматривая камень. – Это не рубин и вообще не драгоценный камень. Но его ограничили, причем очень, очень-очень давно. Рядом с ним не валялась ничего, похожего на оправу?

– По крайней мере, я не заметил.

– Он не сам по себе, это часть чего-то... – Стив задумчиво повертел камень в руках. – Но на украшение не похож – слишком большой и слишком... Не знаю, как сказать... В общем, хоть он и не драгоценный, сдается мне, что стоит он дороже всех этих побрякушек, вместе взятых. Я оставлю пока у себя?

– Оставь, – Зулин недовольно нахмурился. – Только я заберу его чуть попозже, попробую прощупать насчет магии. Иефа, а что ты молчишь? Ты ведь что-то нашла? Или мне показалось?

– Отец Арг говорил – когда кажется, креститься надо.

– Что делать?

– Креститься. Это у почитателей Единого такой священный жест. Могу научить.

– Иефа!

– Не кричи. Я в земле не копалась, поэтому у меня только две вещи: изумруд, который вы нашли с самого начала, и та странная штука, которой, по твоему меткому выражению, я стопорила процесс ваших игр в песочнице. Предъявить?

– Демон Баатора! Иефа, ты когда-нибудь будешь вести себя соответственно ситуации?

– Нет. Никогда. – Иефа снова просверлила дварфа взглядом и выложила на полотно свою находку. – Не знаю, что у вас там за камень такой, но он, кажется, с этой штукой из одной коллекции.

Сопартийцы молча уставились на "штуку". Три серебряных плюща, сплетаясь между собой, образовывали рукоятку длиной в полторы дварфские ладони и на конце ее распускались широкими серебряными листьями. Листья загибались на кончиках и держали, словно в горсти, круглый багровый камень такой же породы, как и найденный Ааронном. В целом предмет по форме напоминал маленький факел, скипетр и чашу для благовоний одновременно, но, несомненно, не был ни первым, ни вторым, ни третьим. Старое потемневшее серебро казалось почти черным, и только при ближайшем рассмотрении на изгибах рукоятки угадывались какие-то письмена, затертые и едва различимые.

– Иефа, какие языки ты знаешь? – спросил Ааронн, всматриваясь в руны.

– Четыре, помимо всеобщего. Эльфский, дварфский, имперский и гномий. Немного понимаю султанатское наречие, но это не считается. Ты думаешь, что...

– Нет, не думаю. Я просто надеялся, что ты обладаешь *полезными* знаниями. Я ошибся. Так... Это и не друидские руны. Зулин, может, это разновидность мажеского? Взгляни-ка.

Зулин насупился и внимательно всмотрелся в надпись.

– Нет, это не мажеский. Во всяком случае, такого мажеского я не знаю.

– Жаль... – Ааронн выразительно глянул на планара и отобрал находку. – Очень странно... – пробормотал он и потер лоб, как будто вспоминая что-то. – Очень-очень странно...

– Что же тебе кажется странным, может, просветишь нас? – Зулин собрал никому не интересные сокровища обратно в мешочек.

– Зулин, изумруд отдай, – тихо сказала полуэльфка.

– С чего это? – уязвленное самолюбие мага требовало компенсации.

– С того, что я так хочу. Пожалуйста.

– Но...

– Пожалуйста, – с нажимом повторила Иефа.

– На, держи, – Зулин равнодушно пожал плечами и подумал, что все женщины одинаковы. – Ааронн, ты намерен меня игнорировать? Я, кажется, задал вопрос.

– Что? – встрепнулся эльф. – Ах, да, прости. Мне кажется странным тот факт, что эта вещица сочетает в себе характерные мотивы как минимум трех культур: эльфской, человеческой и dwarфской. Согласись, необычное сочетание? Я бы сказал, практически невозможное.

– Ну да, – пробормотала Иефа, разглядывая изумруд. – Эльфы не любят людей, люди не любят dwarфов, а dwarфы не любят эльфов. Никто никого не любит.

– Вот именно. – Ааронн холодно глянул на барда.

– И что?

– Ничего. Я просто сказал, что это очень странно. Плюс язык, который нам непонятен, а среди нас есть как минимум два образованных... Индивидуума.

– Конечно, – снова подала голос Иефа, не отрываясь от своего изумруда. – С чего это dwarфы будут любить эльфов, когда они снобы заносчивые.

– Так! – Зулин, причисленный к "образованным индивидуумам", заметно приободрился и решил навести в лагере порядок. – Настоятельно советую обсуждение прекратить, поскольку некоторые из нас склонны идти на поводу у собственных эмоций. Заинтересовавшие нас предметы прошу отдать мне для проверки на наличие в них магии. Ааронн займется ужином, Стив соберет еще хворосту, а Иефа оставит в покое свою стекляшку и сходит за водой. После ужина отбой. Очередность дежурств такова: Иефа, я, Стив, Ааронн. Напоминаю всем, что сегодня уже двадцать третье августа. Подъем на рассвете. Все обсуждения продолжим по дороге. Вопросы есть?

– Иногда мне кажется, что ты эльф, – с чувством сказала Иефа, сунула изумруд в карман на поясе, подхватила фляги и исчезла в сгущающихся сумерках.

– Иногда наша Иефа бывает чертовски права, – пробурчал Стив и утопал за хворостом.

"Иногда стоит сначала подумать, а потом рот открывать", – неодобрительно протелепал Зверь. Ааронн, как всегда, промолчал.

* * *

Изумруд тускло поблескивал на ладони. Изумруд был всего лишь зеленым равнодушным камнем. Изумруд можно было небрежно отбросить и забыть о нем, потеряв в густой траве. Изумруд можно было положить в карман и не думать о нем, а доставать только в те редкие моменты, когда действительно понадобится. Изумруд не грел, не приносил радости и не заслуживал ничего, кроме равнодушия и забвения. И все-таки оторваться от него было трудно. "Ненавижу зеленый цвет", – подумала Иефа, сжав камень в кулаке. Лагерь спал. Тихонько посапывал сытый и довольный жизнью Зверь, горько вздыхал и ворочался во сне Стив. Иефа посмотрела на неподвижного Ааронна и снова разжала ладонь. Изумруд был отстраненно красив. На солнце он наливался яркой травяной сочностью и светился изнутри; в неровных отсветах костра он отражал все оттенки желтого; теперь, когда костер догорел, в

неверном свете растущей луны изумруд казался почти черным. "Как омут, – подумала Иефа, заморожено всматриваясь в холодные грани. – Как то озеро из моего сна, когда стоит опустить в воду руку, и тебя затягивает, затягивает, затягивает... И обратно уже не выбраться. Страшнее, чем в болоте утонуть..." Полуэльфка вздрогнула и подняла голову. Тихо шелестели листья на деревьях, где-то вскрикивала ночная птица. "Пройдусь вокруг лагеря, – решила Иефа и поднялась на ноги. – Согреюсь – и не так страшно".

Когда-то – давно-давно – Иефа очень боялась темноты. Пьяный отец возвращался из трактира за полночь и, дыша ненавистью и перегаром, рассказывал девочке – рассказывал мастерски, – что если она не будет спать, из-под кровати выползет мертвец и утащит ее в подвал. Иефа кутала босые ноги в старое лоскутное одеяло и тряслась, как осиновый лист, вжимаясь в стену. Кровать была узкая, и до края было так близко, и казалось, что если хоть щелочка останется между одеялом и тюфяком, если хоть краешек пятки высунется наружу...

Отец Арг бранился и говорил, что все это пьяные бредни, что такая взрослая девочка не должна верить во всякую чушь, и это так убедительно звучало днем... А потом снова наступала ночь, и неизбежной становилась грязная коморка с узким подслеповатым оконцем, и лоскутное одеяло, и страшно, страшно...

Потом Иефа устала просто бояться. Без света – в ее комнате никогда не было свечи – босиком шестилетняя Иефа ходила мимо кровати, от стены к стене, давясь слезами и в сотый, тысячный раз внутренне умирая. Потому что он ведь был там, подаренный пьяным отцом мертвец, был там, вопреки здравому смыслу, следил из темноты за ее голыми пятками и жадно вздыхал, и никто на свете не убедил бы Иефу в том, что это просто скрипят половицы.

По утрам слипались глаза, все валилось из рук, злой с перепоя Малком орал на дочь, а та молчала и сама постепенно становилась похожа на привидение. Однажды Иефа поняла, что есть только один выход – заглянуть под кровать и посмотреть мертвецу в глаза. Тогда все закончится. От этого знания стало только хуже, потому что заставить себя Иефа не могла. Отец всегда оказывался прав. Если он говорил, что на улицу лучше не показываться, потому что мальчишки закидают грязью, именно так и случалось. Если он утверждал, что в лавке зеленщика ей не продадут даже пучка укропа, продавец обязательно выставлял ее за дверь, хорошенько выругав. И если он сказал, что под кроватью кто-то есть, значит, этот кто-то действительно был, неизменно страшный, голодный и непобедимый.

Глупо, наверное, было пытаться что-то изменить, но однажды Иефа пришла к отцу Аргу и, глядя на него равнодушными глазами взрослого усталого человека, попросила похоронить ее в лесу, под старой липой. Тем же вечером она дождалась, пока Малком уйдет в трактир, стащила из мастерской огарок свечи и заглянула под кровать. Вернувшись из трактира, Малком обнаружил на полу крепко спящую дочь и не мог добудиться ее двое суток. Приходил отец Арг, читал старому барду проповеди, смачивал девочке виски святой водой и вздыхал, возводя глаза к потолку. Проснувшись, Иефа, как ни в чем не бывало, занялась своими домашними обязанностями. Она ничего не сказала ни отцу, ни священнику, но про себя твердо знала: если кто-то и был под кроватью, то он ушел. А еще она знала, что когда-нибудь он обязательно вернется.

"Мне совершенно нечего бояться, – убеждала себя полуэльфка, кружа вокруг лагеря. – Совершенно нечего бояться. Я хорошо вижу в темноте. У меня отличный слух, абсолютный, музыкальный. И потом – здесь нет пьяного папаши и узкой кровати. Это же лес – мне совершенно нечего бояться. Никто не подберется ко мне незамеченным – просто не сможет, потому что я настороже. К тому же, рядом три здоровых мужика, и каждый из них способен меня защитить. А сейчас от меня зависит, будут ли они пригодны к дальнейшему походу, мое дело – смотреть и слушать. Смотреть и слушать... Мамочки, что это?!"

Иефа застыла на месте и медленно стянула с плеча арбалет. В ночной тишине раздались глухие удары и надсадный скрип падающего дерева. Полуэльфка взмокла от страха и немедленно попыталась убедить себя, что это просто какому-то старому дереву пришел срок, и оно упало. Просто к северу от лагеря повалилось старое сухое дерево – и все.

Иефа перевела дыхание. После скрипа и треска сучьев тишина казалась просто оглушительной. Девушка переждала несколько секунд и неслышным кошачьим шагом двинулась к лагерю, держа наготове арбалет. Дерево или нет – а лучше быть поближе к своим.

Иефа успела сделать всего шагов пять, когда север снова ожил. Слева от полуэльфки послышались глухие шаркающие и скребущие звуки, как будто чья-то чудовищная рука вспахивала когтями землю, разрывая корни и разбрасывая сухие листья. Звуки далеко разносились по лесу, и не ясно было, где это – на соседней поляне или на дальней опушке. Иефа повернулась лицом к звукам и боком-боком стала отступать к лагерю, лихорадочно перебирая в памяти всех монстров, о которых ей когда-либо рассказывали, и пытаясь понять, скоро ли скребущее нечто доберется до нее, маленькой перепуганной полукровки. Арбалет в руках качался и вздрагивал, задевая за ветки, как будто тоже боялся. Иефа отступала вслепую, пока не споткнулась обо что-то мягкое и не повалилась на спину.

Зулин проснулся от чувствительного пинка пониже спины. Еще толком не сообразив, где находится, он разглядел мелькнувшие в темном ночном воздухе ноги полуэльфки и услышал сдавленный вскрик. Иефа сидела на земле, вытаращив на планара перепуганные глаза и зажав себе рот ладонью.

– Что за... – сердито начал маг, но маленькая ладошка барда запечатала рот и ему.

– Тише! Слушай! – Иефа крепко ухватила мага за плечи, и он почувствовал, что ее ощутимо потряхивает. – Что это?

Зулин прислушался.

– Я не... – начал он, оттолкнув руку Иефы, но та яростно шикнула, и Зулин осекся, даже голову вжал в плечи. – Я не знаю. погоди, не трясись. Дай подумать.

Еще некоторое время они слушали вместе, затаив дыхание. Звуки раздавались то громче, то тише, но все так же размеренно и, вроде бы, не приближались. Зулин мучительно пытался понять, что они ему напоминают, но сосредоточиться, когда ночь, лес, темнота, и рядом трясется растерянный бард, было практически невозможно. Единственное, в чем Зулин был абсолютно уверен, – ничего хорошего от этих звуков ожидать не следует.

– Что нам теперь делать? – прошептала Иефа, не в силах больше молчать.

– В каком смысле?

– Ну... Надо же выяснить, что это такое... Да?

– Надо ли? – Зулин с сомнением посмотрел на полуэльфку. – Может, до утра подождем?

– Ты с ума сошел?! – Иефа с неподдельным ужасом уставилась на мага. – До утра сидеть и слушать, и не знать, что это такое?! Да я поседею!

– Ну... – Зулин понял, что меньше всего на свете ему хочется выяснять природу таинственных звуков в ночном лесу, но полуэльфка была непоколебима.

– Пойдем! – она поднялась на ноги и потянула мага за рукав.

– Может, Стива разбудим? – спросил Зулин, все еще надеясь избавиться от неприятной необходимости куда-то идти. – Он все-таки воин...

– Стив топает, как слон. А мы должны подобраться тихо...

– Ну, тогда Ааронна. Он эльф, в конце концов, друид, проводник, он ходит гораздо тише меня...

– Ну и сиди здесь! – отчаянным шепотом вскричала Иефа, и планар с изумлением обнаружил, что она вот-вот разревется. – А я сама пойду! И сама все узнаю! И вообще!...

– Глупости какие... – пробормотал Зулин и решил: – Ладно, пошли. Только арбалет заряди, храбрая ты моя...

Пробираясь по темному лесу вслед за полуэльфкой, Зулин вдруг подумал, что, наверное, он очень счастливый планар, потому что ему еще ни разу не снились кошмары. Даже просто сны не снились – может быть, планары не видят сны? Когда-то Баламут пытался объяснить ученику, почему люди иногда с криком просыпаются среди ночи и потом не могут уснуть до утра, но Зулин ничего не понял. А теперь, глядя в напряженную спину

барда, он на секунду представил себе, что все это происходило бы с ним во сне, и снилось бы ему каждую ночь, и сделать с этим ничего нельзя было бы... Представив себе такую возможность, Зулин похолодел. Черные стволы деревьев, путаница корней и сухих листьев под ногами, трескучие веточки, на которые он постоянно наступал, а главное, непонятные зловещие звуки где-то впереди – все это совершенно выбивало Зулина из колеи. "Еще чуть-чуть, и я, кажется, начну бояться..."

Иефа двигалась бесшумно, как лесной дух, и планар уже в который раз испытал нечто вроде недоумения. В ней все было непонятно. И это стремление влезть именно туда, куда – а это было очевидно! – ей лезть совершенно не хотелось...

Иефа замерла и предостерегающе подняла левую руку – пальцы заметно дрожали. Зулин остановился. Звуки приблизились и стали четче, и помимо ударов, треска и шуршания, маг различал теперь еще и низкий сдавленный хрип, как будто кого-то душили. Иефа прислонилась к стволу дерева и повернулась к магу. Лицо у нее было белое, и зубы стучали, как в лихорадке.

– Ну, что там? – Зулин подошел на цыпочках к полуэльфке, но выглянуть из-за дерева как-то не догадался. Иефа пошевелила губами, закрыла глаза и явно собралась свалиться в обморок. Зулин схватил ее за плечи и легонько встряхнул.

– Иефа! – полуэльфка судорожно выдохнула и вроде бы пришла в себя, но трястись не перестала. – Возьми себя в руки! Что там?

– Ме... ме... ртвецы... – еле выговорила полуэльфка и крепко вцепилась в планара. – Я же говорила... Те ямы... Я же говорила... Значит их здесь... – Иефа грязно выругалась и тихонько застонала. – Полон лес...

– Что ты несешь?! – Зулин рассердился и, наконец, сообразил посмотреть сам. – Демон Баатора...

Дерево стояло на краю довольно широкой просеки, вспаханной и раскуроченной. По краям просеки валялись стволы с ободранной корой, свежесрубленные пни белели в темноте, как давние шрамы. Все вместе это производило тягостное впечатление огромной рваной раны, уставившейся взрытым нутром в ночное небо. Вдобавок, посередке, около могучего поваленного дуба возилось и вздыхало, с хрипом выдавливая воздух через полусгнившие голосовые связки, нечто, когда-то бывшее человеком. Зулин припал к шершавой коре и затаил дыхание. Мертвец двигался медленно и неуклюже, наклонялся, хватал что-то, тащил, отпускал, снова наклонялся... Из-за темной массы веток, шатаясь, вышел еще один. Хрипя и нелепо поводя плетями рук, он бессмысленно потоптался возле своего собрата, после чего снова убрел куда-то в темноту. Боясь пропустить малейшее движение мертвых, планар совершенно забыл про свою спутницу. Иефа глубоко дышала, вжавшись в дерево, но страх не уходил, только забирался все глубже в нутро, сворачивался там холодной змеей. Терпеть больше не было сил. Полуэльфка дернула планара за рукав.

– Зулин...

– Подожди! – маг нетерпеливо отмахнулся, так и не обернувшись.

– Нужно уходить отсюда... Наших поднимать... Бежать, понимаешь? Зулин!

– Да погоди ты! Погоди... Их там всего двое...

– Зулин, мы видели не меньше двадцати ям! Нужно бежать в лагерь! Если остальные доберутся до наших...

– Иефа, помолчи минуту. Чего же они там возятся... – планар вглядывался в темноту, пытаясь получше рассмотреть происходящее на просеке. – Странно очень... Демон Баатора! Да их трое – вон третий, его деревом придавило! Теперь понятно...

– ЗУЛИН!

– Да что такое, в конце концов?

– Если ты немедленно не пойдешь, нет, не побежишь со мной в лагерь, я тебе слепоту напою, я тебе столбняк устрою, я тебя...

– Подумать только, самые настоящие, живые зомби!

– Они не живые! – в голосе барда слышались истерические нотки. – Они мертвые!

– Ну да, – на мгновение смутился Зулин. – Тьфу, да не в этом дело! Сколько раз я просил старика Мо объяснить мне технологию управления мертвыми объектами или на худой конец просто показать приличного зомбуха – так нет, он вечно отговаривался тем, что это, мол, черная магия, что он такое не практикует... Нет, ну кто бы мог подумать, что мне выпадет такой замечательный шанс пронаблюдать, а может, даже изучить... – голос мага перешел в невнятное бормотание, Зулин явно разговаривал сам с собой. Иефа с ужасом поняла, что уходить он никуда не собирается. – Подумать только, – зомби, которые проявляют даже некую самостоятельность вне запланированных действий! Это же просто потрясающе! Невероятный уровень концентрации воли! Тот, кто ими управляет, – несомненно, гений! Нет, все-таки учитель был неправ, стоило заняться этим вопросом вплотную – тогда сейчас мне намного легче было бы разобраться в сути механизма...

– Зулин... Зулин, очнись... О чем ты говоришь... Нам нужно идти, ты меня слышишь? – полуэльфка растерянно посмотрела на мага и тронула его за плечо. – Пожалуйста, Зулин...

– Что? – планар обернулся, непонимающе глянул на барда. – Ах, да, конечно. Но ведь ты сама говорила – нужно выяснить... Мне потребуется совсем немного времени. Чуть-чуть. Только не отвлекай меня... Это очень мешает медитации...

– Зулин, пожалуйста...

– Шшшш...

Зулин прислонился к дереву и закрыл глаза. Спокойствие пришло как-то сразу, спокойствие и упорядоченность – они пришли и начисто стерли все краски окружающего мира, и Зулин даже успел слабо удивиться, что так быстро, а потом ему стало уже все равно. Он растворился в пустоте, потерял форму и обрел свободу. Где-то – не впереди и не сзади, потому что направления в пустоте не было, а просто где-то – клубилась Тьма, и к этой Тьме Зулин потянулся всем своим естеством, пытаясь проникнуть и понять. Он настиг ее – легко и непринужденно, и закружился в ней, и заговорил с ней, и Тьма ответила, принимая и обнимая, зашептала на тысяче разных языков. Зулин взметнулся и рассыпался, и когда радость освобождения достигла предела, он вдруг почувствовал себя и забился, пытаясь вернуться, но не смог.

Он ощущал себя, как рыба – воду, а птица – небо, если их вдруг отнимут. Его тело казалось чужим и безвольным, а тьма шептала, шептала, шептала – что-то, чего он не мог понять. Он был, и его не было, и от этого было яростно и плохо, и хотелось найти виновных в его беспомощности. Найти и подарить им эту тьму, это отнятое небо и воду, как их ощущают птицы и рыбы. Он был неподвижен и двигался, как тело, которое тащат. Тьма двигалась вместе с ним, говорила на непонятном языке, и не было ни единого уступа в пространстве, за который он мог бы зацепиться, чтобы больше не падать вверх. Он не знал себя. Сгусток материи, стреляющий нервными протуберанцами, горячая звезда, мысль сумасшедшего, приступ эпилепсии, стрела, человек, зверь или заклятие – кто он? Где он? Кто или что тащит его, лишив памяти, воли и разума, через липкую тьму? И зачем?...

Иефу трясло. Мертвецы на просеке хрипели и ворочались, а маг как ни в чем не бывало уселся медитировать. Зулин закрыл глаза, подставил неверному свету растущей луны черное – чернее ночи – лицо. Волосы были такими белыми, что почти светились в темноте. Иефа всхлипнула. Нужно было бежать в лагерь, бежать, что есть силы, поднимать всех на ноги и снова бежать, как можно дальше от этого кошмарного места. Нужно было остаться здесь, потому что медитирующий планар был абсолютно беспомощен. И кто знает, долго ли еще провозятся мертвые лесорубы, освобождая своего товарища, и какое дерево они захотят срубить следующим. Иефа зябко поежилась, вытерла слезы и выглянула из-за своего укрытия. Мертвецы стояли, покачиваясь, у кроны поваленного дерева, словно раздумывая, что делать дальше. Дунул ветер и донес запах. Иефа задохнулась, зажмурилась, сжала кулаки. За ее спиной планар вдруг издал низкий горловой звук, забился, взрывая ботинками землю, обмяк и повалился, как мешок сена, нелепо раскинув руки.

– Зулин, – прошептала полуэльфка, опустившись на колени рядом с неподвижным магом. – Зулин, очнись.

Иефа осторожно взяла планара за руку, искала пульс, но не нашла. Ледяной волной накатила паника.

– Зулин, пожалуйста! Ты меня слышишь? Зулин! О, дьявол! Ну что же ты! Зулин! Зулин! – Иефа взяла планара за плечи несколько раз встряхнула, пошлепала по щекам. Молочно-белая голова безвольно перекатилась туда, обратно и застыла.

– Зулин, миленький, ну, пожалуйста... – на просеке усилилось движение. Иефа выглянула и разглядела еще двух мертвецов, бредущих с севера. – О господи... Зулин... Зулин!

Иефа больше не вытирала слезы, – забыла – и они бежали по щекам, смешивались со струйками пота где-то у горла и забирались за ворот рубахи. Планар оказался тяжелым, очень тяжелым. Сначала полуэльфка несла его, взвалив на плечо, как носят раненых. Волосы растрепались и лезли в рот, пот капал с бровей и заливал глаза, Иефа почти ничего не видела, спотыкалась о корни, царапалась, продираясь через кусты, а потом провалилась ногой в заячью нору и упала. После этого, кое-как поднявшись на ноги и определив направление, она тащила планара по земле, держа под мышки. Прошла уже целая вечность, а лагерь все не появлялся, не было видно отблесков костра, а потом Иефа вспомнила, что костер догорел, потому что она не подкармливала его хворостом. Иногда ей казалось, что маг уже умер, что еще немного – и он тоже поднимется и будет хрипеть, бессмысленно поводя руками, и схватит ее за горло, и заглянет в глаза. Все это было ужасно глупо, Иефа гнала от себя эти мысли, от которых желудок скручивали спазмы, и не останавливалась. Потому что остановиться было еще страшнее... Безумно хотелось позвать на помощь. Иефа молчала, всхлипывала и шла дальше, стараясь побыстрее переставлять непослушные ноги. А потом, оглядевшись вокруг, вдруг узнала приметный пенёк-выворотень и поняла, что прошла мимо лагеря. Захотелось сесть на землю и зареветь в голос. Иефа остановилась на секунду, откинула волосы, обернулась, почувствовав чей-то взгляд, и все-таки разревелась – от облегчения.

– Зверь, – полуэльфка протянула руку к фамильяру. – Ах ты мой котик хороший...

Глава 12

На темной лесной поляне вздрогнул и проснулся от паршивого сна фамильяр. Сон не хотел отпускать и цеплялся за ускользающее в реальность сознание. Зверь повел ушами, принялся, огляделся. Хозяина нигде не было. Не было и смешной остроухой девушки, которая так недоверчиво отнеслась к Зверю вначале и так мило заботилась о нем потом. Зверь сел и подергал усами от неясного томительного беспокойства. Девушки здесь и не должно быть, а вот хозяин... Зверь позвал, но ответа не получил и встревожился всерьез. Еще ни разу не было так, чтобы хозяин не среагировал на зов. Он мог промолчать, отмахнуться мысленно, но его присутствие Зверь чувствовал всегда, как лежащую на загривке руку. А сейчас хозяина не было, не было *совсем*. Фамильяр позвал громче, сильнее, потянулся к хозяину всем своим существом, и когда уже почти уловил слабую пульсацию хозяйского сознания, на него напала Тьма. Зверь шарахнулся, прервал зов – резко, сразу, как нельзя было делать ни в коем случае, но это его спасло. В кошачьей голове нарастала и зрела боль от кровоточащих мыслей. На подкашивающихся лапах Зверь подковылял к Ааронну и уткнулся холодным носом ему в щеку. Эльф открыл глаза.

– Что?

Зверь мяукнул жалобно и тяжело завалился на бок. Ааронн подхватил фамильяра на руки, быстро огляделся, прислушался и встал.

– Стив! Стив, к бою!

Дварф подскочил, будто его холодной водой облили, схватил топор, принял боевую стойку и начал ошеломленно озираться в поисках врагов.

– Стив, быстро. Разведи костер, и – расходящейся спиралью вокруг лагеря. Беда с нашим магом приключилась, искать надо.

– А Иефа? – дварф мгновенно пришел в себя и бросился раздувать угли.

– Надо полагать, там же, где Зулин. К тому же, на севере что-то происходит. Слышишь?

– Слышу, – Стив подкинул веточек в весело затрепавший костер и поднялся на ноги. – Я пошел. Ежели чего – позову. – Не дожидаясь ответа, дварф поудобней перехватил топор и скрылся в темноте. Ааронн расстелил у костра плащ, бережно уложил на него кота, бросил в костер пучок сухих трав, отчего по поляне пополз сладкий, дурманящий дым. Эльф сосредоточился, положил руки на голову фамильяру и застыл.

Стив шагал по темному лесу, не таясь, и думал, что зарубит любого, кто попадется ему на пути. Звуки на севере то приближались, то отдалялись, и несколько раз Стив порывался свернуть и идти напрямик, туда, откуда исходила явная угроза, но потом вспоминал холодные сосредоточенные глаза Ааронна и возвращался на прежний маршрут. Эльфу виднее – в конце концов, он друид, знает лес. У кота с Зулином магическая связь – вот приведет эльф животинку в порядок, сразу узнает, в какой стороне маг застрял. Может, и про Иефу чего узнает. Хорошо бы.

На поляне Ааронн выдохнул и открыл глаза. Зверь пошевелился, поднял голову, сел.

– Ну что? – эльф заглянул в желтые кошачьи глаза и вытер со лба пот. – Жив?

Зверь благодарно мурлыкнул и потерся головой об эльфское колено. Ааронн потрепал кота по загривку и поднялся на ноги.

– А теперь слушай: если я буду ошибаться, дай знать, мяукни, например. Ты проснулся, потому что что-то случилось с твоим хозяином, что-то нехорошее. Ты попытался с ним связаться, и это что-то чуть не случилось и с тобой тоже. Верно? – Зверь внимательно смотрел эльфу в глаза и молчал. – Отлично. Повторять этот подвиг я тебе не советую, но определить направление ты, думаю, можешь, не подвергая себя опасности. Просто попытайся как бы в замочную скважину подсмотреть. Зулин там, на севере? – Зверь склонил голову на бок, пошевелил ушами и неуверенно мяукнул. – Двигается? К лагерю? – кот завертелся на месте, переступая лапами, и мяукнул совсем жалобно. – Ладно, я понимаю, трудно определить. – Ааронн задумался и заговорил сам с собой. – В любом случае, если Зулин так здорово попался, что вслед за ним чуть не угробился фамильяр, значит, передвигаться самостоятельно он не может. Отсюда вывод: либо его тащит Иефа, либо те, кому он попался. Первый вариант, конечно, предпочтительней. Послушай, друг мой, – эльф повысил голос, обращаясь к фамильяру, – отправляйся-ка ты тоже кругами. – Зверь распушил хвост, сверкнул глазами и растворился в темноте. Ааронн еще раз прислушался, тронул плащ Зулина и направился к северному краю поляны, внимательно глядя себе под ноги и бормоча. – Ну конечно... Она ходила вокруг лагеря, и вдруг услышала звуки. Конечно, она решила разбудить кого-то из нас, она ведь не полная дура... Конечно, очень боялась, вот здесь даже пятилась... Ого! Теперь понятно, почему Зулин, она об него просто споткнулась. Так. Потом они пошли вместе... – не престава бормотать, эльф скрылся в кустах.

Стив замкнул четвертый круг и почувствовал, что сатанеет. Ему казалось, что прошло уже много часов, за которые можно было тысячу раз куда-то побежать, с кем-то сразиться, быть может, погибнуть, пусть, но *сделать хоть что-то*, а не бродить вот так по зарослям, сшибая шляпки с белых поганок. Уже дважды Стив наткнулся на фамильяра, который, похоже, раздумал умирать и с деловым видом шнырял по кустам. Было видно, что Зверь тоже ищет, и по всему выходило так, что зря Стив доверился эльфу, что толком для спасения пропавших сопатийцев ничего не делается. Что сейчас творится с магом и полуэльфкой – об этом даже думать не хочется. А ведь можно было, можно было... Эх! Стив остановился и прислушался. Невнятный звук, вроде бы тихое бормотание, но что-то до боли знакомое. Тише, тише, еще тише... Отдаляется. Стив плюнул на поручение эльфа и пошел на звук, стараясь не шуметь. Бормотание медленно двигалось на юг, минуя лагерь с западной стороны, становилось то тише, то громче, то совсем прерывалось, и тогда Стиву казалось, что он слышит жалобные всхлипывания. Где-то недалеко мяукнул радостно Зверь, и Стив,

больше не прячась, побежал.

– Зверь... Ах ты мой котик хороший... – услышал он Иефин голос через несколько минут и, с шумом проломившись сквозь кусты черемухи, выскочил на поляну. Полуэльфка дернулась, обернулась на треск веток и выпустила из рук неподвижного мага. Стив метнулся, успел подхватить падающее тело в фиолетовом балахоне и отметил про себя, что крови на Зулине нет, а у полуэльфки здорово трясутся руки.

– Цела? Ранена? Сколько их?

– Стив... Нужно уходить, как можно быстрее! Я же не думала, что... А там вырубка! Я подумала – двадцать ям! Двадцать! Это так страшно, Стив... И он упал, а там пришли новые, и я побежала... а потом пошла, потому что упала и ногу подвернула... а потом вспомнила, что костер погас, и лагерь не могла найти... Я совсем запуталась, пока его тащила... – полуэльфка неуклюже пыталась помочь Стиву нести планара и только мешала. Она говорила и говорила без остановки, только чтобы не слышать лесную тишину и зловещие звуки в ней, и Стив, который собирался к чертям собачьим разнести этот лес и этот мир, если с ней вдруг что-то случится, если хотя бы один волос упадет с ее непутевой головы, если хотя бы одна цапаина...

– Я тебя спрашиваю – цела?! – рявкнул Стив, невесть с чего вдруг взъярившись.

– Цела, я... – ошеломленно покачнулась Иефа. – То есть мы не... Стив...

– Ну и хватит болтать! – дварф снова зашагал к лагерю, ворча и постепенно успокаиваясь. Иефа молчала и старалась не отставать.

До поляны добрались довольно быстро – минут за пять, костер еще не успел погаснуть. Стив уложил мага на расстеленный плащ и постановил сам себе спокойно дожидаться Ааронна, после чего уселся рядом и принялся точить топор. Иефа растерянно смотрела на него, переминаясь с ноги на ногу и страдая.

– Послушай, Стив, – не выдержала, наконец, она. – Отсюда надо уходить. Там на севере мертвые из могил повставали, ты меня слышишь? Стив!

– Аароннаждемся – решим, – буркнул дварф, не прерывая своего занятия, а про себя подумал: "Совсем девка сдурела".

– Стив, ты оглох?! – Иефа сорвалась с места и схватилась за походные сумки. – Тебе на дварфском повторить, чтобы понятней было?

– Полагаю, достаточно будет всеобщего, – подал голос Ааронн, появившись, как всегда, неожиданно. – И бежать куда не надо, а вот объяснить толком, что произошло, все же стоит.

– Вы непрошибаемые оба! Я вам говорю, там...

– Я видел. – Ааронн подошел к планару, опустил на колени и стал спокойно его осматривать. – Так, внешних повреждений нет... Там действительно зомби, шесть...- эльф запнулся и поморщился. – Шесть штук. Но они валят лес и никого не трогают, и сюда идти не собираются. Я согласен, зрелище отвратительное и пугающее, но сейчас не время для истерик. Поэтому сядь, успокойся и объясни внятно, что случилось с нашим драгоценным командиром, потому что физически он совершенно здоров.

– Там чего, и взаправду мертвяки? – Стив поднял голову и с любопытством уставился на эльфа. – А я уж было решил, что это нашей пигалице со страху почудилось.

– Не почудилось, – Ааронн жестом остановил готовую разразиться гневной тирадой полуэльфку и потянулся за своими травами. – Иефа, мы тебя внимательно слушаем. Только, пожалуйста, как можно спокойней. И сядь, в конце концов.

– Ну конечно, – с горечью произнесла полуэльфка, – вы же все волки матерые. Вам что один зомби, что шесть – все ни по чем. Вот и Зулин тоже заинтересовался – дальше некуда. Как увидел мертвецов, так и оживился, простите за каламбур.

– Иефа!

– Я рассказываю! Он сказал, что это высокий уровень концентрации воли, что тот, кто ими управляет, – гений, и что ему нужно сосредоточиться, чтобы все выяснить, и еще что-то про медитацию. А потом закрыл глаза, сел и вырубился.

– То есть вы даже не дрались ни с кем? – разочарованно протянул Стив. – Я-то думал...
– Лучше бы они дрались... – мрачно проговорил Ааронн и положил ладонь планару на лоб.

– Мне все время казалось, что Зулин умер, – Иефа зябко повела плечами и под села ближе к огню. – Я не нашла пульс, и когда несла, пыталась услышать сердце, но не слышала. Что с ним случилось?

– Как тебе объяснить... – Ааронн пожал плечами. – Грубо говоря, его поймали. Он, конечно, не умер, иначе Зверь сейчас не вылизывался бы у костра. Судя по твоим словам, он хотел прощупать силу, управляющую зомби, так сказать, подсоединиться к каналу, но не справился. Видимо, умения не хватило, или знаний. Так или иначе, своими силами он вернуться не может.

– Задница, – резюмировал Стив. – Может, сходить туда, к мертвякам, найти их командира и рыло ему начистить, чтоб на чужих планаров не зарился? Нет ничего убедительней хорошей оплеухи, тут уж маг, не маг, один хрен. Головы-то у всех одинаково болят.

– Извини, Стив, но это плохая идея.

– Почему?

– Потому что до главного ты не дойдешь. Во-первых, вряд ли он ограничился только шестью мертвецами – вполне логично предположить, что там, куда они тащат поваленные деревья, орудует еще как минимум сотня их собратьев. Я очень высокого мнения о твоих бойцовских качествах, Стив, но против сотни... А во-вторых, для того, чтобы управлять мертвыми, совершенно не обязательно находиться где-нибудь поблизости. Не удивлюсь, если он преспокойно занимается своими делами в каком-нибудь старинном замке за много-много дней пути отсюда. В-третьих, не забывай про гоблинов. Ну, отправишься ты бить морду неизвестному некроманту, оставишь нас с Иефой охранять Зулина... Много мы тут навоюем без тебя?

– Да уж вы навоюете, – пробурчал польщенный дварф.

– В любом случае, надо уходить отсюда! В конце концов, Зулина можно нести! Ну неужели вы не понимаете, что здесь опасно?!

– Иефа, милая, хочешь, я открою тебе большую тайну? – Ааронн насмешливо посмотрел на взъерошенного барда. – Здесь *везде* опасно. И эта поляна ничем не хуже и не лучше других.

– Но ведь нужно что-то делать! – Иефа стукнула себя в сердцах по коленке и схватилась за голову. – Нельзя так просто сидеть и ждать, не известно, чего!

– Предлагай, – вежливо согласился Ааронн. – С удовольствием тебя выслушаю.

– Я не знаю... – полуэльфка растерялась и сникла. – Ты ведь целитель... Вылечи его.

– Он не ранен и не болен. Он пойман. Неужели я плохо объяснил?

– В таком случае, может быть, я... Как тогда, после стычки, а? Он тогда тоже не был ранен, просто потратил слишком много силы.

– Иефа, – Ааронн устало вздохнул и пощупал лоб планара. – Ты меня не слушаешь. Любая сила, которой ты сейчас попытаешься поделиться, пойдет не Зулину, а тому, кто его поймал. И нет никакой гарантии, что тебя не затянет туда же, потому что его медитации и твое врачевание по сути своей очень похожи. Понимаешь?

– Но ведь можно сделать хоть что-нибудь!

– Действительно, Ааронн, – поддержал полуэльфку дварф. – В любой ситуации есть как минимум один выход – убиться головой об дерево, например. Не бывает так, чтоб ну вообще ничего... Мы ведь знаем, что конкретно с ним произошло. Должна быть какая-то лазейка. Ты подумай – ты ведь в этом лучше разбираешься, в хитростях этих магических. Давай Зверя к нему зашлем – у них ведь связь?

– Зверь уже пытался, – сухо ответил эльф. – После этой его попытки мне пришлось потратить немало сил, чтобы вытащить его с того света. И если с Зулином у него есть связь, то с нами – нет, он даже рассказать нам ничего не может. Единственное, что должно хоть

как-то помочь, – мощный мотиватор, что-то, являющееся для Зулина очень важным, на что он завязан. Вы знаете его дольше, чем я. Думайте.

– Дольше... – Иефа всплеснула руками и хмыкнула. – На целый огромный день дольше! Да мы понятия не имеем, кто он, откуда, что любит, чего не выносит, даже не знаем, что он за существо! Этого, кстати, он и сам, кажется, не знает! Никто из нас ничего друг о друге не знает, потому что каждого волнуют только его собственные заботы и тайны!

– А тебя, значит, нет? – ошетинился Стив.

– И меня! – Иефа вскочила на ноги и забежала вокруг костра. – А чем я лучше?! Или с полукровок особый спрос?

– Иефа, не заводись.

– Тебе легко говорить, Ааронн! Не заводись! Не нервничай! Держи себя в руках! Что там еще? А, будь спокойней!

– Иефа...

– Да брось ты... – полуэльфка безнадежно махнула рукой. – Команда, называется. Единственное, что я знаю о Зулине, сводится к его стремлению везде и всегда поддерживать армейскую дисциплину. Пусть хоть небо на землю упадет, а приказ должен быть выполнен. Солдафон. Вот и все! Сильно нам это помогло?

– Ну, это уже хоть что-то.

– Да брось ты... – повторила полуэльфка и тяжело опустилась на плащ. Стив пробормотал что-то невнятное и начал копать в своем безразмерном рюкзаке. Иефа потеряла глаза.

– Дело к рассвету, – тихо сказал Ааронн. – Нам всем не мешало бы немного поспать. Я покараулю, а вы ложитесь. Глядишь, к утру, на свежую голову что-нибудь придумаем.

– Да уж мы придумаем... – буркнула полуэльфка, но спорить не стала. Спать не хотелось совершенно, но очень хотелось лечь и не двигаться, закрыть красные воспаленные глаза и ни о чем не думать. Через минуту Иефа уже спала.

Стив ворочался и страдал, пытаясь поймать маленькую юркую мыслишку, которая уже с полчаса крутилась у него перед носом и все никак не давалась в руки. Собственная голова представлялась Стиву огромным мешком, набитым всякой всячиной, полезной и не очень, и вот среди этой всячины виртуозно пряталась мыслишка, раздражала и дразнила, помахивая облезлым хвостиком. Мысль была как-то связана с планаром, его командирскими замашками и словами Ааронна, но ниточки, которыми она была со всем этим связана, безжалостно спутались в невнятный клубок, распутать который не было никакой надежды. Стив решил не обращать на мыслишку внимания, улегся на спину и стал думать о том, как смешно и жалко выглядела полуэльфка на лесной поляне с прилипшими ко лбу прядями, сбившимся дыханием, в нелепой позе; как явно она обрадовалась его, Стива, появлению; самой, небось, тяжеленько было тащить мага, хоть он и не большой вроде, а ощутимый, весь вес в мозгах сосредоточился; ну да, мозги мозгами, а в этой ситуации никакие мозги не спасли, наоборот, от большого их количества стало еще хуже; вот был бы Зулин безмозглым магом, глядишь, и не поймал бы его никто, а теперь лежи и придумывай, на что же это он такое завязан, что может его оттуда выдернуть... Тьфу! Стив упрямо отогнал мыслишку, не давая втянуть себя в новые жмурки, и перевернулся на бок. Попытался еще подумать о полуэльфке, но тщетно. "Буду спать, – решил Стив, – вот всем назло буду спать до самого утра, и гори оно все синим пламенем". Приняв такое решение, Стив немедленно открыл глаза, сел и уставился на огонь. Вот ведь незадача!

Небо над верхушками деревьев медленно, будто нехотя, меняло цвет. У костра, достаточно далеко, чтобы в шубу не залетели случайные искры, но достаточно близко, чтобы наслаждаться теплом, щурил невозмутимые глаза фамилляр. Стив смотрел неодобрительно на Зверя и думал, что вот у него хозяин почти что дуба дал, а он сидит себе, в ус не дует, ухом не ведет. В прочем, чему тут удивляться, он, Стив, никогда не испытывал большой любви к их кошачьей породе, потому что все кошки... Мыслишка молниеносно выросла в огромную *мыслишку*, выскочила вперед и скорчила страшную рожу.

– Кошки! – заорал не своим голосом Стив, взвился на ноги и ринулся к своему рюкзаку. От мощного dwarфского рева проснулась и заметалась в панике полуэльфка, вздрогнул проводник, взъерошил шерсть на загривке фамильяр. Стив ни на кого не обращал внимания. Он остервенело рылся в своих вещах и повторял:

– Кошки, кошки! Как же я, дурак, сразу не додумался!

– Стив, ты с ума сошел? – слабым голосом спросила полуэльфка. – Какие кошки? Что происходит?

– Это не я с ума сошел, это мы все тут последние мозги растеряли! Эх, столько времени зря потратили, остолопы!

– Да объясни ты толком!

– Кошки, я говорю! А, задница Мораддинова! Ну, эти, глиняные, мерзкие такие! Да где ж они, еханный карась, как пить дать, на самом дне!

– Стив! – Иефа села, растерянно переводя взгляд с эльфа на dwarфа. – Я ничего не понимаю...

– Да что тут понимать-то! – Стив с досадой швырнул мешок на землю и перевел дух. – Помните, Зулин нам раздал таких противных глиняных кошек, ну, еще в самом начале? Он еще тогда сказал, что это вроде средства связи, что если с кем-то из нас что-то случится, нужно кошку разбить, и тогда он сразу об этом узнает, потому что они, кошки эти, все завязаны на него !

– Ты хочешь сказать, что...

– Я ничего не хочу сказать, я хочу одну из них разбить! Ну, приятель, – Стив воинственно глянул на эльфа. – Скажешь, плохая мысль?

– Стив, – очень серьезным тоном ответил эльф, – это просто отличная мысль.

* * *

Зулин смертельно устал. Все меньше и меньше хотелось жить, ощущения блекли и растворялись, и оставалась только усталость, медленная и тягучая. Зулина несло куда-то на волнах усталости, мимо мелькали глинистые пологие берега, и, наверное, можно было выбраться на один из них, сбросить с плеч мокрый балахон и начать бороться, но ради чего? Вялые мысли чахлыми былинками выросли на берегах, и Зулин хватался за них, просто из чистого упрямства, и былинки таяли, расплзались мутным илом между пальцами и смешивались с усталостью. Не было ни одного лица, имени или слова, которые оказались бы сильнее Тьмы, сильнее плавной вязкой реки и глинистых берегов. Когда Зулин понял это, ему стало безразлично, куда плыть. Он перестал цепляться за былинки, раскинул руки и отдался медленному течению, чувствуя, как в груди растет и разливается блаженная пустота, и успел даже немножко обрадоваться тому, что все так просто, когда...

– БАЦ!!! – страшным голосом закричал Стив и изо всех сил шандарахнул глиняную кошку об дерево. Планар вздрогнул, выгнулся дугой и забился.

– Иефа, давай! – Ааронн коршуном ринулся на хрипящего мага, схватил его за плечи и прижал к земле. – Зверь!!!

Фамильяр утробно мяукнул и послал хозяину самый сильный зов, на который был способен, полуэльфка упала на колени рядом с планаром, одной рукой вцепилась в эльфа, вторую прижала Зулину ко лбу, закрыла глаза и застыла. Воздух над магом тихонько завибрировал и начал потрескивать голубыми искрами, Зулин перестал хрипеть, биться и задышал полной грудью, жадно, захлеб, как будто долго пробыл под водой. Иефа побледнела, но рук не разжала, только сгорбилась немного. Дыхание планара выровнялось, стало спокойным, и Зулин открыл глаза.

– А, паразиты! – взревел Стив и исполнил какой-то дикий dwarфский танец вокруг

костра, чуть не раздавив фамильяра. – Напугали ежа голой задницей?! Нате вам наше с хвостиком! – Стив добавил несколько забористых фраз из лексикона старшего брата и погрозил северу кулаком.

– Все, – Ааронн отвел руку полуэльфки и выпрямился. – Все, Иефа, пока достаточно. Слышишь меня? Побереги силы, отдохни. Ты молодчина, у тебя все получилось. Видишь, а еще учиться не хотела... – эльф улыбнулся и посмотрел на планара. Зулин переводил бессмысленный взгляд с Иефы на Ааронна и часто моргал. – Ну что, командир, как ты себя чувствуешь?

– Я... – Зулин попробовал пошевелиться и застонал. – Ой, как мне хреново...

– А ты что думал – в сказку попал? – неожиданно хриплым голосом сказала Иефа и с трудом поднялась на ноги. – Стив, дай попить чего-нибудь. В горле пересохло.

– А почему у меня все болит? Меня что, били? – планар повернул голову и поморщился.

– Я тебя роняла, – мрачно ответила полуэльфка, оторвавшись на минуту от фляги. – Ты тяжелый, как выяснилось... Ох, как же спать хочется...

– А ты ложись, – посоветовал Ааронн. – Все равно, пока Зулина в порядок не приведем, дальше не двинемся, так что ты ложись, спи.

– Ага, – поддержал Стив и с подвыванием зевнул. – А я подежурю, мне спать совсем не хочется! А если на нас мертвяки попрут, я им к такой матери бошки поотрубая, вы и глазом моргнуть не успеете!

– Ну, вот зачем ты напомнил, – жалобно пробормотала полуэльфка, кутаясь в плащ. – Я теперь ни за что...

– Умаялась... – с сочувствием посмотрел на спящую Иефу Стив. – Хлипкие они, барды, невыносливые...

* * *

– Ну-с, други мои, предлагаю обсудить создавшуюся ситуацию! – провозгласил Зулин и глотнул из фляги.

– Надо же, как ты взбодрился к вечеру... – Иефа с неприязнью посмотрела на мага и плотнее закуталась в плащ.

После ночных приключений Зулин, хоть и пришел в сознание, был настолько слаб, что не мог пошевелить ни рукой, ни ногой. Любое движение вызывало прилив тяжелой дурноты, планар потел и задыхался, и вообще выглядел неважно. С самого утра, примерно часов семь подряд, с перерывами на короткий отдых, Ааронн пичкал мага восстанавливающими зельями собственного изготовления, а Иефа накачивала его силой, с каждым разом чувствуя, что вот еще чуть-чуть – и помощь понадобится ей самой. Планар восстанавливался медленно, с натугой, иногда полуэльфке казалось, что в Зулине образовалась небольшая черная дыра, в которую уходят силы и магия, уходят без пользы и без возврата. Но к вечеру наступил перелом: сначала планар перестал ныть и метаться, потом сел, потребовал еды, воды, а через полтора часа уже вовсю расхаживал по лагерю, бодрый до отвращения. Зверь шнырял по округе, исполняя обязанности часового. Солнце клонилось к закату, тени удлинились, перечертили поляну смесью горячего желтого и глубокого черного, Иефа куталась в плащ и думала, что теперь лагерь похож на нелепого гигантского шмеля, распластавшегося посреди леса. Коленки у полуэльфки ощутимо подрагивали, по телу разливалась противная слабость, а еще Иефа постоянно мерзла, как будто вместе с силой отдала Зулину все свое тепло. Впрочем, вполне возможно, что так оно и было.

– Что мы имеем в итоге? – продолжил маг, энергично встряхивая флягой.

– Ничего мы не имеем, – мрачно проворчал Стив и отобрал у планара флягу. – Зато нас все имеют. Гоблины на северо-востоке и мертвяки на севере.

– Ну вот, как минимум два вопроса на повестке дня! – ничуть не смутился Зулин. –

Вопрос первый: как мы будем разбираться с гоблинами? Вопрос второй: что мы будем делать с зомби?

– А мы с ними будем что-то делать? – поразилась полуэльфка. – Я не ослышалась? Зулин, по-моему, ты еще не совсем в себе. Какие зомби, о чем ты говоришь? Тебе мало сегодняшней ночи? Мне кажется, или мы все-таки забрели в этот чудесный лес с несколько другой целью?

– Вот и хорошо, – обрадовался маг. – Давайте это обсудим.

– По-моему, мы немного перестарались с энергией, – тихо сказал Ааронн и подбросил веток в костер. – Уймись, Зулин. Ты похож сейчас на годовалого пса, которого на прогулке с поводка спустили. Что ты хочешь от нас услышать?

– Я хочу услышать, – насупился маг, – займемся ли мы зомби прямо сейчас, или все-таки на обратном пути, после того, как вернем... – Зулин поймал внимательный взгляд Иефы и осекся. – Вернем то, что должны вернуть.

– Ты с ума сошел, – покачала головой полуэльфка. – А вы чего молчите? Ну, скажите же ему! Скажите ему, что это безумие! Стив! Ааронн! Да что вы – язык проглотили оба?! Или вы тоже... – Иефа обвела взглядом сопартийцев, но те старательно прятали глаза. – Да вы все тут сумасшедшие!

– Я не понимаю, почему ты так разволновалась, – безмятежно сказал маг и с наслаждением потянулся. – Вполне приличные зомби, хорошо сработанные, – отличный пример некромантии высокого уровня. Даже вне контекста нашего... хм... путешествия, было бы весьма познавательно изучить...

– Зулин! – Ааронн сурово глянул на мага. – Смерть – не повод для шуток и не тема для научных изысканий. Смерть отвратительна, а смерть, поднятая из могилы, – отвратительна тем более. Я давно заметил, что тебя не трогают эти вопросы, но имей уважение к чувствам окружающих.

– Мне кажется, вы принимаете все это слишком близко к сердцу. Прошу прощения, конечно, если я кого-то обидел, это не со зла. И все-таки? Иефа, не делай такое лицо. Я предлагаю заняться зомби вовсе не по собственной прихоти...

– Разве?... – тихо спросил Ааронн, и маг запнулся. – А по-моему, тебя тянет туда, к мертвым, но объяснить эту тягу ты не можешь. Иефа отчасти права: тебе мало сегодняшней ночи? Что тебя так привлекает в Тьме, Зулин?

– Уж не хочешь ли ты, друид, обвинить меня в чем-то? – если бы маг не был черен от природы, он бы, наверное, потемнел лицом.

– Обычно, если я хочу что-то сделать, я это делаю. А пока я просто задал тебе вопрос.

– О боги, вы еще между собой перегрызйтесь! – Иефа всплеснула руками. – Нашли время!

– Ты права, – Ааронн перестал буравить взглядом планара и опустил голову. – Зулин, прости, я погорячился.

– Да я, в общем, тоже... – Зулин почесал затылок и посерьезнел. – И все-таки давайте обсудим...

– Зулин, я готова обсуждать все, что угодно, если ты приведешь мне хотя бы один убедительный аргумент в пользу изучения мертвецов на лесной вырубке, – Иефа устало вздохнула и потерла лоб. – Может быть, я принимаю ситуацию слишком близко к сердцу, но я готова отдать все, что угодно, лишь бы не лезть опять в это смердящее смертью болото. И не только в переносном смысле. Я не так много видела, и хоронить близких мне не приходилось, но я слишком ценю свою жизнь. Наверное, потому, что у меня не единожды пытались ее отнять.

– Первый же, кто попытался отнять у меня жизнь, сам отправился в Темные Штольни, – проворчал дварф, поглаживая рукоять топора.

– У меня не было такой возможности, Стив, – Иефа горько усмехнулась. – И даже если бы и была, я бы ею не воспользовалась.

– Кем же он был, этот первый?

– Моим отцом, – просто ответила полуэльфка. – Мы отвлеклись. Зулин, ты непоследователен. Еще вчера ты с пеной у рта доказывал, что главное в нашем деле – оперативность, потому что вышли последние сроки и только чудо поможет нам избежать позора. А сейчас ты предлагаешь все бросить и заняться опасными и, главное, совершенно ненужными, на мой взгляд, исследованиями. Конечно, шансы у нас небольшие. Конечно, то, что украли из магической гильдии, вполне могла нести та, третья группа, которая свернула к побережью. В этом случае мы уже ничего сделать не сможем. Но простая логика подсказывает, что сейчас мы на верном пути. Если не задерживаться, не отвлекаться на... посторонние вещи... – Иефа посмотрела на север и поежилась. – Может, у нас еще все и получится.

– Ты просто боишься, – с досадой сказал маг.

– Да, я боюсь, – согласилась Иефа. – Разве это так странно и стыдно? И все-таки ты не ответил. Дело ведь не в том, почему *я* не хочу идти на север. Дело в том, почему *ты* так хочешь туда идти.

– Таааак... – протянул Зулин, отвернулся от полуэльфки, упер руки в бока и с вызовом посмотрел на Стива с Ааронном. – Ну, а вы, други мои, что молчите?

– А чего говорить-то? – пожал плечами Стив. – Иефа уже все сказала, правильный вопрос задала. Мы ответа ждем. Когда дождемся, тогда и обсуждать будем. Верно я говорю? – Стив посмотрел на эльфа, Ааронн кивнул. – Ну, вот. Так что по всему выходит, Зулин, что отвечать тебе придется. В конце концов, ты у нас командир, а командиры, они, знаешь ли, не только командуют, они еще и отчитываются. Так что давай, не тяни.

– Таааак... – повторил планар. – Ну что ж, если вам не понятны совершенно очевидные вещи, придется раскладывать все по полочкам. Меня еще обвиняют в отсутствии логики!

– Короче! – буркнул дварф.

– Во-первых, мы идем на северо-восток, мы потратили уйму времени зря, преследуемая группа, скорее всего, ушла уже довольно далеко, и никому не известно, долго ли еще нам придется двигаться в северо-восточном направлении. Думаю, долго. Таким образом, зомби на севере, в конце концов, окажутся у нас за спиной. Меня действительно, как тонко подметил Ааронн, "не трогают эти вопросы", но даже я понимаю, что оставлять их в тылу очень глупо. Нужно хотя бы выяснить, кому понадобилось засылать в лес мертвых лесорубов, и чем это нам угрожает. Конечно, идеально было бы уничтожить и стадо, и пастуха, но на это я не надеюсь. Во-вторых, если помните, во время расследования нам не раз попадали в руки серебряные медальоны в виде литеры V, заключенной в круг. Про эти медальоны я выяснил две вещи: они являются так называемой меткой, то есть фактически предназначены для слежения, и на них черная магия. Есть еще предположение, что V в круге – это символ Векны, какого-то мага-некроманта древности, о котором никто ничего не знает, но это только предположение и к делу не относится. Так вот, черная магия встречается не так часто, и не исключено, что некромант, наложивший заклятия на медальоны, и некромант, управляющий зомби на вырубке, – одно и то же лицо. Тогда тем более мы должны с этим разобраться. В конце концов, два некроманта на таком маленьком участке леса – это уже слишком. Если я прав, и похищенное несут к хозяину зомбухов, то, отправившись на север, мы еще и выиграем время. В-третьих и в-последних. Я, как член магической гильдии Бристоля, обязан быть в курсе всех колебаний магического равновесия, а значит, обязан добыть как можно больше информации о неизвестном некроманте, дабы поставить в известность руководство Гильдии и вышестоящие инстанции. Тем более что у них сейчас нет магической возможности лично наблюдать за происходящим, потому что похитили... – Зулин прикусил язык и испуганно посмотрел на сопартийцев. Никто даже не улыбнулся.

– Потому что похитили Бристольский мирогляд, и вот как раз его мы и должны вернуть как можно скорее, – закончил Ааронн. – Не переживай. О том, что мы ищем, все уже давным-давно догадались. Дураков здесь нет.

– Мда. В общем, третий пункт касается только меня, – упавшим голосом сказал маг, – но, думаю, вам вполне хватит первого и второго. Я все сказал.

Над поляной повисла томительная тишина. Стив и Ааронн глубоко задумались, Иефа с тревогой переводила взгляд с одного на другого. Ну не говорить же им, что нельзя идти на север, потому что там "плохая вода"! Засмеют...

– Возразить, в принципе, нечего, – прервал, наконец, молчание эльф. – Ими действительно придется заняться. Что скажешь, Стив?

– Ну да, Зулин тут все очень складно изложил, – кивнул дварф. – Даже как-то слишком складно...

– Значит, решили? – воспрянул духом планар. – Идем на север?

– Нет! – Иефа вскочила на ноги. – Ну как вы не понимаете – все эти логические рассуждения яйца выеденного не стоят! Зачем этим мертвецам нас преследовать? Ааронн, ты сам говорил, что мы им не нужны! Зачем гоблинам идти на северо-восток, если можно пойти прямо на север? Значит, они с этой вырубкой никак не связаны! Зачем, в конце концов, лезть на рожон и пытаться одолеть силу, с которой ты, Зулин, *уже* не справился? Сбор информации? Что за бред! Нужно вернуть мирогляд, и пусть твои "высшие инстанции" сами за всем наблюдают!

– Бесполезно, Иефа, – Зулин покачал головой. – Три голоса против одного. Мы идем на север.

– Вы идете на север? Идите! – полуэльфка чуть не плакала. – А я иду на северо-восток! И никто на свете меня не заставит...

– Тревога! – не своим голосом заорал планар и вскочил. – К оружию!

– Иефа, за спину! – рявкнул Стив и принял боевую стойку. – Сколько их?

– Штук двадцать! – Зулин пошевелил пальцами и забормотал что-то себе под нос, с тревогой поглядывая по сторонам.

– С севера?

– Да.

– Гоблины?

– Нет, я не знаю, кто. Зверь не понял.

– Скоро?

– Минуты через три. – Зулин перестал шевелить пальцами, отошел от сопартийцев на два шага и расправил плечи.

– Иефа, соберись, – услышала полуэльфка шепот Ааронна. – Арбалет заряди. Первые наши. Когда уже нельзя будет стрелять, в драку не лезь. Замораживай, ослепляй, отвлекай, что хочешь, делай, но в драку не лезь, поняла?

– Я ей, так-растак, полезу! – проворчал Стив. – Будешь высовываться, по башке дам, поняла? И в обморок падать не моги!

– Да пошли вы оба, – разозлилась Иефа и после секундного раздумья ввернула изысканное дварфское ругательство, от которого у Стива покраснели уши.

– Сейчас, – бесцветным голосом сказал Зулин. – Три... – затрещали кусты на северном краю поляны. – Два... – из зарослей черемухи выскочил взъерошенный фамильяр, стрелой метнулся к хозяину и застыл. – Бой!

. На этот раз Иефа не стала жмуриться и выстрелила по рыже-зеленому качанию кустов в двадцати шагах от себя. Арбалетный болт прочесал листья, никого не задев. Зеленая ткань леса затрещала, вспоротая мохнатыми телами, и на поляну, пронзительно вереща и скалясь, горохом посыпались непонятные существа. Огневик вылетел из рук мага и с грохотом взорвался, взметнув клочья шерсти, траву и землю. Запахло паленым. Зулин вытянул руки вперед и затянул магический речитатив, формируя новый огненный шар.

– Гибберлинги! – закричал Ааронн.

– Задница Мораддинова! – охнул Стив. – Шерстяные сороки!

Иефа зарядила арбалет и выстрелила снова, попала, перезарядила, выстрелила, промахнулась, перезарядила, выстрелила... Невысокие мохнатые твари волной катили на партию, не оглядываясь на погибших и раненых. Ааронн наигрывал незатейливую мелодию на тетиве, за его стрелами Иефа следить не успевала, а когда подняла арбалет для

следующего выстрела, прямо перед собой увидела оскаленную рычащую морду. Басом свистнул топор, полуэльфка отшатнулась, цепочка карминовых капель перечертила ей лицо от виска до подбородка.

– За спину! За спину! – ревел Стив, вращая топором и пытаясь заслонить собой полуэльфку. Иефа оглянулась. Гибберлинги затопили поляну. Ааронн, отступая, дрался сразу с тремя; Зулин забыл о магии и отмахивался посохом, как простой дубинкой; утробно воя, драл горло врагу Зверь. Иефа бросила арбалет, потянула меч из ножен и пропустила движение слева от себя. Заляпанный кровью гибберлинг в прыжке вцепился полуэльфке в плечо и потянул к горлу когтистые лапы.

– Стив! – пронзительно крикнула Иефа и под тяжестью твари повалилась на землю, так и не достав оружие. Плечу стало жарко и мокро, левая рука отнялась, в лицо летели шерсть и слюна, Иефа поползла, вслепую отбиваясь от рыжих мускулистых лап и пытаясь достать меч.

– Вспышку! Иефа, вспышку! – кричал Ааронн.

Еще один гибберлинг навалился на ноги, отлетел, получив ботинком в живот, вернулся, снова навалился и начал подбираться к горлу, всаживая в тело кривые когти. Иефа каталась по земле, пытаясь сбросить с себя тварей, орала и отчаянно отплевывалась, давясь землей и шерстью. Где-то рядом ревел Стив, но на помощь не шел, и нужно было вспомнить что-то важное, но лапы давили горло все сильнее, и в голове стучало. Оскаленная жаркая пасть нависла над лицом, на щеки закапала густая горячая слюна, Иефа задохнулась от отвращения, собралась с силами и выкрикнула Слова, заслонившись здоровой рукой. Перед глазами стало бело, исчезли гибберлинги, шум боя отдалился на секунду, стал еле слышен, а потом навалился с новой силой. Иефа помотала головой.

– Отползай! – ревел Стив. – Еханный бабай, отползай, говорю!

Иефа оглянулась на крик. К ней, на ходу отшвыривая уже мертвое мохнатое тело, бежал дварф. С обеих сторон от полуэльфки полуослепшие гибберлинги мотали головами и скребли лапами морды, подвывая и раскачиваясь. Иефа поползла, отталкиваясь ногами, даже не пытаясь встать. Левая рука не действовала, висела плетью, за ней на траве оставался веселенький красный след. Иефа почувствовала, как звенит в ушах. Мимо бурей пронесся дварф, замахиваясь топором, дальше Иефа не смотрела. За спиной раздался утробный рык, полуэльфка обернулась, успела вытянуть руку ладонью вперед, даже не крикнув, а пропев Слово. Гибберлинг застыл, так и не прыгнув.

– Добивай! Добивай, что ты сидишь?! – Иефа обернулась на крик и обнаружила, что уже все закончилось, один только Зверь еще драл шерсть из своего противника. – Добивай, он же сейчас разморозится! У тебя что, меча нет? – Зулин, тяжело дыша и шатаясь, подошел к полуэльфке. – Иефа, ты слышишь?

– Я не могу. – Полуэльфка смотрела в живые, наполненные страхом и ненавистью глаза гибберлинга. – Не надо.

– Как знаешь, – пожал плечами планар, снял с пояса нож и полоснул по рыжему мохнатому горлу. Гибберлинг залился кровью, обмяк и стал медленно оседать на траву, стекленея взглядом. Иефа вздрогнула и отвернулась.

Июнь 2006 г